Счастливчикъ

повѣсть

Л. А. Чарской

Изданіе
Т-ва М. О. Вольфъ

зала 18 37
шкафъ 34 6
полка
№ 7.

1853
1883
M.O.B.

Л. А. ЧАРСКАЯ.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА,

ИЗДАННЫЯ Т-ВОМЪ М. О. ВОЛЬФЪ:

*Книги, отмѣченныя въ настоящемъ спискѣ одною звѣздочкою *, допущены Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. въ библіотеки учебныхъ заведеній.*

*Книги, отмѣченныя двумя звѣздочками **, признаны Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв заслуживающими вниманія при пополненіи библіотекъ учебныхъ заведеній.*

Книги, отмѣченныя въ настоящемъ спискѣ кружкомъ ○, рекомендованы Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебн. заведеній для чтенія кадетъ и допущены въ ротныя библіотеки.

*○ **ЗАПИСКИ ИНСТИТУТКИ.** Повѣсть для юношества, съ илл. А. И. Сударушкина. Изд. 4-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

*○ **КНЯЖНА ДЖАВАХА.** Повѣсть для юношества, въ 2-хъ частяхъ, съ илл. В. А. Табурина и А. И. Сударушкина. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

*○ **ЛЮДА ВЛАССОВСКАЯ.** Повѣсть для юнош., въ 2-хъ частяхъ. съ илл. В. А Табурина Изд. 3-е. Ц въ переплетѣ 3 р

ВТОРАЯ НИНА. Повѣсть для юношества, съ илл. И. В. Симакова. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

ДЖАВАХОВСКОЕ ГНѢЗДО. Повѣсть для юношества, съ илл. И. Гурьева. Ц. 3 р.

ВЕЧЕРА КНЯЖНЫ ДЖАВАХИ. Сказаніе старой Барбалэ. Съ рис. Н. Н. Каразина, И. Гурьева и др.

○ **ЗА ЧТО? Моя повѣсть о самой себѣ, въ 4-хъ частяхъ, съ илл. И. Гурьева. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

○ **БОЛЬШОЙ ДЖОНЪ.** Повѣсть для юношества, съ иллюстр. И. Гурьева. Ц. въ переплетѣ 3 р.

ЛѢСОВИЧКА. Повѣсть для юнош., съ илл. З. Шапиро. Ц. въ переплетѣ 3 р.

СЕСТРА МАРИНА Повѣсть для юношества, съ илл. Е. П. Сомокишъ-Судковской.

○ **ГАЗАВАТЪ. Историческая повѣсть, съ илл. І. І. Смукровича. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ. 3 р. 50 к.

○ **ПАЖЪ ЦЕСАРЕВНЫ. Историческая повѣсть, съ илл. А. Бальдингера. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

** **СМѢЛАЯ ЖИЗНЬ.** Истор. пов. для юнош., съ илл. Е. П. Самокишъ-Судковской. Изд 2-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

** **ГРОЗНАЯ ДРУЖИНА.** Историч. повѣсть. съ иллюстр. худ. С. Панова. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

ЦАРСКІЙ ГНѢВЪ. Историческая повѣсть, съ илл. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 25 к.

ЕВФИМІЯ СТАРИЦКАЯ. Историческій романъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

○ **ТАКЪ ВЕЛѢЛА ЦАРИЦА.** Историческая повѣсть для дѣтей, съ илл. А. Бальдингера. Ц. въ переплетѣ 1 р. 50 к.

○ **ГОЛУБАЯ ВОЛНА.** Стихи и пѣсни для юношества, съ илл. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

* **ПЕРВЫЕ ТОВАРИЩИ.** Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. Э. Соколовскаго. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к

ЮРКИНЪ ХУТОРОКЪ. Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. И. В. Симакова. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

** **ЗАПИСКИ СИРОТКИ.** Повѣсть для дѣтей, съ илл. Э. Соколовскаго. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

ЛИЗОЧКИНО СЧАСТЬЕ. Повѣсть для дѣтей, съ илл. В. А. Табурина и И. В. Симакова. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

ТАСИНО ГОРЕ. Повѣсть для дѣтей, съ илл. И. В. Симакова. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

** **ЗАПИСКИ МАЛЕНЬКОЙ ГИМНАЗИСТКИ.** Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

СИБИРОЧКА. Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. И. Гурьева. Ц. въ пер. 3 р.

ДОМЪ ШАЛУНОВЪ. Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. А. Бальдингера, въ переплетѣ

СЧАСТЛИВЧИКЪ. Повѣсть для дѣтей, съ илл. худ. И. Гурьева.

ЩЕЛЧОКЪ. Повѣсть для дѣтей, съ рис. И. Гурьева.

ПРОДАННЫЙ ТАЛАНТЪ. Повѣсть для юношества, съ илл. В. Полякова. Ц. въ пап. переплетѣ 60 к.

ЛУЧШІЙ ДАРЪ. Волшебная картина въ одномъ дѣйствіи. Съ рис. М. Кипина. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

** **СКАЗКИ ГОЛУБОЙ ФЕИ.** Съ рис. В. Мельникова, З. Шапиро и др. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

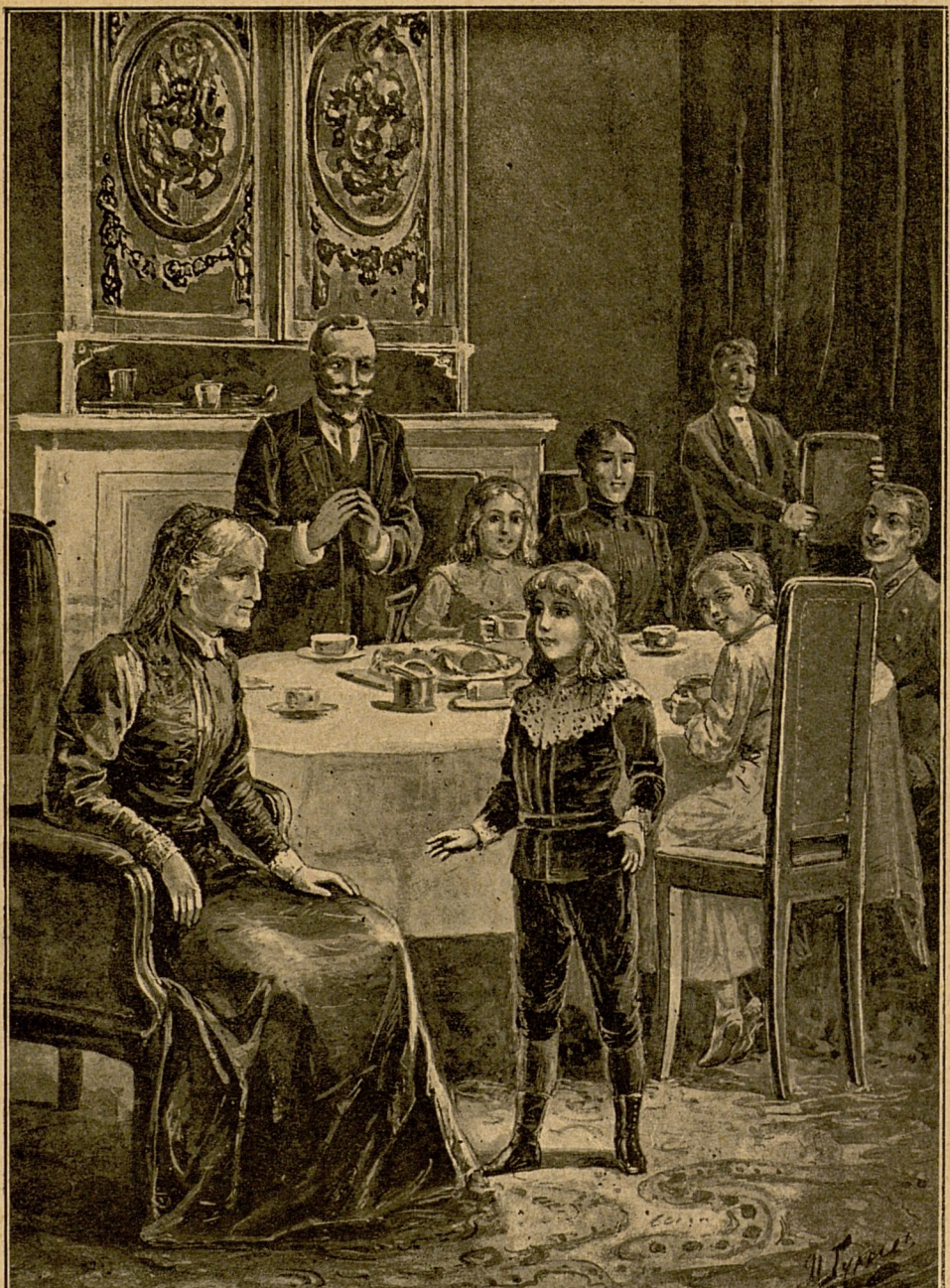
РЫЖИКЪ И ЧЕРНУШКА. Разсказъ для малютокъ. съ хром. карт. А. Гейера. Ц въ пап. переплетѣ 1 р. 50 к.

ВЕСЕЛАЯ ДЮЖИНКА. Книжка стишковъ для маленьк. дѣтей, съ илл. Изд. 2-е. Ц. въ папкѣ 50 к.

ВОВИКЪ. Полу-быль, полу-сказка, съ илл. барона Деметра.

КОГДА МЫ БЫЛИ МАЛЕНЬКІЕ. Разсказы для маленькихъ дѣтей, съ хром. карт. Изд. 3-е. Ц. въ пап. переплетѣ 90 к.

НА КРАЙ СВѢТА. Разсказъ для маленькихъ дѣтей, съ илл. Б. К. Кильверта. Ц. 15 к.



Не безпокойся, милая бабушка! Я совсѣмъ не боюсь экзамена!

СЧАСТЛИВЧИКЪ

* * *

ПОВѢСТЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Л. А. ЧАРСКОЙ

Съ 10 иллюстраціями И. Гурьева

* * *

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-Петербургъ
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13
Москва
Кузн. Мостъ, 12 и Моховая, 22.
1912

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М-О-ВОЛЬФЪ
С-ПЕТЕРБУРГЪ · ВАС-ОСТР-16 ЛИНІЯ СОБ-ДОМЪ
1912

ГЛАВА I.

УТРО. Синія шторы спущены въ дѣтской, но шаловливый солнечный лучъ нашелъ скважинку между занавѣской и оконной рамой и проникъ въ комнату, освѣщая уютную, красивую бѣлую кроватку, голубое стеганое атласное одѣяло и бѣлокурую, съ длинными растрепанными кудрями, головку спящаго мальчика.

Между стекломъ и шторой на окнѣ шевелится кто-то. Слышится усиленная возня, постукиваніе и шелестъ.

Наконецъ этотъ «кто-то», таинственный и незримый, кричитъ голосомъ, не допускающимъ возраженій:

— Бонжуръ! Пора вставать, Счастливчикъ! Пора вставать!

Бѣлокурая головка въ голубовато-бѣлой кроваткѣ приподнимается. Большіе черные глаза то недоумѣло таращатся, то жмурятся отъ солнечнаго луча.

— Бонжуръ! Пора вставать, Счастливчикъ!—еще разъ кричитъ тотъ, невидимый, у окна.

Мальчикъ сладко зѣваетъ, потягивается и садится на постели.

Мальчикъ этотъ очень хорошенькій и изящный. Онъ весь тоненькій и хрупкій, съ блѣднымъ, точно фарфоровымъ личикомъ, черноглазый, съ льняными кудрями, съ правильными чертами и алымъ, какъ вишня, ротикомъ. Ему девять лѣтъ, но кажется онъ значительно меньше.

Счастливчикъ—крошечнаго роста и всѣ его принимаютъ за семилѣтняго. Совсѣмъ, однако, напрасно: онъ уменъ, какъ взрослый. Это говорятъ всѣ: и бабушка, и няня, и Ляля, и monsieur Диро, и Микъ-Микъ.

Только что Счастливчикъ спустилъ съ постели голенькія ножонки, какъ за дверями слышится голосъ:

— Можно войти?

Счастливчикъ подбираетъ тотчасъ свои ноги подъ себя и садится, какъ турецкій паша, посреди своей нарядной кроватки.

За шторой на окнѣ слышится возня. Кто-то тревожно мечется тамъ и свиститъ: «Фю-фю-фю».

— Войдите! — кричитъ Счастливчикъ. — Микъ-Микъ, это вы?

Дверь широко распахивается. На порогѣ появляется высокій студентъ въ тужуркѣ, со смѣющимися, сѣрыми, весело прищуренными глазами и маленькой черной бородкой.

Счастливчикъ не ошибся. Это Микъ-Микъ, собственно говоря, Михаилъ Михайловичъ Мирскій, репетиторъ Счастливчика и дальній родственникъ, весь послѣдній годъ готовившій мальчика въ гимназію въ

первый классъ. Счастливчикъ еще совсѣмъ маленькимъ мальчикомъ, когда онъ не умѣлъ хорошо говорить, прозвалъ Михаила Михайловича «Микъ-Микъ», и съ тѣхъ поръ его такъ и называетъ постоянно.

— Какъ, еще въ постели! Но сегодня экзаменъ!— съ дѣланнымъ ужасомъ восклицаетъ Микъ-Микъ и состраиваетъ такую страшную физіономію, какая, по всей вѣроятности, была у сѣраго волка, когда онъ намѣревался проглотить Красную Шапочку въ сказкѣ.— Кира, безбожникъ вы этакій, вѣдь на экзаменъ опоздаете! Вотъ постойте, я васъ!

Микъ-Микъ бросается къ голубовато-бѣлой постелькѣ, хватаетъ Счастливчика на руки и вертится съ нимъ по комнатѣ, высоко держа мальчика надъ головой.

— Сегодня экзаменъ! Экзаменъ, экзаменъ!—припѣваетъ онъ на мотивъ пѣсенки «Жилъ-былъ у бабушки сѣренькій козликъ».

Счастливчикъ хохочетъ. Ему весело, забавно, но немножко холодно.

— Милый Микъ-Микъ, пустите меня!

— Я спущу васъ, Счастливчикъ, лишь только вы скажете мнѣ, что такое за звѣрь имя существительное?

— Это названіе предмета,—не сморгнувъ отвѣчаетъ мальчикъ, хохоча до слезъ.

— А глаголъ? Что за козявка Божія глаголъ, Счастливчикъ?

— Глаголъ означаетъ дѣйствіе предмета!—снова получается между двумя взрывами смѣха веселый отвѣтъ Счастливчика.

— Тра-ля-ля! Вы молодецъ, Счастливчикъ, и получаете свободу...

И въ одно мгновеніе ока мальчикъ высоко вскинутъ на воздухъ и водворенъ обратно на постель.

За шторой усугубляется возня, и отчаянный голосъ пронзительно вопитъ на всю спальню:

— Желаю вамъ добраго утра! Бонжуръ!

— Ха, ха, ха, ха! Ахъ, Коко, бѣдняжка! Надо его освободить.

Въ одну секунду Микъ-Микъ уже у окна. Синяя штора поднята и бѣлая волна солнца и свѣта вливается въ комнату.

На окнѣ виситъ большая клѣтка. Въ ней зеленый попугай съ розовой головкой. Онъ чиститъ лапку клювомъ и поетъ картавымъ птичьимъ голосомъ:

Я уменъ,
Ты уменъ,
Умники мы оба!

— Нѣтъ, ужъ ты меня извини, попка, а ты вполнѣ законченный дуралей,—смѣется Микъ, просовывая и тотчасъ же выдергивая указательный палецъ между прутьями клѣтки.

Коко сердится и свиститъ. Онъ всегда свиститъ въ такихъ случаяхъ.

Потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, затягиваетъ снова:

Я уменъ,
Ты уменъ,
Умники мы оба!

И ни съ того ни съ сего прибавляетъ совсѣмъ уже ни къ селу ни къ городу:

— Попочка любитъ винегретъ!

Микъ-Микъ и Счастливчикъ заливчато хохочутъ.

ГЛАВА II.

— ЕЩЕ въ постелькѣ! Ай, ай, ай, какъ нехорошо! Небось Михаилъ Михайлычъ уже пришли, чтобы приготовить тебя, Счастливчикъ, къ экзамену, а ты еще въ постелькѣ!

Старая, рыхлая, простодушная, какъ и всѣ русскія няни, Степановна проникаетъ въ дѣтскую и укоризненно качаетъ сѣдою, какъ лунь, головою, въ ослѣпительно бѣломъ чепчикѣ.

Коко, который за этотъ именно бѣлый чепецъ да еще и за упорное нежеланіе давать ему сахаръ недолюбливаетъ няню, при появленіи ея заливается отчаяннымъ крикомъ:

— Ступай прочь! Ступай прочь!

Этой фразѣ выучилъ Коко молодой лакей Францъ, который тоже не любитъ няню, не любитъ за то, что она держитъ себя, по его выраженію, «превыше барыни».

При неожиданномъ крикѣ Коко няня вздрагиваетъ, пугается, потомъ начинаетъ сердиться.

— Тьфу, пропасть!—ворчитъ она.—Глупая птица! Постой, я вотъ тебя!..

— Я вотъ тебя! — какъ эхо, крикливо вторитъ ей попугай.

Счастливчикъ съ Микъ-Микомъ хохочутъ. Няня начинаетъ сердиться уже самымъ серьезнымъ образомъ.

— Барыня васъ спрашивали, батюшка мой,—обиженнымъ голосомъ обращается она къ студенту.— Благоволите пройти въ столовую.

— Хорошо, я сейчасъ «благоволю пройти» въ столовую,—отвѣчаетъ смѣясь Микъ-Микъ,—а вы, старушка Божія, не извольте себѣ ради глупой птицы кровь портить. Вѣдь Коко безвредная штучка.

— Коко безвредная штучка! — покорно соглашается попугай.

Мирскій вышелъ. Няня принялась за мальчика. Началось утреннее одѣванье, обмыванье, расчесыванье длинныхъ и мягкихъ, какъ паутина, бѣлокурыхъ кудрей Счастливчика.

Обтеревъ все тѣло мальчика губкой, смоченной въ туалетномъ уксусѣ, няня надѣла, прежде всего, Кирѣ фланелевый набрюшникъ на животикъ, тонкую шелковую фуфайку, теплые егеровскіе носочки на ноги, а поверхъ ихъ—длинные, выше колѣнъ, шелковые черные чулки и высокіе, изъ желтой кожи, на четырнадцать пуговицъ, сапожки. Потомъ, за мраморнымъ, маленькимъ, какъ игрушка, умывальникомъ, собственноручно намылила ему руки, уши, обтерла губкой лицо, вычистила ногти и зубы и, наконецъ, надѣла на Киру дорогой бархатный, съ кружевнымъ

бѣлымъ воротникомъ и манжетами, прелестный костюмчикъ.

Тщательно умытый, причесанный и нарядный, со своими длинными локонами, обрамляющими, какъ въ рамѣ, тонкое, красивое личико, весь въ бархатѣ и кружевахъ, Счастливчикъ казался теперь чудесной, дорогой французской куклой или, вѣрнѣе, маленькимъ принцемъ изъ волшебной сказки.

— Молись Богу, мой батюшка, чтобы на экзаменѣ какой прорухи не вышло!—наставительно проронила няня и, опустившись на колѣни передъ кіотомъ съ мерцающей лампадкой, зашептала блеклыми, старческими губами:

— Господи, помоги отроку твоему Кириллу! Заступница, Царица Небесная, умудри младенца своего!

И Кира молился тоже.

Обычно неугомонный Коко притихъ въ своей клѣткѣ и, свернувъ на-бокъ свою зеленовато-розовую головку, усердно наблюдалъ колѣнопреклоненныя фигуры мальчика и старухи.

ГЛАВА III.

Когда Кира вошелъ въ столовую, вся семья была уже въ сборѣ. Пили чай за большимъ столомъ.

На главномъ мѣстѣ, въ креслѣ, сидитъ бабушка. Она еще издали протягиваетъ руки своему любимцу. Ея милое, доброе, красивое, все излученное мелкимъ сіяніемъ морщинокъ, лицо и большіе сѣрые глаза улыбаются Кирѣ.

Въ своемъ обычномъ черномъ шелковомъ платьѣ, съ черной же шелковой кружевной косынкой на сѣдыхъ, какъ серебро блестящихъ, волосахъ, маленькая, изящная Валентина Павловна Раева удивительно похожа на изображеніе маркизъ на старинныхъ французскихъ картинахъ. Счастливчикъ весь въ нее, вылитый портретъ.

Тутъ же, за столомъ, сидитъ одиннадцатилѣтняя Симочка, бабушкина воспитанница, взятая съ трехлѣтняго возраста въ домъ Раевыхъ бѣдная сирота. Симочка скромно потупила глаза и всѣми силами

старается скрыть огромное чайное пятно, сдѣланное ею на чистой, только что постланной скатерти.

Симочка маленькое, лукавое, вертлявое существо. Любитъ сладкое и интересныя сказки. Часто говоритъ неправду и когда солжетъ, то всегда ея свѣтлые глазки принимаютъ безпокойное выраженіе.

Симочка некрасива. Личико—птички: остренькое, съ маленькимъ носомъ-пуговкой и массою веснушекъ. На бѣлокуро-рыжеватыхъ, двухцвѣтныхъ волосахъ голубенькая круглая гребенка. Волосы коротенькіе и изъ-подъ гребенки стоятъ на темени торчкомъ. Рожица лукаво-шаловливая, старающаяся казаться скромной.

Противъ Симочки за столомъ сидитъ Ляля.

Лялѣ, родной сестрѣ Киры, четырнадцать лѣтъ. Она калѣка. Ходитъ на костыляхъ съ четырехлѣтняго возраста. До четырехъ лѣтъ она не ходила совсѣмъ. Доктора говорятъ, что болѣзнь Ляли пройдетъ съ годами, а пока ее усиленно лечатъ, возятъ на югъ и за границу и мучатъ всякими втираніями, ваннами и душами.

У Ляли—красивое тонкое личико, такое же, какъ и у Киры и бабушки, только черные большіе глаза Ляли всегда печальны, а тонкія блѣдныя губки смѣются рѣдко. Около Ляли ея гувернантка—Аврора Васильевна, строгая, суровая ко всему міру, но безконечно добрая и мягкая къ одной Лялѣ, которую она обожаетъ. Аврора Васильевна — худая, высокая, какъ жердь, особа, гладко причесанная, въ строгаго фасона суконномъ платьѣ, безъ малѣйшаго украшенія, бантика, кружевца.

Съ другой стороны Ляли помѣстился monsieur Диро, воспитатель Счастливчика. Monsieur Диро—французъ изъ Парижа, говоритъ плохо по-русски и какъ роднаго сына любитъ и балуетъ Киру, воспитаніе котораго ему поручено съ пяти лѣтъ. Онъ же даетъ уроки Лялѣ и Симочкѣ по французскому языку и рисованію, а въ свободное отъ занятій время пишетъ масляными красками картины.

Микъ-Микъ его врагъ. Monsieur Диро никакъ не можетъ простить студенту, что онъ отнялъ отъ него совсѣмъ за этотъ послѣдній годъ Счастливчика, и часто жалуется, что съ тѣхъ поръ, какъ Мирскій приходитъ ежедневно заниматься съ Кирой, мальчикъ какъ будто чуточку охладѣлъ къ своему старому другу, къ своему «Ами», какъ Счастливчикъ, а за нимъ и всѣ въ домѣ прозвали стараго француза.

У monsieur Диро короткіе, пѣгіе, отъ сильно пробивающейся сѣдины, волосы, небольшая бородка, сѣдые усы, добродушнѣйшее въ мірѣ лицо и мягкая улыбка.

Сейчасъ «Ами» усиленно споритъ о чемъ то на своемъ ломаномъ французско-русскомъ нарѣчіи съ Мирскимъ. Лицо сердито-недовольное, сѣдыя брови сжаты. Въ глазахъ огоньки.

Но вотъ входитъ Счастливчикъ и останавливается на порогѣ.

— Добраго утра, Счастливчикъ!

Голосъ бабушки, нѣжный, грудной, ласковый, такъ и льется прямо въ душу.

— Какъ спалъ, дитя? Не болитъ ли что? Можетъ быть, ночь безпокойно спалось въ ожиданіи экзамена?

Глаза бабушки близоруко щурятся и сіяютъ. Счастливчикъ цѣлуетъ почтительно бабушкѣ руку.

— О, не безпокойся, милая, милая бабушка! Я совсѣмъ не боюсь экзамена, ну, ни чуточки не боюсь!— своимъ звонкимъ голоскомъ отзывается Счастливчикъ.

— Еще бы онъ боялся! Да если бы вы труса праздновали при вашей подготовкѣ, Кириллъ Кирилловичъ, я бы и знать васъ не захотѣлъ!—отзывается съ конца стола Микъ-Микъ такимъ страшнымъ необычайнымъ басомъ, что Симочка взвизгиваетъ отъ восторга и, сдѣлавъ рѣзкое движеніе, окончательно разливаетъ чай на скатерть.

Аврора Васильевна значительно вскидываетъ глазами въ ея сторону и грозитъ пальцемъ. Пятно получается огромное—не пятно, а цѣлая лужа, которая и размазывается дальше и дальше настоящимъ озеромъ по столу. Симочка, красная какъ ракъ, потупляетъ глазки и бросаетъ испуганный взглядъ на бабушку. Но бабушка занята Счастливчикомъ. Надо ему налить какао, не забывъ предварительно заставить принять Киру ложку какого то снадобья, которое три раза передъ ѣдою, вслѣдствіе малокровія, принимаетъ Счастливчикъ, выбрать булочку, прибавить сахару въ его стаканъ въ серебряномъ дорогомъ подстаканникѣ и т. д. Не до Симочки сейчасъ, не до другихъ.

Впрочемъ, не одна бабушка сейчасъ занята исключительно внучкомъ. Съ той минуты, какъ въ столовую вошелъ Счастливчикъ, лица всѣхъ засіяли и растянулись въ довольныя улыбки. Просіялъ «Ами», про-

сіяла печальная Ляля, просіялъ молодой щеголь-лакей Францъ, стремительно подставляя маленькому барченку его удобный, нарочно заказанный для него бабушкой, стулъ съ высоко прилаженнымъ сидѣньемъ. Даже по обычно холодному, строгому лицу Авроры Васильевны проползло нѣчто похожее на улыбку, а лукавые, теперь нѣсколько смущенные глазки Симочки заискрились и заблестѣли, какъ звѣзды. Счастливчика цѣловали, обнимали, пожимали его крошечную, миніатюрную ручку, невольно любуясь при этомъ его изящной фигуркой въ бархатномъ нарядѣ, съ большимъ воротникомъ.

Счастливчикъ важно возсѣдалъ на высокомъ стулѣ, пилъ какао, кушалъ сдобные крендельки и булки и, съ видомъ взрослаго, ужасно серьезнаго человѣка, слушалъ какъ вести себя въ гимназіи во время экзаменовъ, слушалъ послѣднія наставленія, даваемыя ему Микъ-Микомъ.

Онъ не боялся предстоящихъ испытаній ни капли. Счастливчикъ не боялся уже потому, что все то, что полагалось знать для ученика перваго класса, мальчикъ, благодаря стараніямъ своего учителя, зналъ на славу. И потомъ, съ самыхъ раннихъ лѣтъ Кира привыкъ вѣрить, что все вокругъ него было точно создано для его радостей, все ему удавалось какъ нельзя лучше, все шло гладко и ровно какъ по маслу, и что онъ былъ настоящій Счастливчикъ и баловень семьи. Такъ неужели же судьба теперь измѣнитъ Счастливчику, и онъ не выдержитъ экзамена?!..

ГЛАВА IV.

— АНДРОНЪ, подавай!

Щеголеватый Францъ съ быстротою мальчика выскочилъ съ лѣстницы и молодцеватымъ жестомъ отстегнулъ кожаный фартукъ коляски.

— Пожалуйте!

Сначала въ коляску сѣла бабушка. Подлѣ нея помѣстился Счастливчикъ въ красивомъ лѣтнемъ плащѣ и мягкой широкополой панама-шляпѣ, придававшей ему еще больше сходства съ хорошенькимъ, маленькимъ принцемъ. На крыльцѣ стояли Микъ-Микъ, «Ами» и няня.

Няня крестила Счастливчика, шепча молитву. Микъ-Микъ кричалъ весело:

— Смотрите же, Кира, не спутайте сколько семьюдевять... Да въ диктовкѣ будьте повнимательнѣе! У васъ насчетъ буквы «ять» не больно то щедро бываетъ... Если на пятеркахъ не выѣдете, берегитесь возвращаться, Счастливчикъ! Живьемъ проглочу!

А «Ами» кричалъ въ свою очередь по-французски:

— Courage! Courage, mon garçon! *)

И всѣ трое улыбались и кивали.

Микъ-Микъ долженъ былъ тоже ѣхать въ гимназію, и для того, чтобы узнать объ участи экзаменовъ Киры, и для того, чтобы переговорить, если понадобится, съ директоромъ гимназіи, а главнымъ образомъ — съ цѣлью поддержать своимъ присутствіемъ бодрость духа въ Счастливчикѣ.

Бабушка и внучекъ поѣхали въ гимназію въ «собственной» шикарной коляскѣ. Микъ-Микъ идетъ туда сначала пѣшкомъ, потомъ садится въ электрическій трамвай и ѣдетъ.

Раевы живутъ далеко отъ гимназіи, которая находится въ самомъ центрѣ города. У бабушки собственный домъ, большой, бѣлый, двухъэтажный, окруженный тѣнистымъ садомъ, точно маленькое имѣніе, съ качелями, площадкой лаунъ-тенниса и крокета. Когда Счастливчикъ выдержитъ экзаменъ и поступитъ въ гимназію, monsieur Диро будетъ отвозить его туда ежедневно. Бабушка уже рѣшила это. Въ болѣе близкую гимназію она ни за что не отдастъ своего любимца потому, что тамъ воспитываются дѣти дворниковъ, сапожниковъ, мелкихъ торговцевъ. Въ той же, куда они ѣдутъ сейчасъ, учатся почти исключительно дѣти изъ болѣе изысканнаго общества. Бабушка уже давно, прежде чѣмъ поступить туда Кирѣ, тщательно навела объ этомъ справки, опасаясь, какъ бы Счаст-

*) Смѣлѣе! Смѣлѣе, мой мальчикъ!

ливчикъ не заразился дурными манерами среди плохо воспитанныхъ дѣтей. Бабушка думаетъ и сейчасъ объ этомъ. А гнѣдой Разгуляй то и дѣло набавляетъ ходу подъ опытной рукой кучера Андрона. И Андронъ, и Разгуляй очевидно понимаютъ всю торжественность минуты: маленькій баринъ ѣдетъ держать экзаменъ. А вы думаете, это легкая штука экзаменъ?

ГЛАВА V.

— БОЖЕ ты мой, какой маленькій! Сколько же ему лѣтъ?

Человѣкъ въ синемъ вицмундирѣ, съ блестящими пуговицами и бархатнымъ воротникомъ, смотритъ сквозь золотое пенснэ сначала на бабушку, потомъ на крошечную фигурку Счастливчика, всю утонувшую въ бархатѣ, кружевахъ и кудряхъ.

Бабушка смущена. Въ самомъ дѣлѣ, Счастливчикъ такой маленькій, худенькій и хрупкій, что кажется семилѣтнимъ.

— Ему уже девять лѣтъ! — говоритъ бабушка инспектору, такъ какъ человѣкъ въ синемъ вицмундирѣ съ блестящими пуговицами — инспекторъ той гимназіи, куда поступаетъ Кира.

— Фамилія? — кратко освѣдомляется еще разъ инспекторъ.

— Кириллъ Раевъ, — говоритъ бабушка, немного испуганная его строго дѣловымъ тономъ.

— Потрудитесь пройти въ общую пріемную, —

снова роняетъ дѣловой человѣкъ и устремляется куда-то въ дверь, наскоро сдѣлавъ замѣтку въ своей записной книжкѣ.

У него такое серьезное, сосредоточенное лицо и нахмуренныя брови, показавшіяся Кирѣ сердитыми, что мальчикъ радъ, когда сердитый синій человѣкъ оставилъ ихъ въ покоѣ.

Чуть-чуть волнуясь, Валентина Павловна прошла съ внукомъ въ коридоръ, который ведетъ въ пріемную.

О, сколько народа! Какой шумъ отъ многихъ голосовъ! И мальчики, мальчики, мальчики безъ конца. Столько мальчиковъ вмѣстѣ Кира никогда еще не видѣлъ за всю свою маленькую жизнь.

— Всѣ они пришли экзаменоваться? — шопотомъ освѣдомляется у бабушки Счастливчикъ.

— Да, да, милый! — получается такой же тихій отвѣтъ.

Счастливчикъ останавливается посреди комнаты. Его большіе, черные, теперь серьезные глаза оглядываютъ присутствующихъ внимательнымъ, зоркимъ взглядомъ. Личико его сосредоточено. Бѣлокурые локоны падаютъ на лобъ.

— Какой красавчикъ! Точно картинка! А какой малюсенькій! — слышатся подавленные возгласы восторга и изумленія вокругъ него.

Родители и дѣти, находящіеся въ пріемной, заняты всѣ исключительно созерцаніемъ очаровательнаго ребенка.

Но Счастливчикъ равнодушно относится къ похваламъ. Еще бы! Онъ такъ привыкъ съ дѣтства,

Вдругъ одинъ мальчикъ крикнулъ: Вотъ такъ штука!

чтобы имъ восхищались. Зато по лицу бабушки проходитъ довольная улыбка. Бабушка очень любитъ, когда хвалятъ ея любимца.

Вдругъ одинъ мальчикъ, стоявшій подлѣ бѣдно одѣтой, худощавой женщины, скромно пріютившейся въ углу, пристально взглянулъ на Счастливчика и громко на всю комнату крикнулъ, нимало не стѣсняясь:

— Вотъ такъ штука! Ни мальчикъ, ни дѣвчонка, а точно кукла въ шляпѣ! Мама, погляди!

Бѣдно одѣтая женщина испуганно зашикала на сына и замахала руками, багрово краснѣя и смущенно оглядываясь на сосѣдей.

— Что ты, Ванюшка, что ты! Развѣ можно такъ!

Бабушка повела на дерзкаго мальчика молніеноснымъ взоромъ и процѣдила недовольнымъ тономъ, тоже слегка краснѣя и строго поджимая губы:

— Какой дурно воспитанный мальчикъ!

Но «дурно воспитанный» мальчикъ, какъ говорится, глазомъ не повелъ на замѣчаніе бабушки. Онъ продолжалъ внимательно и зорко, какъ невиданнаго звѣрька, осматривать Счастливчика и тихо хихикалъ, закрывъ себѣ ротъ кулакомъ. Его сѣрые небольшіе глазки такъ и искрились. Кира тоже въ свою очередь внимательно смотрѣлъ на мальчика. Здоровый, широкоплечій, плотный, съ коротко остриженной головою, съ румянцемъ во всю щеку, онъ представлялъ изъ себя завидный типъ маленькаго богатыря. А костюмъ у краснощекаго, такъ и пышущаго силой и здоровьемъ «богатыря», былъ совсѣмъ простой, бѣдный: черная, довольно поношенная, хотя и чистая курточка, про-

стенькіе штаны, ременный поясъ и высокіе сапоги въ заплатахъ. Эти заплатанные сапоги начинали замѣтно безпокоить бабушку.

— Вотъ вамъ и первоклассная гимназія!—мысленно изводилась Валентина Павловна,—думала, что здѣсь все дѣти зажиточныхъ родителей, и вдругъ оказывается, что и мужиковъ сюда водятъ экзаменоваться!

Волненію Валентины Павловны, однако, суждено было скоро принять иное направленіе. Открылась стеклянная дверь въ сосѣднюю комнату. На порогѣ ея очутился знакомый уже человѣкъ въ синемъ вицмундирѣ.

— Прошу дѣтей выстроиться въ пары и идти въ залъ!

Бабушка заволновалась сильнѣе.

— Идти въ залъ, а Микъ-Мика еще нѣтъ!

Но вотъ на порогѣ пріемной вырисовалась стройная фигура студента въ сѣрой тужуркѣ.

— Вотъ и я! Не опоздалъ?

Мирскій не одинъ. Съ нимъ высокій, полный господинъ въ такомъ же синемъ вицмундирѣ какъ и у инспектора. И пуговицы такія же, блестящія, золотыя. Только лицо другое: доброе, веселое, смѣющееся.

— Это — преподаватель математики! — говоритъ Микъ-Микъ, цѣлуя руку бабушки. — Зовутъ его Владиміръ Александровичъ Аристовъ.

— Батюшки мои! Это еще что за прелесть!— разражается восхищеннымъ басомъ представленный учитель, глядя на Киру. И, едва успѣвъ пожать руку бабушки, онъ беретъ за руку Счастливчика и идетъ съ нимъ впереди правильно выстроенной по два въ рядъ шеренги мальчиковъ, прямо въ залъ.

ГЛАВА VI.

Какой онъ былъ, этотъ залъ, большой и свѣтлый! Окна, окна, безъ конца. Солнце такъ и заливаетъ огромную бѣлую комнату. Паркетный полъ гладокъ, какъ зеркало. Въ переднемъ углу образъ Спасителя, благословляющаго дѣтей. Передъ нимъ столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, стулья вокругъ, а по всему залу разставлены ученическіе столики и скамейки.

За зеленымъ столомъ цѣлое общество. Счастливчику хорошо видны чужіе, незнакомые мужчины, въ синихъ сюртукахъ съ блестящими пуговицами. У одного изъ нихъ на груди надѣто что-то въ родѣ звѣзды, у другихъ ордена или знаки—Кира не можетъ разобрать хорошенько. Въ концѣ стола сидитъ пожилой священникъ, въ лиловой рясѣ. Золотой крестъ на цѣпочкѣ горитъ и искрится на солнцѣ сотнями лучей. Лицо у священника худощавое, строгое, съ узкой сѣденькой бородкой.

Мальчиковъ, вошедшихъ въ залъ, тотчасъ же раз

садили по скамейкамъ. На столахъ передъ ними уже заранѣе положены чистые листы бумаги для диктовки и вставочки съ перьями. Чернильницы неподвижныя, вдѣланы въ столы.

Владиміръ Александровичъ Аристовъ подвелъ Счастливчика къ первой скамейкѣ, стоявшей по сосѣдству съ зеленымъ столомъ, и посадилъ.

— Какой красивый ребенокъ!—сказалъ господинъ въ синемъ сюртукѣ со звѣздой на груди.

Сказалъ онъ это очень тихо окружающимъ, но такъ, что Кира услышалъ его слова.

— Поклонись ему, мой мальчикъ. Это директоръ гимназіи,—шепнулъ учитель математики Кирѣ.

Кира всталъ съ мѣста, шаркнулъ ножкой и склонилъ голову. Кудри упали ему на лицо.

Отъ стола отошелъ маленькій кругленькій человѣчекъ въ очкахъ.

— Пишите, дѣти. Я буду вамъ диктовать,—проговорилъ онъ громко каждое слово и сталъ еще громче нанизывать фразу за фразой, одну за другой, одну за другой: *Лѣтомъ хорошо въ деревнѣ. Все зелено и сочно въ лѣсу. Поютъ веселыя маленькія птички, журчатъ ручьи, мелькаютъ пестрые мотыльки.*

Учитель диктовалъ, мальчики писали. Счастливчикъ умѣлъ хорошо писать диктовки. Микъ-Микъ за весь послѣдній годъ пріучалъ его къ этому.

«Только бы не провраться съ буквой «ѣ»,—мысленно подбодрялъ себя Кира,—а диктовка сама по себѣ легонькая, пустяки!»

Около Киры сидѣлъ худенькій, прозрачно-блѣдный

мальчикъ съ синими, ласковыми глазами. Писалъ онъ старательно, высунувъ языкъ и переводя его то и дѣло изъ одного угла рта въ другой. Видя, что Кира на него смотритъ, мальчикъ спряталъ языкъ, вспыхнулъ до ушей, потомъ покосился снова на Киру и кивнулъ ему головою:

— Меня зовутъ Алей Голубинымъ,—произнесъ онъ нѣжнымъ дѣтскимъ голосомъ.—А тебя?

Счастливчикъ не успѣлъ отвѣтить. Маленькій человѣчекъ въ вицмундирѣ кончилъ диктовать и отбиралъ листки съ написаннымъ.

Начались устные экзамены. Мальчиковъ вызывали къ столу, спрашивали ихъ по русской грамматикѣ, ариѳметикѣ и Закону Божію. Заставляли читать по какой-то толстой книгѣ и разсказывать прочитанное своими словами.

Киринъ сосѣдъ былъ вызванъ однимъ изъ первыхъ. Онъ обдернулъ курточку и, красный отъ смущенія, подошелъ къ столу. Тамъ уже отвѣчалъ стриженый, плохо одѣтый, краснощекій толстякъ, назвавшій тамъ, въ пріемной, Счастливчика «куклой». Краснощекій мальчикъ отвѣчалъ прекрасно, отчетливо, громко, увѣренно и смѣло поглядывалъ на всѣхъ своими сѣрыми, смѣющимися глазами.

— Хорошо, очень хорошо!—одобряли его сидѣвшіе за столомъ директоръ, инспекторъ, батюшка и учителя.

Потомъ краснощекій прочелъ по желанію учителя басню «Зеркало и обезьяна», прочелъ съ такими ужимками и забавнымъ выраженіемъ, что всѣ за столомъ невольно разсмѣялись.

И мальчики смѣялись тоже. Ужъ очень забавнымъ казался краснощекій.

— Раевъ! — услышалъ, наконецъ, Счастливчикъ свою фамилію, и затѣмъ еще двѣ другія, и три названные мальчика очутились передъ зеленымъ столомъ.

— Твое имя?—обратился директоръ къ Кирѣ.

— Счастливчикъ.

За зеленымъ столомъ разсмѣялись рѣшительно всѣ.

Учитель математики подхватилъ Киру и усадилъ его къ себѣ на колѣни.

— Ну-съ, маленькій Счастливчикъ, скажи-ка, сколько будетъ шестью-семь?

— Сорокъ два!—подумавъ секунду, отвѣчалъ Кира, тряхнувъ головою по привычкѣ.

— А восемью-девять?

— А пятью-восемь?

— У одного мужика было шесть десятковъ яблокъ, у другого на тридцать пять штукъ меньше; сколько было у обоихъ?

Счастливчикъ рѣшилъ, сколько было у обоихъ, и подѣлился своимъ рѣшеніемъ съ учителемъ. Тотъ назвалъ его молодцомъ, погладилъ по головкѣ и отправилъ экзаменоваться къ батюшкѣ. Священникъ взглянулъ сначала очень строго черезъ очки на наряднаго, въ бархатѣ и кружевахъ, съ длинными кудрями, мальчика, но, встрѣтивъ ясный, открытый взглядъ большихъ, серьезныхъ и сосредоточенныхъ глазенокъ, сразу смягчился.

— Что ты знаешь о сотвореніи міра, малышъ?— спросилъ онъ Киру.

Счастливчикъ зналъ о сотвореніи міра очень многое, зналъ все то, чему такъ добросовѣстно выучилъ его Микъ-Микъ. Поэтому онъ разсказалъ очень умно, подробно и толково о томъ, какъ создалъ Господь Богъ міръ. И молитву Господню «Отче нашъ» сумѣлъ прекрасно перевести Счастливчикъ со славянскаго на русскій языкъ.

— Ступай, мальчикъ, прекрасно!—ободрилъ его батюшка и что-то отмѣтилъ перомъ на листѣ бумаги, лежавшемъ передъ нимъ.

Счастливчикъ очутился передъ кругленькимъ, маленькимъ человѣчкомъ, тѣмъ самымъ, который диктовалъ.

Тотъ суетъ Счастливчику въ руки большую, толстую книгу, которая едва помѣщается въ маленькихъ ручонкахъ,—ужасно тяжелую, неудобную книгу.

Чтобы облегчить себѣ задачу, Счастливчикъ кладетъ книгу на столъ, самъ садится на свободный стулъ у стола, на которомъ недавно сидѣлъ инспекторъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, начинаетъ чтеніе: «Жилъ старикъ со старухой у самаго синяго моря»...

Сидѣть экзаменующимся за столомъ не полагается, отвѣчать надо стоя, но... никто не рѣшается остановить крошечнаго мальчика, который, очевидно, чувствуетъ себя какъ дома.

Но вотъ сказка прочтена и разсказана. Разсказана, должно быть, очень хорошо, потому что маленькій, толстенькій учитель улыбается и одобрительно покачиваетъ головою. Улыбается не одинъ толстень-

кій человѣчекъ, улыбается директоръ, подошедшій инспекторъ, батюшка, другіе учителя. Потомъ «толстенькій» забрасываетъ Счастливчика цѣлымъ градомъ вопросовъ:

— Что такое имя существительное? Прилагательное? Глаголъ? Нарѣчіе?

Счастливчикъ все это знаетъ и отвѣчаетъ прекрасно. Вотъ только нарѣчіе... Что это такое? Для него, Счастливчика, это совсѣмъ, совсѣмъ чужое, незнакомое слово. О нарѣчіи онъ еще ничего не слыхалъ.

— Микъ-Микъ мнѣ о нарѣчіи ничего не говорилъ, и я не знаю, что это такое!—откровенно признается учителю Счастливчикъ и широко раскрываетъ отъ недоумѣнія свои, и безъ того огромные, глаза.

За зеленымъ столомъ раздается взрывъ веселаго смѣха.

Счастливчикъ обводитъ присутствующихъ удивленнымъ взглядомъ. Развѣ онъ сказалъ что-нибудь забавное, что всѣ они такъ смѣются?

— Да сколько же лѣтъ этому карапузику?—обращается директоръ къ инспектору, присѣвшему съ нимъ рядомъ, такъ какъ его прежнее мѣсто продолжаетъ быть занято Кирой.

Счастливчикъ самъ, лично, заявляетъ, что ему съ весны стукнуло девять. И опять всѣ смѣются добрымъ, ласковымъ смѣхомъ.

Потомъ учитель математики беретъ снова его за руку и ведетъ въ пріемную.

— Вотъ вамъ ваше сокровище!—говоритъ онъ, сдавая Счастливчика ожидавшимъ его съ большимъ

нетерпѣніемъ бабушкѣ и Мирскому.—Поздравляю васъ, сударыня. Мальчуганъ выдержалъ экзамены на славу. Однимъ изъ первыхъ. Одно только: нарѣчія не зналъ, да и то чистосердечно сознался, что Микъ-Микъ его не училъ этому.

— Совершенно вѣрно, не училъ,—расхохотался Мирскій,—я думалъ—не надо, такъ какъ это не значилось въ программѣ.

— А въ диктовкѣ сколько ошибокъ, Кира?—сразу принимая озабоченный видъ, освѣдомился Микъ-Микъ.

— Ни одной, насколько я помню!—отвѣчалъ за мальчика учитель.

— Ой, да какой же вы молодчинище! Не осрамилъ! Спасибо!—окончательно развеселился Микъ-Микъ.—Дайте мнѣ пожать вашу благородную лапку.

Счастливчикъ далъ пожать свою маленькую ручку Микъ-Мику, который потрясъ ее довольно основательно.

— 21-го молебенъ, а 22-го классы начинаются,—подойдя къ бабушкѣ, проговорилъ инспекторъ, вышедшій изъ зала.—Вашъ внукъ принятъ, сударыня, въ первый классъ. Можете заказывать ему форму. Экзамены онъ сдалъ прекрасно!

И строгія черты инспектора приняли доброе выраженіе, а худая рука его ласково потрепала щечку Киры.

О, какою дивною музыкою прозвучали эти слова въ ушахъ Счастливчика!

Ему можно шить форму! Онъ—гимназистъ! Довольное лицо Микъ-Мика, улыбающееся—инспектора,

влажные отъ слезъ глаза бабушки—все смѣшалось. Счастливчикъ точно сквозь сонъ помнитъ, какъ поздравилъ его съ поступленіемъ въ «емназію» съ козелъ съ широко осклабившимся лицомъ кучеръ Андронъ, какъ сѣли бабушка съ Микъ-Микомъ въ коляску, какъ онъ, не чуя себя отъ радостнаго возбужденія, помѣстился между ними, какъ прямо съ мѣста взялъ Разгуляй, какъ они помчались по петербургскимъ улицамъ, сіяющіе и счастливые, всѣ трое.

Вотъ и милый, большой, бѣлый бабушкинъ особнякъ, тѣнистый садъ, крыльцо, дверь, улыбающійся во весь ротъ встрѣтившій ихъ Францъ, сіяющія лица няни, monsieur Диро, Ляли, Симочки.

— Ну, что? Какъ?

— Выдержалъ! Выдержалъ! Прекрасно!—громко заявляетъ бабушка и тутъ же чуть ли не въ сотый разъ принимается благодарить Микъ-Мика.

Потомъ всѣ бросаются къ Кирѣ, цѣлуютъ, поздравляютъ его.

— Гимназистъ! Маленькій гимназистъ! Милый, славный, маленькій Счастливчикъ!

За завтракомъ всѣ сидятъ съ торжественными лицами точно на именинахъ. Симочка, уписывая за обѣ щеки вареники съ сахаромъ, шепчетъ Кирѣ:

— Приходи въ твою дѣтскую, Счастливчикъ, я тебѣ приготовила за это утро маленькій сюрпризъ.

— Сюрпризъ? Она? Симочка?

Скорѣе, скорѣе кончайся же, завтракъ!

У Симочки лукаво-непроницаемая рожица, а глаза такъ и искрятся.

— Вотъ увидишь! Вотъ увидишь!—шепчетъ она и задорно смѣется.—Очень, очень занятный сюрпризъ!

Оконченъ завтракъ. Дѣти стремглавъ летятъ въ дѣтскую, какъ на крыльяхъ летятъ. Симочка влетаетъ первая и прямо къ клѣткѣ.

— Коко, попочка, кто пришелъ?—выкрикиваетъ она звонко на всю комнату.

Коко поворачиваетъ голову отъ чашечки съ подсолнухами, которыми онъ только что наслаждался, раскрываетъ свой крѣпкій клювъ и очень ясно и толково произноситъ только что заученную имъ, очевидно, фразу:

— Гимназистъ пришелъ! Гимназистъ пришелъ! Здравствуй, гимназистъ!

— Вотъ видишь, видишь! Это я ему все утро вдалбливала,—хохочетъ Симочка и бьетъ въ ладоши, потомъ ураганомъ вертится по комнатѣ и визжитъ отъ восторга.

Счастливчикъ сіяетъ. Счастливчикъ радуется, какъ майское утро. Это лучшій день въ жизни Счастливчика! Ахъ, какъ славно, какъ хорошо, какъ весело жить! А Коко безъ умолку заливается въ клѣткѣ:

— «Гимназистъ пришелъ! Гимназистъ пришелъ! Здравствуй, гимназистъ!»

ГЛАВА VII.

ТОЛЬКО восьмой часъ утра, но въ гостиной цѣлое засѣданіе. Впрочемъ, въ эту ночь почти никто не спалъ отъ томительнаго ожиданія. Сегодняшнее утро очень важное утро. Сегодня Счастливчика отправляютъ въ гимназію въ первый разъ. Собственно говоря, прошла уже цѣлая недѣля со дня молебна въ гимназіи, цѣлая недѣля уроковъ. Мальчики, поступившіе вмѣстѣ со Счастливчикомъ, уже цѣлые семь дней посѣщали классы, но Кира ѣдетъ туда сегодня только впервые.

Какъ это случилось?

Очень просто. На другой день послѣ молебна въ гимназіи Кира слегка простудился и схватилъ насморкъ. Еще бы, въ большомъ залѣ на молебнѣ такъ дуло! Бабушка сразу замѣтила это и сказала monsieur Диро. Но что долженъ былъ сдѣлать monsieur Диро? Двери постоянно открывались, воспитатели, начальство и дѣти то и дѣло входили и выходили въ коридоръ, а изъ коридора несло холодомъ какъ изъ погреба или изъ подземелья. Кира чихнулъ разъ на молебнѣ, разъ

въ швейцарской, когда его одѣвали, разъ по дорогѣ домой въ колескѣ... И этого было достаточно, чтобы бабушка тутъ же испуганно проговорила:

— Простудился! Боже мой! Вы слышите, онъ чихаетъ, monsieur Диро! Онъ простудился!

И рѣшила тутъ-же:

— Нѣтъ, нѣтъ, пока у тебя, Счастливчикъ, не пройдетъ насморкъ, я не пущу тебя въ гимназію ни за что.

А дома—постель, горячая малина, хина, скипидаръ со свинымъ саломъ—все это дождемъ посыпалось на Киру.

Насморкъ соблаговолилъ пройти только черезъ недѣлю, и только черезъ недѣлю Счастливчику удалось собраться въ гимназію.

Вотъ онъ стоитъ посреди гостиной, тоненькій, стройный, миніатюрный. Новенькій гимназическій костюмъ его сдѣланъ изъ тончайшаго сукна и на заказъ у лучшаго портного. Сапоги—черные, изящные,—блестятъ какъ зеркало. Ременный поясъ, бѣлый воротничокъ и фуражка въ рукѣ. Няня держитъ пальто наготовѣ, Симочка—новенькія резиновыя калоши, хотя на дворѣ теплый, сухой, почти жаркій сентябрьскій день и въ калошахъ нѣтъ никакой надобности.

У всѣхъ умиленныя лица: у бабушки, у няни, у monsieur Диро. Симочка сіяетъ всей своей плутоватой рожицей и тихонько шепчетъ, такъ, чтобы никто не слышалъ кромѣ Киры:

— Гимназистъ—синяя говядина! Синяя говядина!

Симочка узнала откуда-то, что такъ гимназистовъ дразнятъ изъ-за синихъ мундировъ.

Звонокъ въ передней. Въ переднюю стрѣлой несется Францъ.

— Это Михаилъ Михайловичъ!—говорятъ бабушка и няня въ одинъ голосъ.

— Это Микъ-Микъ!—весело кричитъ Счастливчикъ.

Дѣйствительно, это Микъ-Микъ. Онъ входитъ красный, веселый, смѣющійся.

— Надѣюсь, я не явился слишкомъ рано?.. Впрочемъ, вѣроятно всѣ на ногахъ еще со вчерашняго дня?

И вдругъ лукавые, сощуренные глаза широко раскрываются при взглядѣ на Счастливчика. На лицѣ Мика появляется самое краснорѣчивое удивленіе, почти ужасъ.

— Локоны! Локоны! Локоны!—въ испугѣ роняетъ Мирскій.—О, развѣ можно быть гимназисту съ локонами!—и, схватившись за голову, Микъ-Микъ раскачивается изъ стороны въ сторону, точно у него страшно разболѣлись зубы.

— Что? Что такое?—пугается бабушка.

— Кудри-то, кудри вы ему срѣзать забыли!—продолжаетъ раскачиваться Микъ-Микъ.—Вѣдь это не гимназистъ, а дѣвчонка какая-то, поймите!—выходитъ онъ изъ себя.

— Ну, ужъ выдумали тоже... Гимназистъ, конечно, и даже очень хорошенькій гимназистъ!—обижается за Киру бабушка и цѣлуетъ своего любимца.

— Нѣтъ, такъ нельзя идти въ гимназію. Товарищи прохода не дадутъ, прозовутъ болонкой, левреткой, бараномъ,—волнуется Мирскій,—да и отъ инспектора влетитъ Счастливчику за такую прическу. Симочка,—живо обращается Микъ-Микъ къ дѣвочкѣ,—благоволите принести изъ спальни ножницы, отмѣнная дѣвица!

«Отмѣнная дѣвица» «ныряетъ» куда-то въ дверь и стрѣлой возвращается снова въ гостиную.

— Вотъ вамъ ножницы, Михаилъ Михайловичъ!—говоритъ она, съ обычными плутоватыми огоньками въ глазахъ протягивая просимое.

— Не дамъ уродовать Киру, не дамъ!—вдругъ энергично протестуетъ бабушка, какъ только вооруженная ножницами рука Микъ-Мика приближается къ бѣлокурой головкѣ Счастливчика.

— Понятно, барыня-матушка, не давайте! Съ какой это радости ребенка портить вздумали!—поддерживаетъ бабушку и няня, кидая сердитый взглядъ на студента.

— Оставьте, оставьте!—волнуется на французскомъ языкѣ и monsieur Диро.

Микъ-Микъ пожимаетъ съ досадой плечами.

— Господи, да простится имъ! Сами не вѣдаютъ что творятъ!—шепчетъ онъ, поднимая съ комическимъ видомъ глаза къ небу.

Локоны Киры спасены...

ГЛАВА VIII.

— МАЛЕНЬКАГО барина барышня просятъ... Францъ говоритъ это и улыбается, глядя на Киру сіяющими глазами—любуется имъ. Францъ любитъ Киру, какъ и всѣ любятъ въ этомъ домѣ милаго, ласковаго, мягкаго Счастливчика, рѣшительно всѣ.

— Ступай, ступай къ Лялѣ, дитя. Она не можетъ проводить тебя такъ рано, она въ постели,—и бабушка не въ силахъ удержаться, чтобы не поцѣловать еще разъ бѣлокурую головку.

Темнымъ, широкимъ коридоромъ, на дальнемъ концѣ котораго день и ночь свѣтится электрическій фонарикъ, Счастливчикъ идетъ къ сестрѣ. Вотъ направо дверь ея комнаты.

Кира останавливается, стучитъ пальчикомъ:

— Можно войти?

— Войди, войди, милый, милый Счастливчикъ!

Ляля лежитъ въ постели, такая худенькая, блѣдненькая, хрупкая, какъ бѣлый нѣжный тепличный

цвѣтокъ. Она спитъ мало отъ недостатка движенія, какъ и всякая калѣка, но встаетъ поздно. День и безъ того кажется такимъ длиннымъ для бѣдняжки,— вѣдь она почти не можетъ ходить.

Аврора Васильевна, въ темномъ платьѣ, причесанная и одѣтая съ самаго ранняго утра, точно она вовсе и не ложилась, протягиваетъ Кирѣ худую холодную руку.

— Здравствуйте, голубчикъ. Вотъ вы и гимназистъ и, надѣюсь, порадуете насъ вашими успѣхами. Правда?

Аврора Васильевна пожимаетъ Кирѣ тоненькіе пальчики, точно взрослому, и выходитъ изъ комнаты, улыбнувшись на прощанье своей холодной, спокойной улыбкой.

Ляля и Счастливчикъ одни.

Дѣвочка садится на постели, протягиваетъ руки. Ея огромные, черные глаза смотрятъ съ минуту восхищеннымъ взглядомъ.

— О, какой ты красавчикъ, Счастливчикъ! Какой красавчикъ!

Она любуется Кирой, кладетъ ему на плечи свои тоненькія прозрачныя руки. Слезы, какъ капельки брилліантовъ, блестятъ, переливаясь, въ ея темныхъ, какъ угли, зрачкахъ.

— Милый маленькій Кира! Милый маленькій гимназистикъ! Крошечка родной! Если-бъ тебя видѣли покойные мама съ папой! О, какъ-бы они полюбовались тобою! Милый, милый, малюсенькій мой!

Она обнимаетъ мальчика. Кира прижимается къ ней. На минуту братъ и сестра смолкаютъ, застывъ въ тѣсномъ, крѣпкомъ объятіи.

Потомъ Ляля чуть-чуть отстраняетъ братишку. Ея глаза принимаютъ серьезное, вдумчивое, почти строгое выраженіе.

— Слушай, Счастливчикъ,—говоритъ она серьезнымъ, торжественнымъ голосомъ.—Мама и папа наши умерли... Но оттуда (тутъ Ляля подняла свой тоненькій пальчикъ кверху), оттуда они видятъ все. Ты не огорчишь ихъ никогда, неправда ли, Счастливчикъ?.. Ты вступаешь въ новую жизнь. Помни одно, миленькій: никогда не лги, старайся хорошо учиться, помогай другимъ, чѣмъ можешь. Да?

Глаза Ляли загораются близко-близко отъ глазъ Счастливчика.

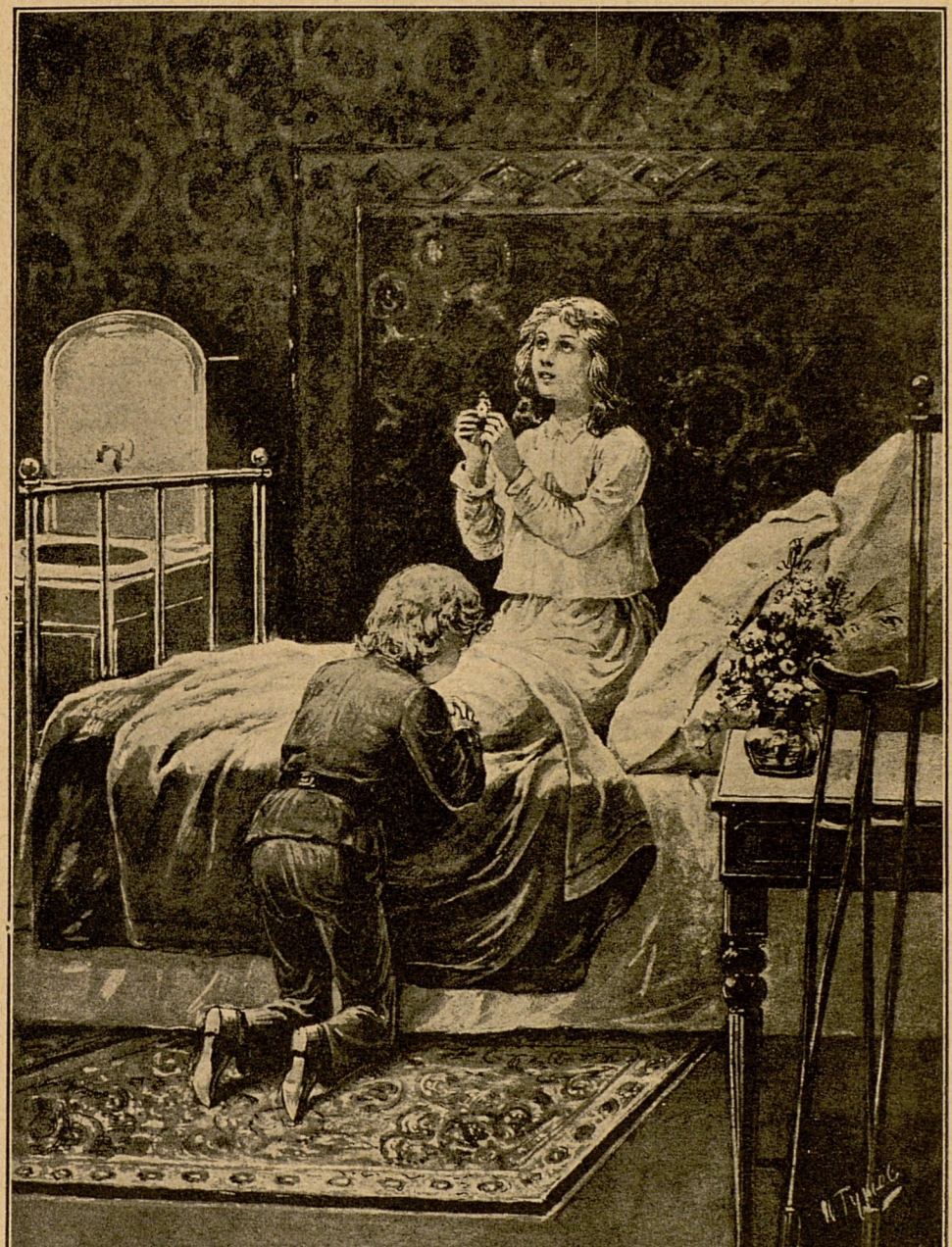
— Да, обѣщаю тебѣ это,—роняетъ мальчикъ тихо, но увѣренно, и открытымъ, честнымъ взглядомъ смотритъ на сестру.

— Мама и папа благословили бы тебя сегодня. Я сдѣлаю это за нихъ,—говоритъ Ляля,—встань на колѣни, Счастливчикъ.

Мальчикъ повинуется. Бѣлокурая головка склоняется къ постели сестры. Льняные локоны разсыпаются по одѣялу.

— Господи! помилуй моего брата Киру и помоги ему хорошо учиться и радовать насъ!—шепчутъ блѣдныя губки Ляли.

И она осѣняетъ склоненную головку маленькимъ образкомъ, только что снятымъ со стѣнки. Потомъ образокъ этотъ вѣшаетъ на шею Счастливчика, рядомъ съ золотымъ крестильнымъ крестомъ.



И она осѣняетъ склоненную головку маленькимъ образкомъ...

— Ну, а теперь съ Богомъ, ступай! До свиданья, Счастливчикъ!

И со слезами на глазахъ, но со счастливой улыбкой, Ляля въ послѣдній разъ цѣлуетъ брата.

И то пора...

— Время ѣхать, Счастливчикъ!—пискнулъ знакомый голосокъ подъ дверью.

Это Симочка. Ее прислали сюда изъ гостиной—поторопить новаго гимназиста.

— Сейчасъ! Иду! Иду!

Въ горлѣ Счастливчика щекочетъ что-то. Хочется заплакать и цѣловать еще и еще, безконечное число разъ милую, добрую, кроткую Лялю. А на душѣ такъ тихо, радостно и свѣтло-свѣтло, какъ въ праздникъ Пасхи, совсѣмъ, совсѣмъ какъ тогда...

— Сейчасъ, сейчасъ!

Съ сожалѣніемъ покидаетъ мальчикъ уютную, славную спаленку сестры.

Черные, горящіе теперь, какъ двѣ свѣчи, большіе глаза Ляли провожаютъ Киру любящимъ взоромъ до самой двери.

Подъ дверью стоитъ Симочка. Она подглядывала въ замочную скважинку, что дѣлалось въ спальнѣ. Ея глаза такъ и сверкаютъ любопытствомъ.

— Она тебя благословила! Я видѣла!..—увѣреннымъ тономъ заявляетъ она.

— Подсматривать очень дурно!—строго говоритъ Счастливчикъ и грозитъ пальцемъ.

— Вздоръ!—смѣется Симочка,—ну, бѣжимъ скорѣе. Не то опоздаешь, бабушка безпокоится—страсть!—

и, схвативъ за руку Счастливчика, она несется съ нимъ по коридору, напѣвая тихонько:

Вотъ мчится пара удалая
Вдоль по дорожкѣ столбовой...

Ураганомъ «удалая пара» врывается въ гостиную.

— Счастливчикъ, можно-ли такъ долго! Вѣдь опоздаешь!—сыплется на мальчика градъ упрековъ.

— Смотрите, Кира, какъ бы вамъ за это не сняли вашу кудлатую головку!—хохочетъ Мирскій.

— Сядемъ, сядемъ! По русскому обычаю сѣсть нужно!—волнуется бабушка.

Всѣ садятся. Бабушка съ Кирой и Симочкой на диванѣ. Monsieur Диро въ креслѣ рядомъ, няня на кончикѣ стула у дверей. На другомъ стулѣ, тоже на кончикѣ, Францъ. Микъ-Микъ съ размаху плюхается на табуретъ у рояля, открываетъ крышку инструмента и начинаетъ барабанить на клавишахъ какой-то чрезвычайно шумный и торжественный маршъ. Старшіе шикаютъ на него и машутъ руками:

— Развѣ можно играть въ такую серьезную минуту!

Микъ-Микъ поневолѣ замолкаетъ, дѣлаетъ круглые страшные глаза по адресу Симочки, которая фыркаетъ отъ удовольствія, и преважно разваливается въ креслѣ. Проходитъ минута. Всѣ встаютъ, крестятся на большой образъ въ углу гостиной. Потомъ бабушка крститъ и цѣлуетъ Киру, точно онъ ѣдетъ Богъ знаетъ куда, на край свѣта, въ южную Америку, въ гости къ индѣйцамъ. Няня плачетъ, а monsieur Диро что-то подозрительно долго сморкается въ углу.

Микъ-Микъ тоже извлекаетъ платокъ изъ кармана, закрываетъ имъ лицо и начинаетъ всхлипывать на весь домъ, причитывая въ голосъ, какъ деревенская баба:

— Не уѣзжай, голубчикъ мой, не покидай поля родныя!

Это такъ смѣшно, что нельзя не смѣяться. И всѣ невольно смѣются веселой выдумкѣ. Симочка громче всѣхъ.

Францъ исчезаетъ куда-то и черезъ минуту появляется съ объемистой корзиной въ рукахъ.

— Это еще что такое?—спрашиваетъ Микъ-Микъ, дѣлая удивленные глаза.

— Завтракъ-съ!..—слышится невозмутимый отвѣтъ Франца.

— Какой завтракъ?—недоумѣваетъ Мирскій.

Корзина большая, фунтовъ на пять; какой и кому можетъ быть туда положенъ завтракъ?

Францъ поясняетъ «господину студенту»:

— Барыня приказали уложить для молодого барина завтракъ въ *емназію*. Здѣсь скобелевскіе битки въ судкѣ, съ гарниромъ, въ этомъ углу осетрина подъ соусомъ майонезъ, и еще компотъ въ стаканѣ и груша... А въ бутылочкѣ—горячее какао; оно обернуто въ вату, чтобы не простыло.

— Ха, ха, ха, ха!—разражается смѣхомъ Мирскій,—да что вы меня уморить хотите, что-ли? Завтракъ изъ трехъ блюдъ въ гимназію! Да еще горячее какао! Да когда и гдѣ его вашъ Кира съѣсть сумѣетъ?

И Микъ-Микъ буквально падаетъ въ кресло отъ

обуявшаго его смѣха. Бабушка въ смущеніи. Няня въ обидѣ.

— И что вы, мой батюшка, и гдѣ это видано, чтобы ребенку ѣсть не давали!—ворчитъ она, кидая недовольные взгляды на студента.

— Да поймите вы, старушка Божія, вѣдь съ такимъ запасомъ на Новую Землю, на необитаемые острова, къ голодающимъ въ Индію ѣхать впору! — горячо протестуетъ Мирскій.—Кирѣ буттербродъ съ телятиной или котлетку холодную довольно взять съ собою.

Но тутъ уже вступается бабушка.

— Въ сухомятку-то! Чтобы животикъ заболѣлъ! Голодомъ морить прикажете его! Слуга покорная, я слишкомъ люблю моего Счастливчика! Да и пилюли ему принимать надо передъ завтракомъ. Какъ же онъ передъ ѣдой въ сухомятку пилюли принимать станетъ?

— Францъ,—неожиданно приказываетъ бабушка,— вынеси корзину въ пролетку и поставь на козлы въ ноги Андрону.

Микъ-Микъ безнадежно машетъ рукой, потомъ оборачивается къ Счастливчику:

— Въ добрый часъ, Кира! Желаю успѣха. Помните мои слова: «быть маленькимъ мужчиной», — и онъ крѣпко сжимаетъ пупленькую ручку мальчика.

Monsieur Диро беретъ за руку Киру и ведетъ на крыльцо. Всѣ провожаютъ мальчика и гувернера.

Бабушка стоитъ у окна гостиной и машетъ платкомъ.

— Съ Богомъ, съ Богомъ!

Микъ-Микъ на крыльцѣ корчитъ презабавную

гримасу. Симочка заливчато смѣется. Няня креститъ вслѣдъ пролетку, на которой уже сидятъ Счастливчикъ и обнявшій его за талію monsieur Диро. Вдругъ остановка. Кричатъ, машутъ руками, волнуются на крыльцѣ. Францъ стрѣлой выносится изъ дому.

— Пилюли изволили забыть! Барыня приказали, чтобы безпремѣнно скушать одну передъ завтракомъ.

— Хорошо! Хорошо!

Андронъ подбираетъ вожжи. Разгуляй встряхивается и сразу быстрой иноходью беретъ отъ крыльца. Уже на всемъ ходу протягиваетъ руку Францъ и суетъ Счастливчику аптечную баночку съ пилюлями, которыя онъ обязательно принимаетъ передъ завтракомъ и обѣдомъ.

Счастливчикъ приподнимаетъ фуражку, глядитъ въ окно, въ которомъ видна сѣдая голова бабушки, улыбается и киваетъ головой.

— Въ добрый часъ, въ добрый часъ, Счастливчикъ!

ГЛАВА IX.

ШУМЪ, гвалтъ, крикъ, суета...

Въ первую минуту Счастливчикъ совсѣмъ глохнетъ отъ этого шума. Глаза его плохо различаютъ, что происходитъ вокругъ... Онъ только что вошелъ сюда съ класснымъ наставникомъ, переданный ему съ рукъ на руки monsieur Диро. Самъ monsieur Диро уѣхалъ домой, обѣщавъ снова вернуться къ двумъ часамъ, къ концу уроковъ, а классный наставникъ повелъ Счастливчика въ классъ.

Въ классѣ точно нашествіе непріятеля — такая возня и суматоха. Классный наставникъ, худенькій, тщедушный, болѣзненнаго вида, еще молодой человѣкъ, съ сердитыми глазами, кричитъ съ порога:

— Сейчасъ молчать! Если не замолчите, буду записывать!

Шумъ нѣсколько стихаетъ. Но возня продолжается Мальчики прыгаютъ по скамейкамъ, наскоро роются въ ранцахъ, вынимаютъ книги, кладутъ ихъ на учебные столы... Этихъ учебныхъ столовъ въ классѣ очень

много. Называются они партами. Кромѣ партъ Счастливчикъ замѣчаетъ посреди класса большую каѳедру для учителя, черныя доски, на которыхъ пишутся мѣломъ уроки и задачи, глобусъ въ углу, на стѣнахъ карты, полъ, залитый чернилами, и электрическія лампочки съ матовыми колпаками, спускающіяся съ потолка. Въ углу виситъ образъ Николая Чудотворца. Въ другомъ углу, около большой изразцовой печки, стоитъ ящикъ для мусора. Въ третьемъ углу—шкапъ со стеклянными дверцами и зеленой занавѣской, такъ что не видно, что спрятано въ немъ.

Счастливчикъ охватываетъ всю обстановку класса однимъ взглядомъ. Потомъ глаза его разбѣгаются... Мальчики, мальчики и мальчики! О, сколько ихъ здѣсь, въ классѣ!

— Слушай, Раевъ,—говоритъ классный наставникъ Счастливчику,—у тебя невозможные волосы; завтра же изволь наголо обстричь эти вихры.

И онъ презрительно окидываетъ недовольнымъ взглядомъ чудесные длинные, бѣлокурые локоны Счастливчика.

«Раевъ!» «Изволь завтра же!» «Вихры!»

Какія новыя, необычныя слова для Киры!

Никто еще, никто въ жизни не говорилъ съ нимъ такъ холодно и строго!

Большіе черные глаза Счастливчика поднимаются изумленно на класснаго наставника, но онъ уже далеко, его нѣтъ въ классѣ. Только изъ-за двери доносится его надтреснутый, раздражительный голосъ.

— Черезъ десять минутъ молитва,—обращается

онъ къ мальчикамъ,—извольте одни стать въ пары и идти въ залъ. Мнѣ надо видѣть инспектора.

Въ минуту Счастливчикъ окруженъ тѣснымъ кольцомъ черныхъ куртокъ и любопытныхъ лицъ его новыхъ пріятелей.

— Вотъ такъ новичокъ!—звучитъ задорный голосъ надъ самымъ ухомъ Счастливчика,—ждали мальчика, а онъ, нате-ка, дѣвчонка!

— Не дѣвчонка, а овца! Овца... Бэ-бэ-бэ-бэ!

— Просто лохмачъ какой-то!

— Овчарка!

— У моей сестры точно такая кукла! Нечесанная!

— Здравствуй, Перепетуя Акакіевна! Длинноволосая дѣвица!

Голоса звенѣли весело, выкрикивали звонко.

Кольцо мальчиковъ сжималось все тѣснѣе и тѣснѣе вокругъ онѣмѣвшаго, оторопѣвшаго Счастливчика. Изумленный, растерянный, но не испуганный нимало, Счастливчикъ только окидывалъ окружающихъ его мальчиковъ своими огромными черными глазенками, точно спрашивая, что имъ всѣмъ надо отъ него.

Мальчики не унимались. То здѣсь, то тамъ слышались восклицанія:

— Клопъ какой-то!

— Лиллипутъ! Карликъ!

— Блоха!

— Козявка!

— Братцы, да это тотъ самый, что такъ смѣшно у «Ариѳметики» экзаменовался!

— Ей-ей, онъ самый!

— Какъ тебя зовутъ? Эй, ты, Лиллипутикъ!

Кира поднялъ голову на спрашивавшаго. Передъ нимъ стоялъ мальчикъ, высокій, тонкій, съ маленькими мышиными глазками, бѣгающими вправо и влѣво. Около него тѣснились другіе мальчики: черненькіе, бѣленькіе, рыженькіе, большіе и маленькіе, и всѣ до единаго, повидимому, крупнѣе, старше и сильнѣе его, Киры.

Высокій мальчикъ сразу не понравился Кирѣ: глаза бѣгаютъ, губы тонкія, злыя, въ лицѣ задоръ.

— Ты Москву видалъ? — спрашиваетъ высокій мальчикъ.

И не успѣваетъ Кира отвѣтить, какъ обѣ руки мальчика тянутся къ бѣлокурой головенкѣ, крѣпко охватываютъ ее около ушей, и Счастливчикъ въ одну секунду поднимается на воздухъ.

Ему очень больно. Сильныя руки мальчика охватываютъ его такъ непріятно прямо за уши. И шеѣ больно. Словомъ, положеніе далеко не изъ пріятныхъ.

— Вотъ тебѣ Москва! Вотъ тебѣ Москва, златоглавая Москва!—кричитъ Кирѣ рѣзко въ самое лицо высокій мальчикъ.

— Оставь сейчасъ же новенькаго въ покоѣ!—раздается въ тотъ же мигъ звонкій, сильный голосъ, и изъ-за спинъ товарищей выскакиваетъ плечистый, рослый крѣпышъ съ румянцемъ во всю щеку и съ широкимъ, открытымъ лицомъ.—Слушай, Подгуринъ, если ты тронешь еще разъ малыша, я тебѣ такъ залимоню!

И краснощекій порывисто схватываетъ за ухо высокаго мучителя Киры и, раскачивая его, приговариваетъ:

— А вотъ тебѣ въ задатокъ пока. Не тронь въ другой разъ новичка, не тронь, не тронь!

— Отстань, мужикъ!—извиваясь какъ угорь, кричитъ въ бѣшенствѣ Подгуринъ.—Помидоръ Ивановичъ, отвяжись!

Краснощекій смѣется:

— Ага, не нравится! Будешь знать какъ маленькихъ мучить. Вотъ я тебя!..

— Помидоръ Ивановичъ, что ты за овцу заступаешься? Ради дѣвчонки какой-то лохматой товарищей обижаешь!—раздается чей-то тоненькій голосъ.

Одновременно съ этимъ Кира громко вскрикнулъ. Кто-то больно и сильно ущипнулъ его за руку.

Слезы мгновенно застлали большіе черные глаза Киры.

— За что? За что они мучатъ меня?—вихремъ пронеслось въ его головкѣ, и ему нестерпимо захотѣлось домой, назадъ, къ бабушкѣ, Лялѣ, нянѣ, туда, гдѣ всѣ такъ любятъ, нѣжатъ и ласкаютъ его, Киру.

Краснощекій Помидоръ Ивановичъ замѣтилъ слезы.

— Пожалуйста, не реви, малышъ,—произнесъ онъ дружески, хлопнувъ по илечу Киру и, повернувшись съ живостью къ товарищамъ, онъ поднялъ кулакъ, внушительно потрясъ имъ въ воздухѣ и крикнулъ:

— Кто изъ васъ посмѣетъ тронуть малыша, тому я такой фонарь подставлю, что на всю гимназію свѣтло станетъ! И это такъ же вѣрно, какъ то, что зовутъ меня Иванъ Курнышовъ!

ГЛАВА X.

ПРОЗВУЧАЛЪ звонокъ къ молитвѣ.

Появился старенькій, сѣденькій, подслѣповатый воспитатель, котораго вся гимназія поголовно звала «дѣдушкой», и повелъ мальчиковъ въ залу на молитву.

Курнышовъ очутился въ залѣ позади Счастливчика и зашепталъ ему въ затылокъ:

— Эй, ты, Лиллипутикъ, ты не бойся нашихъ ребятъ... Небось, теперь не полѣзутъ!.. Кулаки у меня здоровенные, что твое желѣзо. Заступлюсь такъ, что небу жарко станетъ. Только не плачь. Терпѣть не могу ревуновъ и кисляевъ. Слыхалъ?

Счастливчикъ обернулся, взглянулъ на шептавшаго мальчика и тутъ только замѣтилъ, что лицо его ему очень знакомо. Ну, да, конечно знакомо!..

— Вспомнилъ! Вспомнилъ!—поймалъ себя на мысли Счастливчикъ,—это тотъ самый мальчикъ, который назвалъ меня въ день экзаменовъ лохматой собачонкой.

И Кира внимательнымъ взглядомъ оглядѣлъ своего новаго друга, такъ неожиданно выступившаго въ качествѣ его защитника. Свѣтлые, ясные глаза, вздернутый носъ, весь въ веснушкахъ, наголо остриженная голова, румяныя, алыя, какъ макъ, отдувающіяся отъ толщины щеки, широкія, сильныя и крѣпкія плечи—вотъ что увидѣлъ Счастливчикъ позади себя.

Кира не зналъ, нужно ли ему отвѣтить что-нибудь на вопросъ мальчика или нѣтъ, но въ это время раздался голосъ стараго воспитателя:

— Тише!—и всѣ смолкли.

Около Киры съ одной стороны стоялъ небольшой рыженькій мальчикъ съ постоянно подмигивающими подслѣповатыми глазками, усердно чистившій себѣ пуговицы вмѣсто того, чтобы креститься настоящимъ широкимъ крестомъ.

— Какъ тебя зовутъ?—услышалъ Счастливчикъ вопросъ подслѣповатаго мальчика и не успѣлъ отвѣтить, какъ тотъ добавилъ просящимъ шопотомъ:—Если у тебя есть перья, марки, пузырьки, разные старые замки, тетрадки, ты, пожалуйста, мнѣ ихъ давай—я собираю.

— Гарцевъ! Попрошайка! Онъ всякую дрянь какъ сорока въ свое гнѣздо тащитъ!—услышалъ съ другой стороны Кира, живо обернулся и увидѣлъ красавца-мальчугана, синеглазаго, темнокудраго, съ бѣлыми, сверкающими, въ добродушной улыбкѣ, зубами, съ розовымъ личикомъ и плѣнительными ямками на щекахъ.

— Меня зовутъ Ивась Янко. Будемъ знакомы!—

произнесъ, протягивая Кирѣ маленькую, бѣлую руку, красивый мальчикъ.—По прозвищу «Хохолъ», потому что я родился въ Ромнахъ, въ Малороссіи. Понялъ?

Счастливчикъ мотнулъ головой вмѣсто отвѣта и хотѣлъ было заговорить съ синеглазымъ мальчикомъ, но неожиданно кончилась молитва, подошелъ воспитатель и повелъ мальчиковъ въ классъ.

ГЛАВА XI.

На большой черной доскѣ къ классѣ было написано мѣломъ: «*Первый урокъ—ариѳметика, второй—Законъ Божій, третій—пѣніе, четвертый—географія, пятый—русскій*». А внизу дѣтскими каракулями значилось: «*Шестой—китайскій языкъ на японскомъ нарѣчіи, а потомъ. . отъ воротъ — поворотъ, маршъ по домамъ, приказалъ начальникъ самъ*».

Мальчики читали расписаніе уроковъ и, дойдя до шутки, смѣялись.

— Это Янко! Непремѣнно Янко! Онъ послѣдній вышелъ изъ класса!—горячился Подгуринъ.

— Ну, ты, «Верста,» потише!.. Длинный, въ потолокъ ушелъ, а такого простого правила не знаешь, чтобы не выдавать товарища,—грозно прикрикнулъ на него какъ изъ подъ земли выросшій Помидоръ Иванович.

— Мужикъ! Сапожникъ! У него отецъ сапожникъ!—презрительно крикнулъ Подгуринъ.

— Мой папа прежде всего честный рабочій чело-

вѣкъ,—горячо вырвалось изъ груди краснощекаго Курнышова. — И я могу только гордиться такимъ отцомъ. А чтобы ты много не разговаривалъ, такъ вотъ же тебѣ!..

Въ одну минуту Подгуринъ очутился на полу, а на его спинѣ возсѣдалъ, какъ всадникъ на лошади, Ваня Курнышовъ.

— Гопъ-ля! Гопъ-ля!—слегка пошлепывая свою жертву, покрикивалъ онъ, — скверный ты, братецъ мой, конь, никакой у тебя нѣтъ рыси.

— Пусти! Пусти! Помидоръ! Мужикъ! Сапожникъ!—злился и барахтался, весь красный отъ тщетныхъ усилій освободиться, Подгуринъ.

Дверь растворилась. На порогѣ класса остановился маленькій худой классный наставникъ, котораго Кира уже успѣлъ узнать въ первыя минуты появленія въ гимназію.

Онъ прищурился на живую барахтающуюся на полу кучу и сердито, краснѣя, крикнулъ:

— Подгуринъ! Курнышовъ! Оба маршъ въ уголъ! Не умѣете себя вести въ классѣ!

Оба мальчика, сконфуженные, направились къ доскѣ, гдѣ небольшого роста худенькій дежурный Голубинъ, блѣдненькій, тихонькій, съ задумчивыми глазами мальчикъ, сосѣдъ Киры на экзаменѣ, усиленно стиралъ губкой надпись объ японскомъ нарѣчіи и китайскомъ языкѣ.

Новый звонокъ. И въ классъ вошелъ тотъ самый учитель ариѳметики, Владиміръ Александровичъ Аристовъ, который водилъ Киру экзаменоваться. Онъ

сразу замѣтилъ хорошенькое личико Счастливчика и бѣлокурые локоны, и всю его изящную тоненькую фигуру, нерѣшительно топтавшуюся посреди класса.

— А-а! старый знакомый! Счастливчикъ, здравствуй!—радушно проговорилъ онъ, ласково кивнувъ мальчику головой.

— Онъ, Владиміръ Александровичъ, не Счастливчикъ, а Лиллипутикъ!—послышался задорный голосъ съ задней скамейки.

— Просто овца—бэ-бэ-бэ!—вторилъ ему другой.

— Длинноволосая дѣвчонка!—надрывался третій.

— Лохмачъ! Овчарка! Перепетуя Акакіевна!—забасилъ было Подгуринъ у доски и вдругъ пронзительно взвизгнулъ на весь классъ.

Это Помидоръ Ивановичъ изловчился и ущипнулъ его за руку.

Добродушное лицо Владиміра Александровича приняло строгое выраженіе.

— Эй, вы, почтенная публика въ райкѣ, тише!—крикнулъ онъ недовольно.—Какъ не стыдно вамъ новенькаго обижать! И еще такого крошку! Подгуринъ, Курнышовъ, смирно стойте, разъ васъ поставили караулить казенное имущество, т.-е. доску. А чтобы не терять драгоцѣннаго времени, ты, Подгуринъ, бери мѣлъ и пиши задачу: «*У одного крестьянина было восемь мѣшковъ муки...*»

Владиміръ Александровичъ продиктовалъ задачу и велѣлъ ее рѣшить Подгурину. Послѣдній пыхтѣлъ, кряхтѣлъ, писалъ и стиралъ написанное. Ничего не выходило.

— Не могу!—наконецъ, весь малиновый отъ напряженія, признался Подгуринъ.

— Не можешь? А задача-то старая. Третьяго дня рѣшали. Неужели все позабылъ?—сердито ронялъ учитель.—Новенькій, рѣши,—неожиданно обратился онъ къ Кирѣ.

Кира, котораго «дѣдушка» только что усадилъ подлѣ маленькаго Голубина на скамейку, подошелъ къ доскѣ и взялъ мѣлъ въ руки.

Задачу онъ понялъ сразу и рѣшилъ быстро.

— Молодецъ новенькій!—произнесъ съ одобрительной улыбкой учитель.—Пятерку получишь... А ты, Подгуринъ, стыдись. Второй годъ сидишь въ классѣ, а толку мало.

Подгуринъ, насупившись, стоялъ у доски и смотрѣлъ на Счастливчика злымъ и завистливымъ взглядомъ.

— Овца противная! Лохмачъ! Дѣвчонка! Ужо припомню тебѣ!—шепталъ онъ тихо, чуть слышно, но съ такимъ сердитымъ блескомъ въ глазахъ, что Счастливчикъ вздрогнулъ невольно. Онъ не привыкъ, чтобы на него такъ смотрѣли.

Потомъ рѣшали задачу всѣ мальчики въ классѣ, сидя на мѣстахъ, до тѣхъ поръ, пока не дрогнулъ звонокъ въ коридорѣ и служитель не распахнулъ дверь класса, въ знакъ окончанія урока

Въ перемѣнку, пока въ классѣ открывали форточку и провѣтривали воздухъ, Счастливчикъ гулялъ по коридору съ Янко, хорошенькимъ синеглазымъ хохломъ, и со своимъ новымъ сосѣдомъ, тихонькимъ Голубинымъ.

— Завтра же ты приходи стриженый, слышишь?— наказывалъ Счастливчику Янко,—а то совсѣмъ тебя засмѣютъ. Самъ видишь, да и отъ инспектора достанется. Локоны въ гимназіи не полагаются.

А тихонькій, какъ дѣвочка, «Голубчикъ», какъ называли къ классѣ Голубина за его кроткій, безобидный нравъ, добавилъ:

— И ты подальше держись отъ Подгурина и Бурьянова. Они очень дурные.

— Второгодники, задиры и подлипалы, — вставилъ свое слово Янко и, ударивъ себя по ногѣ, какъ заправскій конь, помчался вприскочку по всему коридору.

— Ты мнѣ очень нравишься, — произнесъ снова тихонькій Голубинъ, когда Хохолъ былъ далеко. — Я—тоже маленькій, почти такой же, какъ и ты. Вотъ бы хорошо намъ подружиться и хо...

Голубинъ не докончилъ своей фразы: кто-то сильно толкнулъ его въ бокъ прямо на Счастливчика. Голубинъ и Счастливчикъ стремительно полетѣли на полъ.

— Ха, ха, ха, ха!—раздался надъ ними веселый, злой хохотъ.—На другомъ-то мѣстѣ не сумѣли шлепнуться, гдѣ посуше!—хохоталъ Подгуринъ, а за нимъ и его товарищъ Бурьяновъ, тоже оставшійся на второй годъ въ первомъ классѣ, ширококостный, приземистый, похожій на калмыка или татарина, съ насмѣшливымъ лицомъ и черною, какъ смоль, головою.

Счастливчикъ съ трудомъ поднялся, потирая колѣно, которое онъ больно ударилъ объ полъ. Въ глазахъ Голубина стояли слезы.

— Вотъ они всегда такъ! Ахъ, какіе злые, какіе злые!—произнесъ онъ съ укоромъ.

Оба второгодника заливались громкимъ смѣхомъ на весь коридоръ.

ГЛАВА XII.

—МАЛЕНЬКОМУ барину фриштыкъ принесъ!—произнесъ, съ широкой улыбкой на лицѣ, гимназическій сторожъ Онуфрій, котораго «старшіе» прозвали «президентомъ» за его внушительный видъ и умное лицо.

И «президентъ» окинулъ Киру ласковымъ взглядомъ, ставя на стулъ у дверей объемистую корзину съ завтракомъ, привезенную изъ дому Счастливчикомъ и monsieur Диро.

Послѣ ариѳметики слѣдовалъ урокъ Закона Божія, во время котораго батюшка не спрашивалъ никого, а разсказывалъ то, что надлежало выучить къ слѣдующему разу. Потомъ было пѣніе. Для пѣнія мальчиковъ повели въ залъ. Преподаватель пѣнія, ударяя пальцемъ по клавишамъ рояля, приказывалъ гимназистикамъ тянуть голосомъ за каждой нотой, издаваемой инструментомъ.

Еще пѣли по нотамъ: «*до, ре, ми, фа, соль, ля, си*» и обратно. Этотъ урокъ понравился Счастливчику;

было весело и нетрудно тянуть голосомъ вмѣстѣ съ другими.

Теперь наступила большая перемѣна. Мальчики завтракали: кто—у себя на скамейкѣ, кто—у окна. Завтраки у нихъ были простые и несложные: у кого—булка съ ветчиной, у—кого кусокъ колбасы, у кого—бутербродъ съ холодной котлетой или просто кусокъ вчерашняго пирога. Былъ и дессертъ: яблоки, леденцы, сухое пирожное. Нѣкоторые ушли пить чай внизъ, въ раздѣвальную. Скромные завтраки эти приносились въ уголкѣ ранца или въ карманѣ, тщательно завернутые въ бумажку заботливыми родными, матерями, воспитательницами, прислугою. Немудрено поэтому, если появленіе громадной корзины съ «фриштыкомъ» произвело суматоху среди закусывающихъ мальчиковъ. Всѣ мгновенно позабыли о собственной ѣдѣ и сгруппировались вокругъ стула, на которомъ стояла злополучная корзина съ «фриштыкомъ.»

Впереди всѣхъ очутился Подгуринъ.

— Братцы! Да никакъ здѣсь на всю артель прислано!—крикнулъ онъ весело и, потирая руки, схватился за бечевку, которой была перевязана корзина.—Славное, значитъ, выйдетъ угощеніе.

— Не надо трогать! Это не тебѣ! Это новенькому принадлежитъ!—прозвучалъ довольно смѣло обычно тихій и кроткій, а теперь взволнованный голосокъ Голубина.

— Ну, ты, шишъ, потише! Такъ залимоню, что отъ тебя только мокро останется!—сердито крикнулъ «Верста», какъ называли въ гимназіи, за чрезвычайно высокій ростъ, Подгурина.

— Не суйся, голубчикъ, не въ свое дѣло!—насмѣшливо остановилъ его, поблескивая своими калмыцкими глазами, Бурьяновъ.

— Но нельзя же, нельзя брать чужое!—сильнѣе волновался Голубинъ.

— А тебѣ жаль, что ли? Да ты не бойся, малышъ, мы не возьмемъ, мы только попробуемъ!—расхохотался Верста.

— Янко! Янко! Курнышовъ! Курнышовъ!—громко позвалъ Голубинъ обоихъ своихъ пріятелей, самыхъ благородныхъ и рыцарски честныхъ мальчиковъ изъ всего класса.

Но ни Хохла, ни Помидора Ивановича сейчасъ не оказалось въ комнатѣ. Вокругъ корзины толпились по большей части пріятели Подгурина и Бурьянова и были сами очевидно очень и очень не прочь узнать, что за обильный «фриштыкъ» привезъ новенькій изъ дому.

— Постой, я побѣгу искать Янко и Курнышова. Они заступятся, они не позволятъ имъ распоряжаться чужими вещами!—горячо воскликнулъ маленькій Голубинъ и, отбѣжавъ отъ Киры, съ которымъ не разлучался во всѣ перемѣны между уроками, бросился въ коридоръ отыскивать обоихъ мальчиковъ.

Счастливчикъ остался стоять, спокойный по своему обыкновенію, и невозмутимыми черными глазами слѣдилъ за тѣмъ, что будетъ дальше съ его корзиной.

ГЛАВА XIII.

СЛѢДИЛЪ, впрочемъ, не одинъ Кира. Слѣдило до десяти паръ любопытныхъ дѣтскихъ глазенокъ за тѣмъ, какъ подъ быстрыми руками исчезали веревка и бумага, обвязывающія и обматывающія огромный пакетъ.

Подгуринъ сорвалъ послѣднюю обертку.

— Вотъ тебѣ разъ! Цѣлое царское угощеніе!— произнесъ онъ восторженно и живо поднялъ крышку судка, въ которомъ были тщательно уложены двѣ куриныя котлетки съ гарниромъ.

Еще минута—и грязноватая, замазанная въ чернила, рука Версты протянулась къ котлетамъ. Онъ вытащилъ ихъ изъ судка, немилосердно пачкая себѣ въ соусѣ руки, и отправилъ въ ротъ.

— За ваше здоровье, ваше королевское величество!—комически раскланялся онъ передъ Счастливчикомъ.

Начало было сдѣлано. Вслѣдъ за однимъ угощеніемъ отвѣдалось и другое. Теперь уже не одинъ

Подгуринъ хозяйничалъ въ корзинѣ. Бурьяновъ тоже запустилъ въ нее руку, открылъ другую крышку и, вытащивъ порядочный кусокъ рыбы изъ другого судка, принялся уничтожать ее съ завиднымъ аппетитомъ.

Ихъ примѣру послѣдовали и другіе мальчики. Одинъ схватилъ бутылку съ какао, уложенную самымъ тщательнѣйшимъ образомъ заботливыми руками няни, точно птица въ гнѣздышко изъ ваты, и, отвернувъ пробку, вылилъ все содержимое изъ бутылки себѣ въ ротъ. Другой схватилъ грушу изъ корзины, третій — плитку шоколада, четвертый — компотъ въ стаканѣ... И въ какія-нибудь пять минутъ отъ всѣхъ съѣстныхъ запасовъ, привезенныхъ Счастливчикомъ изъ дому, осталась всего-на-всего одна пустая корзина.

— У васъ дома всегда такъ здорово ѣдятъ?— освѣдомляется Подгуринъ, облизывая губы.

— Что?—недоумѣвая, расширяетъ свои и безъ того огромные глаза Счастливчикъ.

— Вкусныя, говорю, блюда такія у васъ всегда готовятъ?

— Всегда!

— Ахъ, ты, хвастунишка! Дай ему щелчокъ по носу, кто стоитъ поближе!—хохочетъ Бурьяновъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, подожди, Бурьяша,—смѣется Подгуринъ, — мы его поисповѣдуемъ раньше. Пускай повретъ.

И онъ дѣлаетъ такую лукаво-смѣшную физіономію, что всѣ окружающіе десять-двѣнадцать мальчиковъ фыркаютъ со смѣха.

— За ваше здоровье, ваше королевское величество!..

— Я никогда не лгу,—серьезно говоритъ Счастливчикъ.

— Ужъ будто?—щурится Бурьяновъ.—Ей-Богу, не врешь? А ну-ка побожись, лиллипутъ-дѣвчонка! Побожись, что не врешь.

— Божиться грѣшно, — спокойно возражаетъ Кира,—очень дурно божиться, особенно по пустякамъ.

— Ахъ, ты, святоша! Божиться грѣшно, видите ли, а хвастаться не грѣшно, скажешь?—не унимается Подгуринъ.

— Я не хвастаюсь!

— Врешь! А ну-ка повтори, что у васъ каждый день ѣдятъ за завтракомъ такую рыбу, компотъ, котлеты.

— Да, у насъ всегда такіе завтраки!—спокойнымъ тономъ отвѣчаетъ Кира, нимало не понимающій, почему къ нему такъ пристаетъ этотъ долговязый мальчикъ

— И одѣтъ ты всегда такъ хорошо тоже?

— Какъ хорошо?—изумился Счастливчикъ.

— Ну, вотъ какъ на экзаменѣ одѣтъ былъ: въ бархатѣ и кружевахъ, точно его величество, принцъ китайскій!—со смѣхомъ бросаетъ Подгуринъ.

— Я не видѣлъ, какъ одѣвается принцъ китайскій,—тѣмъ же спокойнымъ тономъ говоритъ Счастливчикъ,—но бабушка любитъ, когда на мнѣ бархатный костюмчикъ съ кружевнымъ воротникомъ. Теперь я гимназистъ и носить его не буду больше. У меня форма,—заключаетъ онъ не безъ доли самодовольства.

— Не форсись гимназистомъ! Не гимназистъ ты,

а дѣвчонка или просто лохматая собачонка, или овца!—сердито крикнулъ Бурьяновъ и неожиданно дернулъ Счастливчика за его бѣлокурые волосы.

— Ай!—вскрикнулъ Счастливчикъ.—Мнѣ больно!

— Коли больно, не держи себя вольно,—захохоталъ Бурьяновъ.

Другіе мальчики вторили Калмыку, какъ они уже успѣли прозвать этого мальчика за его маленькіе глаза и монгольскія скулы.

— Эка нѣженка! Крикунъ! Волосокъ тронуть нельзя! Подумаешь тоже!

— Оставьте его, братцы! Я его живо отъ хвастовства отучу,—повысилъ голосъ Подгуринъ.—Эй, ты, левретка, овца, кукла нечесаная,—рѣзко обратился онъ къ Кирѣ,—небось тебѣ бабушка на заказъ костюмъ шила?

— Да, на заказъ,—отвѣчалъ изумленный такимъ неожиданнымъ вопросомъ Счастливчикъ.

— Ишь ты какъ! Фу ты, ну ты, ножки гнуты. А сапоги, поди, изъ кожи шевро?

— Право, не знаю.

— А бѣлье? Тонкое, поди, дорогое, батистовое?

— Да, тонкое, — спокойно отвѣчалъ Счастливчикъ,—а что?

Онъ поднялъ свои большіе серьезные глаза на Версту съ молчаливымъ вопросомъ. «Что, молъ, тебѣ за дѣло до моего бѣлья и платья?» казалось спрашивали его глаза.

— Ага! Ты такъ-то! Хвастаться вздумалъ! Пыль намъ пускать въ носъ съ перваго же дня своимъ

богатствомъ! Такъ постой же ты у насъ! Мы тебя проучимъ!—неожиданно громкимъ голосомъ закричалъ Подгуринъ и, нагнувшись къ уху Бурьянова, шепнулъ ему что-то.

— Ха, ха, ха, ха!—такъ и покатился со смѣха Калмыкъ.—Здорово придумалъ! Ай, да Подгурчикъ! Молодецъ!

— Эй, ты, лиллипутъ, снимай, братъ, твою амуницію!—рѣшительно проговорилъ Верста и крѣпко схватилъ одной рукой за плечи Счастливчика, а другой изо всей силы рванулъ его за бортъ куртки. Двѣ пуговки на воротѣ отскочили отъ этого грубаго движенія. Тонкое сукно затрещало по швамъ. Мальчики захохотали, Подгуринъ и Калмыкъ громче всѣхъ.

— Что вы хотите дѣлать со мною?—теряя обычное свое спокойствіе, испуганно вскричалъ Счастливчикъ, всѣми силами стараясь запахнуть разстегнутую курточку на груди.

— Ничего особеннаго, миленькій,—паясничая и корча обезьянью гримасу, пищалъ умышленно тоненькимъ голоскомъ длинный Подгуринъ.—Раздѣть тебя хотимъ. Ничего особеннаго, прелесть моя! Только костюмчикъ твой снимемъ, чтобы ты не больно-то форсился своимъ платьемъ. Эй, Калмычокъ, помоги мнѣ справиться съ этимъ франтомъ!—не переставая смѣяться, поманилъ Подгуринъ пріятеля.

— Ха, ха, ха!—смѣялись и прыгали вокругъ нихъ мальчики.—Раздѣть, раздѣть, конечно! Ха, ха, ха, ха! Что, въ самомъ дѣлѣ, за хвастунъ выискался! Франтъ пике, носъ въ табакѣ! Форсило!

Счастливчикъ испуганнымъ взглядомъ затравленнаго звѣрька окинулъ толпившихся мальчиковъ.

«Неужели это они, тѣ самые, что только-что угостились изъ его корзины? И ни одного ласковаго, расположеннаго къ нему, не найдется между ними!.. Всѣ очень весело и охотно принимаютъ глупую, злую шутку этихъ двухъ гадкихъ, злыхъ второгодниковъ. О, если бы можно было уйти домой! Сейчасъ домой!»—мучительно сжималось сердце мальчика, но желанію Счастливчика не суждено было осуществиться. Домой онъ ни въ какомъ случаѣ такъ рано попасть не могъ.

Между тѣмъ нѣсколько паръ рукъ протянулось къ нему, и Подгуринъ крикнулъ тономъ, не допускающимъ возраженій:

— Эй, Малининъ, иди на стражу караулить дверь!

И черненькій, какъ мушка, Малининъ, мальчикъ лѣтъ одиннадцати, стремглавъ помчался къ двери класса, выходящей въ коридоръ.

Счастливчика окружили плотнѣе, схватили за руки, прижали къ стѣнѣ. Чьи-то проворные пальцы стали стаскивать съ него куртку, поясъ, сапоги, штанишки...

Черезъ какія-нибудь пять минутъ у доски, вмѣсто маленькаго гимназистика въ курткѣ, стоялъ бѣленькій, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, дрожащій какъ листъ отъ холода и волненія, худенькій кудрявый мальчикъ.

— Ну, вотъ, теперь ты и поваръ! Не хочешь ли сготовить намъ обѣдъ?—хохоталъ Подгуринъ, дергая Счастливчика за волосы, за рубашку, за пуговицы нижняго бѣлья.

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ не поваръ, а сенаторъ! Только

сенаторъ безъ мундира! Честь имѣю привѣтствовать васъ, ваше превосходительство!—вторилъ товарищу Калмыкъ, становясь во фронтъ передъ раздѣтымъ Счастливчикомъ и взявъ руку подъ козырекъ.

— Ха, ха, ха, ха! Вотъ умора! Совсѣмъ, совсѣмъ ощипанная левретка! Стриженая овца! Бе-бе-бе-бе!—неистовствовали остальные гимназисты.

Счастливчикъ стоялъ у стѣны, дрожа всѣмъ тѣломъ. Личико его было блѣдно. Губы дрожали. Глаза были полны слезъ.

«Бабушка! Бабушка! Зачѣмъ ты меня отдала сюда на такую обиду, на такую муку!»—томился бѣдный мальчикъ.

Вдругъ Подгуринъ неожиданно наклонился, схватилъ съ пола валявшееся въ кучѣ платье Счастливчика и, вскочивъ на парту, взмахнулъ рукою съ костюмомъ и ловко забросилъ его на лампу, висѣвшую подъ потолкомъ.

— Господа, кто желаетъ купить съ аукціона эти вещи? Дешево продамъ!—вскричалъ Калмыкъ и волчкомъ закружился на одномъ мѣстѣ.

Въ ту же минуту дверь класса широко распахнулась и караулившій ее Малининъ, какъ бомба, вылетѣлъ на середину комнаты.

Вслѣдъ за Малининымъ въ классъ влетѣли Янко, Голубинъ и Курнышовъ.

Краснощекій Помидоръ Ивановичъ на минуту остановился у порога, быстрымъ взоромъ окинулъ классъ и, казалось, въ одинъ мигъ понялъ все происшедшее.

— Ага! вы все-таки обижаете лиллипутика!—крик-

нулъ онъ во все горло.—Постойте же, мы васъ съ Янко угостимъ по-свойски. Только держись!

И, засучивъ рукава своей курточки, онъ стремительно накинулся на Подгурина.

Синеглазый Ивась Янко, въ свою очередь, въ два прыжка очутился на спинѣ Калмыка, и... пошла потасовка!..

Аля Голубинъ, блѣдный, взволнованный, съ горящими глазами, растолкалъ мальчиковъ, пробрался къ Счастливчику и, обхвативъ за плечи послѣдняго, отчаянно волнуясь и жестикулируя, кричалъ своимъ тоненькимъ дѣтскимъ голосомъ:

— О, какъ не стыдно вамъ! Какъ не стыдно! Что онъ вамъ сдѣлалъ?! Безсовѣстные вы всѣ! Это нечестно гадко, подло, нехорошо!..

Но мальчики сами и безъ худенькаго Голубина отлично знали, что во всемъ происшедшемъ дѣйствительно не много было хорошаго.

Смущенные отхлынули они отъ новенькаго и его друга.

А посреди класса уже кипѣла форменная драка. Янко, Курнышовъ, Верста и Калмыкъ катались по полу въ одной сплошной, отчаянно барахтавшейся и запыленной кучѣ...

ГЛАВА XIV

— ДИРЕКТОРЪ идетъ!..

— Ну-у?

— Какъ Богъ святъ, директоръ!..

— Директоръ! Что дѣлать? Что дѣлать?

На лицахъ мальчиковъ отразился ужасъ.

Только четверымъ драчунамъ сейчасъ нѣтъ до директора никакого дѣла: они продолжаютъ кататься по полу, награждая другъ друга пинками и тумаками.

Тогда Малининъ, красный, какъ вареный ракъ, бросается къ Помидору Ивановичу и кричитъ ему въ самое ухо, что есть мочи, громко, какъ на пожарѣ:

— Директоръ идетъ! Понимаешь — директоръ идетъ.

— Что? Гдѣ? Какой директоръ? Почему? Какимъ образомъ?—ничего не понимая, тяжело дыша и сопя носомъ, съ вытаращенными глазами, недоумѣваетъ Помидоръ Ивановичъ.

Но ему некогда пояснять.

Десятки рукъ подхватываютъ его, ставятъ на ноги; потомъ приводятъ въ стоячее положеніе тѣмъ же способомъ Янко, Калмыка, Подгурина.

Голубинъ въ это время хватаетъ за руку Счастливчика и кричитъ:

— Спрячься! Спрячься! Подъ скамейку спрячься! Не то всему классу попадетъ!

И самъ мчится стрѣлою къ своему мѣсту.

Въ классѣ минутная возня... Топотъ ногъ... шелестъ... возгласы испуга...

Директоръ идетъ—это вѣдь не шутка! Директоръ идетъ, а у нихъ раздѣтый мальчикъ въ классѣ! Что дѣлать? Что дѣлать?

Счастливчикъ, взволнованный, трепещущій, измученный отъ всего пережитаго, медленно выходитъ изъ угла и направляется къ своему мѣсту.

— Скорѣе! Скорѣе!—кричатъ ему мальчики съ первыхъ скамеекъ.

— Скорѣе же двигайся, лиллипутикъ!—звонко выкрикиваетъ Янко и для чего-то протягиваетъ руки впередъ.

Но уже поздно...

На порогѣ класса стоитъ директоръ — высокій, полный, красивый господинъ, съ баками, въ родѣ котлетокъ, по обѣимъ сторонамъ симпатичнаго лица.

На лицѣ директора выраженіе не то недоумѣнія, не то испуга.

— Это еще что за явленіе?—говоритъ директоръ и протягиваетъ впередъ указательный палецъ.

Передъ нимъ, спиною къ нему, шагаетъ ма-

ленькая бѣлая фигурка въ одномъ нижнемъ бѣльѣ и въ носкахъ, съ длинными густыми локонами, падающими на плечи, какъ у библейскаго Самсона.

На вопросъ директора фигурка останавливается, оборачивается и, увидя вошедшее новое лицо, почтительно кланяется, шаркнувъ полуобутой ножкой по всѣмъ правиламъ искусства.

Глаза директора раскрываются еще шире.

— Это еще что такое?—суровымъ, строгимъ голосомъ спрашиваетъ онъ.

Подоспѣвшій воспитатель, «дѣдушка», бочкомъ протискивается къ Счастливчику и шепчетъ надъ его головою очень тревожно:

— Гдѣ же твое платье, Раевъ?

Счастливчикъ хочетъ поднять руку и показать, гдѣ его платье, хочетъ отвѣтить, что его́ платье мирно покачивается на лампѣ подъ потолкомъ, но въ это время весь красный пробирается между партами Янко и, незамѣтно очутившись около Голубина, рядомъ съ первой скамейкой, шепчетъ усиленнымъ шопотомъ Счастливчику:

— Только не выдавай!.. Только не выдавай!.. Они всѣ дрянные, гадкіе, но ты ихъ все-таки не выдавай!.. У насъ выдавать не полагается... У насъ правило товарищества... Пожалуйста, не выдавай!

Счастливчикъ молчитъ. Его губы сжаты. Глаза полны слезъ.

— Да что съ тобой, голубчикъ?—тревожно спрашиваетъ его старый воспитатель.—Отвѣчай же господину директору, отчего ты раздѣтъ.

Голосъ «дѣдушки» похожъ на голосъ monsieur Diro, и весь онъ смахиваетъ немножко на «Ами»: такой же сѣденькій, старый. И потомъ онъ первый приласкалъ Счастливчика въ этихъ нехорошихъ, такъ неласково встрѣтившихъ его стѣнахъ, назвалъ привѣтливо «голубчикомъ», тревожится насчетъ его, сочувствуетъ ему...

Напряженные нервы Киры, перенесшаго столько волненій сразу, не выдерживаютъ и точно рвутся. Слезы мгновенно брызгаютъ фонтаномъ изъ глазъ. Онъ стремительно прижимаетъ головку къ синему сюртуку воспитателя и рыдаетъ горько, неудержимо.

Не часто можно видѣть въ классѣ плачущаго гимназистика въ нижнемъ бѣльѣ, похожаго на поваренка. Это явленіе далеко не обычайное. Притомъ мальчикъ плачетъ такъ искренно, такъ изступленно и такъ дрожитъ всѣмъ своимъ маленькимъ тѣломъ, что тревога невольно наполняетъ сердце директора, и онъ говоритъ, приближаясь къ Кирѣ:

— Ну, ну, успокойся, мальчикъ! Да разскажи, въ чемъ дѣло.

Но такъ какъ вмѣсто разсказа рвутся одни только рыданья и всхлипыванья изъ дѣтской груди, директоръ ровно уже ничего не понимаетъ.

— Да объясните же вы мнѣ, наконецъ, что случилось?—уже явно сердитымъ голосомъ обращается онъ къ классу. Но мальчики стоятъ, какъ истуканы, каждый у своей парты, и молчатъ.

Тогда отдѣляется Янко отъ первой скамейки. Его синіе глаза замѣтно искрятся. Рожица у Ивася сей-

часъ самая плутовская, но на губахъ пугливая улыбка, а брови хмурятся, стараясь придать очень серьезное выраженіе лицу. Онъ оборачивается назадъ, окидываетъ однимъ взглядомъ классъ и останавливаетъ глаза на замѣтно испуганныхъ и блѣдныхъ лицахъ Подгурина и Бурьянова.

На этихъ лицахъ такъ и написано безъ словъ:

«Не выдай насъ, Янко! Пощади! Не выдай!»

Но Янко и безъ этого отлично помнитъ, что выдавать товарищей — мерзость. Помнитъ и то, что директоръ, Григорій Исаевичъ Мартьяновъ, любитъ его, Янко, и очень хорошо относится къ нему. Авось повѣритъ его словамъ и не разсердится сегодня ни на кого.

И синеглазый Ивась нервно обдергиваетъ курточку, хмуритъ брови и говоритъ, обращаясь къ директору, почтительно, но смѣло:

— Мы, Григорій Исаевичъ, въ перемѣну бѣжали завтракать изъ коридора въ классъ. И новенькій съ нами былъ вмѣстѣ. Вдругъ новенькій поскользнулся, упалъ и прямо на доску бокомъ угодилъ. Сталъ плакать и стонать: «Бокъ больно! Бокъ больно!» Сталъ просить насъ: «посмотрите, нѣтъ ли раны на боку?» Ну, мы и хотѣли посмотрѣть. Сняли куртку и все прочее. А вы и изволили войти какъ разъ въ эту минуту.

Янко говоритъ явную неправду, и директоръ отлично понимаетъ это. Но Григорій Исаевичъ Мартьяновъ—въ сущности очень добрый человѣкъ и не любитъ за ребяческія шалости наказывать гимназистовъ.

Однако онъ все-таки очень недоволенъ безпорядкомъ въ классѣ и строгимъ голосомъ обращается къ ученикамъ:

— Чтобы этого не было въ другой разъ!.. Слышите! Если кто стукнется, заболѣетъ, нечего самимъ мудрить! Надо сказать господину воспитателю, и васъ отведутъ къ доктору въ пріемный покой.

— А ты не плачь и одѣвайся! Да въ другой разъ не будь такимъ дурачкомъ, не позволяй такъ глупо съ собой распоряжаться, — полушутливо обратился къ Счастливчику директоръ и повернулся уже къ двери, чтобы уйти, какъ неожиданно увидѣлъ покачивающійся на лампѣ злополучный костюмъ гимназиста. Доброе лицо его приняло въ мигъ строгое, недовольное выраженіе.

— Кто это осмѣлился сдѣлать?—гнѣвными нотками прозвучалъ на весь классъ громкій голосъ.—Это еще что за шалость? Кто посмѣлъ изъ васъ забросить на лампу костюмъ?

Мальчики молчали. Испуганныя лица со страхомъ впивались теперь въ директора.

Счастливчикъ, переставшій плакать, тоже смотрѣлъ на него.

— Ну-съ, я жду!—еще строже произнесъ на весь классъ Григорій Исаевичъ.

Опять молчаніе. Только дѣтскія лица вытягиваются длиннѣе.

— Кто же виноватъ? Отвѣчайте сейчасъ! Чьихъ это рукъ дѣло?—сердится директоръ.

Легкій шопотъ проносится по классу:

— Мы всѣ закинули!.. Мы всѣ виноваты, Григорій Исаевичъ!—слышатся покорные и робкіе голоса.

— Какъ всѣ? Что за чушь! Не можетъ быть, чтобы весь классъ!—окончательно выходилъ изъ себя директоръ.

— Всѣ!—тихимъ звукомъ проносится по комнатѣ, какъ шелестъ вѣтерка.

— Всѣ виноваты до единаго? — снова, волнуясь, спрашиваетъ Григорій Исаевичъ.

— Всѣ виноваты, всѣ! — получается дружный отвѣтъ.

Директоръ подходитъ къ Счастливчику, кладетъ ему руку на плечо.

— Ну, а ты что скажешь, новенькій? Кто сдѣлалъ это?—и онъ поднялъ кверху палецъ, указывая на злополучный, тихо покачивающійся на лампѣ, костюмъ.

Счастливчикъ поднимаетъ голову, окидываетъ глазами классъ. Вонъ прямо на него обращены испуганныя, взволнованныя, побѣлѣвшія отъ страха лица тѣхъ двухъ большихъ злыхъ мальчиковъ, которые такъ гадко поступили съ нимъ сегодня. Что если назвать ихъ директору?.. Ихъ строго накажутъ, и больше никогда, никогда никто не посмѣетъ обидѣть Счастливчика.

Мысли въ бѣлокурой головкѣ рѣютъ быстро и гнѣвно, немилостивыя, жестокія мысли, а сердечко, доброе сердечко Счастливчика выстукиваетъ совсѣмъ другое:

«Ну, пожалуешься ты на нихъ, ну, накажутъ ихъ строго, — выстукиваетъ сердечко, — и что-же? Легче

отъ этого будетъ, что-ли? Сестра Ляля постоянно говоритъ: — «Надо прощать враговъ, надо отпускать обиды, тогда только и будетъ хорошая, свѣтлая, радостная жизнь на землѣ».

И при этой мысли теплая волна заливаетъ маленькую душу. Хочется простить и Версту, и Калмыка, всѣмъ сердцемъ простить, искренно, горячо, пылко.

Директоръ внимательно смотритъ на милое, заалѣвшее лицо Счастливчика.

— Ну, что-же? Кто закинулъ твой костюмъ?— спрашиваетъ директоръ.—Дождусь я отвѣта?—спрашиваетъ онъ строго.

Кира дѣлаетъ надъ собой невѣроятное усиліе Онъ не привыкъ ко лжи. Онъ не умѣетъ лгать, Счастливчикъ. Но сейчасъ, когда приходится спасти товарищей, приходится поневолѣ сказать неправду, ложь... Черные глаза опускаются, губки раскрылись. Изъ-подъ нависшихъ кудрей выглядываетъ малиновое отъ смущенія лицо.

— Всѣ...—дѣлая надъ собою невѣроятное усиліе, говоритъ Счастливчикъ,—всѣ закинули, весь классъ...

И помолчавъ немного, неожиданно прибавляетъ къ полному изумленію присутствующихъ:

— И я тоже!.. И я закидывалъ тоже на лампу мой костюмъ...

Это вышло такъ неожиданно, что директоръ, воспитатель, а за ними и весь классъ ошеломлены настолько, что смотрятъ на Счастливчика изумленными, недоумѣвающими глазами.

Потомъ директоръ еще разъ вскидываетъ на Счаст-

ливчика внимательный, зоркій взглядъ. Неопредѣленная улыбка скользитъ по его губамъ.

Должно быть директору и жаль мальчика за то, что онъ сказалъ неправду, и отчасти онъ доволенъ новенькимъ, который не хочетъ отплачивать зломъ за зло. А что новенькому причинили зло — въ этомъ директоръ теперь уже не сомнѣвался. Недаромъ же такъ горько плакалъ новенькій и у него былъ такой измученный, испуганный и грустно-растерянный видъ.

Директора точно что подтолкнуло къ Кирѣ. Онъ взялъ его за руку, притянулъ къ себѣ, откинулъ ему кудри со лба.

— Вотъ это надо убрать завтра же! — произнесъ онъ, указывая на его волосы,—и помни, что въ гимназіи нельзя быть такой россомахой и позволять съ собой дѣлать, что только вздумается другимъ. А вы всѣ, въ наказаніе за шалость, останетесь на часъ послѣ уроковъ сегодня въ гимназіи.

И сказавъ это, директоръ, дѣлая строгое лицо, вышелъ изъ класса.

Лицо было строгое, а на губахъ его играла та же, чуть замѣтная, добрая улыбка.

ГЛАВА XV

— Ай, да овечка.

— Ай, да дѣвчонка!

— Молодецъ, овечка!

— Молодецъ, дѣвчонка!

— Ура, Лиллипутикъ!

— Не Лиллипутикъ, а герой!

— Молодчинище, герой! Постоять сумѣлъ горой!

— Не выдалъ товарищей!

Всѣ эти крики, сыпавшіеся со всѣхъ сторонъ, едва не оглушили Киру.

Мальчики теперь гурьбой толпились вокругъ него, воспользовавшись минутой, когда директоръ вышелъ изъ класса въ сопровожденіи «дѣдушки», котораго онъ позвалъ за собой.

Кто-то полѣзъ на столъ, потянулся къ лампѣ и, стащивъ съ нея костюмъ Счастливчика, подалъ его ему.

Опять проворныя руки стали суетливо хлопотать вокругъ мальчика, быстро одѣвая его.

Помидоръ Ивановичъ, Янко, Гарцевъ, Голубинъ, черненькій какъ цыганенокъ Малининъ,—всѣ наперерывъ старались услужить ему.

— Если еще кто-нибудь когда-нибудь осмѣлится продѣлать съ нимъ что-либо такое, я такъ отпотчую, что...—съ пылающими щеками кричалъ неистово Ваня Курнышовъ.

Ваня не кончилъ. Кто-то отстранилъ его отъ Счастливчика, всталъ на его мѣсто и ударилъ легонько Киру по плечу.

Счастливчикъ поднялъ глаза. Передъ нимъ стоялъ Подгуринъ. За нимъ Калмыкъ, красный, какъ морковь, со смущенно бѣгающими маленькими глазками.

— Ты ужъ того... братъ... прости, Лиллипутикъ...— ронялъ смущенно Подгуринъ, — мы, братъ, не знали, что ты такой рубаха-парень и герой.

— Лихой, братъ, товарищъ!—вторилъ ему и Калмыкъ, просовывая подъ чьимъ-то плечомъ свою скуластую физіономію.

— Ты, братъ, не взыщи,—ронялъ снова долговязый Подгуринъ, — прости... Не ладно у насъ это вышло и съ завтракомъ, и съ костюмомъ. Или вотъ что, дай мнѣ хорошаго тумака, а я ни-ни... сдачи... Вотъ и будемъ квиты.

— И мнѣ тоже! И мнѣ тоже!—обрадовался Бурьяновъ.

Но Счастливчикъ никакъ не рѣшался исполнить эту оригинальную просьбу. Между тѣмъ десятки рукъ успѣли одѣть его, привести въ порядокъ.

— Ну, вотъ, — какъ ни въ чемъ не бывало радо-

вались мальчики. — Ну, вотъ! Ну, вотъ! Теперь хоть не только директоръ входи, а и самъ министръ. Милости просимъ! Все въ исправности!

— Братцы! Я предлагаю качать Раева за его товарищескій поступокъ!—звонко воскликнулъ Помидоръ Ивановичъ и, прежде нежели Счастливчикъ успѣлъ опомниться, подхватилъ его на руки.

Десятка четыре рукъ, маленькихъ и среднихъ, чистыхъ и грязныхъ, щедро отмѣченныхъ чернильными пятнами, потянулись къ Счастливчику. Его осторожно подбрасывали и раскачивали въ воздухѣ и припѣвали со смѣхомъ и визгомъ:

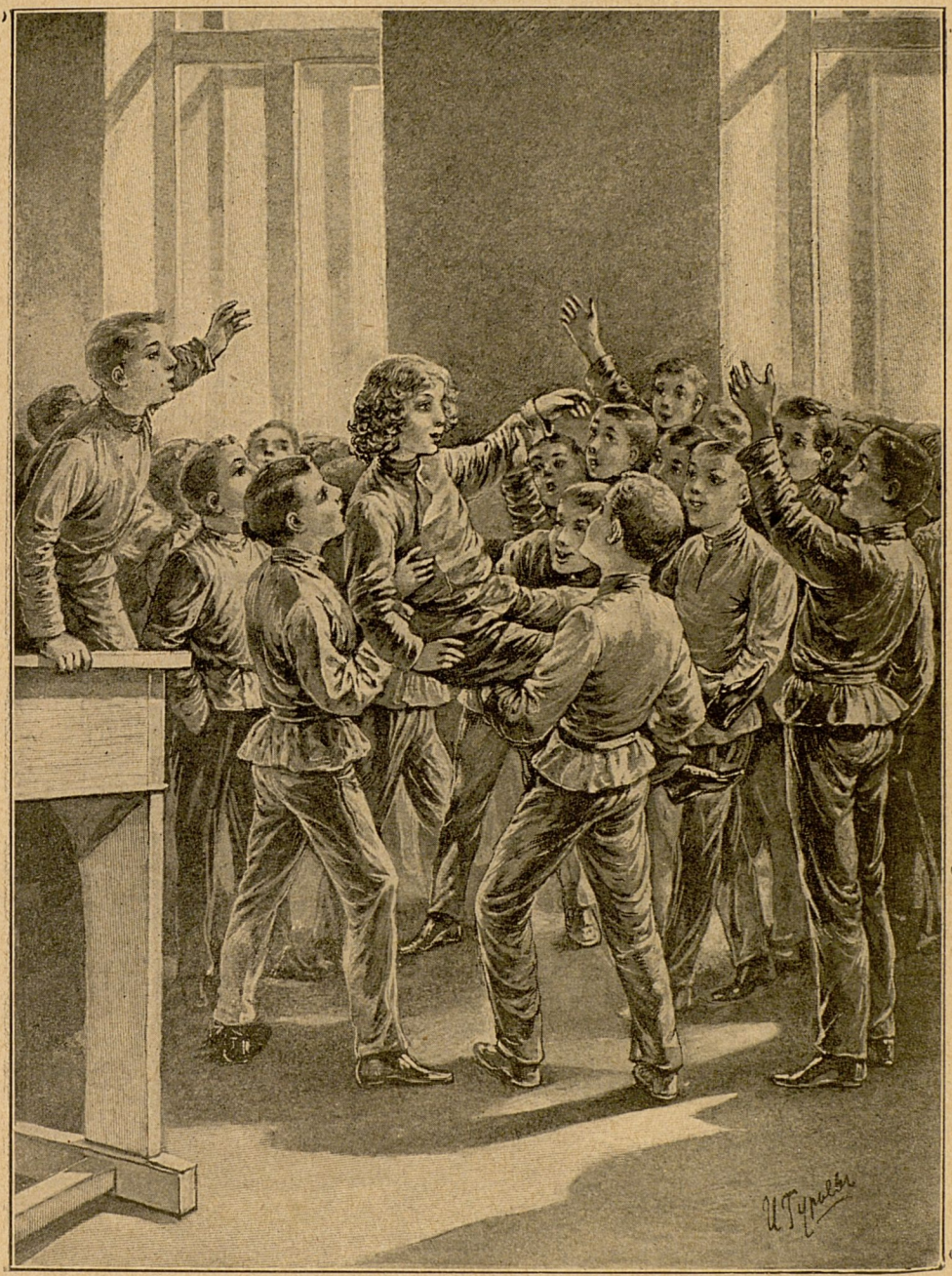
— Слава—Лиллипутику, слава! Слава—кудрявому, слава!

Счастливчикъ, смѣющійся, повеселѣвшій, съ растрепанными локонами и пылающимъ лицомъ принималъ всѣ эти знаки восторга.

Вернувшись съ monsieur Diго домой, Счастливчикъ, не желая волновать бабушку и Лялю, разсказывая о первомъ, проведенномъ въ гимназіи, днѣ, умолчалъ объ исторіи съ костюмомъ и завтракомъ.

Одному только Микъ-Мику, пришедшему къ нему вечеромъ репетировать уроки, повѣдалъ онъ все до капельки. Микъ-Микъ внимательно слушалъ своего маленькаго ученика и заставлялъ его повторять по нѣсколько разъ, что сказалъ директоръ, какъ отвѣчалъ ему Счастливчикъ, какъ его «чествовали» всѣмъ классомъ.

Счастливчикъ не скрылъ ничего отъ Микъ-Мика. Микъ-Микъ не выдастъ, Микъ-Микъ не пойдетъ ис-



Не успѣлъ Счастливчикъ опомниться, какъ его подхватили на руки...

пуганный къ бабушкѣ, не захочетъ вступаться за него, Счастливчика, или жаловаться на негодныхъ мальчугановъ, какъ это, навѣрное, сдѣлалъ бы monsieur Diro. Микъ-Микъ непремѣнно желаетъ видѣть въ Счастливчикѣ маленькаго мужчину и всячески поддерживаетъ это сознаніе и въ самомъ Кирѣ. Вотъ почему такъ любитъ Счастливчикъ своего молодого учителя, такъ искренненъ и откровененъ онъ съ нимъ.

Въ этотъ вечеръ, уставшій отъ массы разнородныхъ впечатлѣній, перенесенныхъ за день, Кира уснулъ скоро, но тревожно. И снились ему веселые, шумные мальчики, длинный Верста, тихій Голубинъ, веселый, смѣющійся Янко и милый, смѣлый и умный Помидоръ Ивановичъ, съ его открытымъ, честнымъ, краснощекимъ лицомъ...

ГЛАВА XVI.

ЗИМА... Снѣгъ падаетъ большими хлопьями... Точно большія бѣлыя птицы летаютъ по воздуху и, безсильно распластавъ крылья, шлепаются на землю...

Разгуляй запряженъ въ санки и мчится, какъ бѣшеный, по мягкой, рыхлой санной дорогѣ. Счастливчикъ ѣдетъ въ гимназію. На немъ теплое, на бѣличьемъ мѣху, форменное пальто съ огромнымъ барашковымъ воротникомъ. Воротникъ поднятъ, фуражка съ выстеганнымъ ватою днемъ нахлобучена на самыя брови. Сверхъ фуражки и поднятаго воротника еще башлыкъ. Изъ-подъ нихъ выглядываетъ, какъ гномъ изъ пещеры, крошечный, закраснѣвшійся на морозѣ, носикъ. Такъ укутала Счастливчика няня по приказанію бабушки.

Monsieur Diro тоже въ теплой шубѣ. Но ему все-таки холодно. Онъ не привыкъ къ морозамъ. Въ Парижѣ нѣтъ такихъ крѣпкихъ, трескучихъ морозовъ. И monsieur Diro зябко кутается въ шубу, прячетъ свой длинный тонкій носъ въ ея воротникъ и то и дѣло ворчитъ недовольно, почему-то по-русски:

— Ой, этить рюской холодникъ!.. Совсѣмъ защиплевалъ мой носикъ!

Счастливчику дѣлается ужасно смѣшно отъ этого замѣчанія. Андронъ же фыркаетъ у себя на козлахъ. Разгуляй думаетъ, что это относится непосредственно къ нему, машетъ хвостомъ и прибавляетъ ходу.

— Тпру! Чего ты! Блиновъ объѣлся, что-ли!—кричитъ Андронъ на Разгуляя.

Счастливчикъ хохочетъ неистово. Какъ тутъ не смѣяться, посудите сами—видали ли вы лошадь, которая ѣстъ блины?

Вотъ и гимназія.—«Тпрууу!»—особенно лихо осаживаетъ Разгуляя Андронъ. Потомъ перевѣшивается съ козелъ и откидываетъ полость.

— Счастливо, баринъ! Съ Богомъ!—говоритъ Андронъ.

— До свиданія, мой мальшикъ!—бросаетъ ласково monsieur Diro.

Счастливчикъ ловко выскакиваетъ изъ саней, киваетъ головою и исчезаетъ въ подъѣздѣ.

Швейцаръ улыбается, встрѣчая мальчика, и торопливо помогаетъ ему раздѣться.

Ранецъ отстегнутъ, пальто сброшено, башлыкъ и фуражка тоже. Но что это сдѣлали со Счастливчикомъ? Гдѣ его густые длинные волосы?

Локоновъ нѣтъ. Волосы выстрижены подъ гребенку, вслѣдствіе чего голова получилась круглая, смѣшная, какъ у галчонка, личико малюсенькое, а глаза огромные-преогромные, какъ двѣ черныя вишни.

Теперь Счастливчикъ не похожъ ни на овцу, ни

на дѣвочку, ни на болонку. Онъ настоящій маленькій мужчина.

— Раевъ, здравствуй!

— Здорово, Лиллипутикъ!

Это кричитъ во все горло Ваня Курнышовъ, пулей влетѣвшій въ швейцарскую. Онъ въ осеннемъ старенькомъ пальто, безъ башлыка и въ плохенькой, помятой фуражкѣ. Счастливчикъ знаетъ, что Ваня очень бѣдный и что пальто и все то, что на немъ надѣто,— все пріобрѣтено по дешевой цѣнѣ на рынкѣ у старьевщика. Но Ванѣ не холодно, несмотря на трескучій морозъ. Его щеки точно два цвѣтка мака. И запыхался онъ отъ быстраго бѣга. Пыхтитъ какъ паровозъ. Еще бы не разгорѣться! Ванинъ отецъ живетъ на концѣ города, и оттуда Ваня ежедневно совершаетъ свою прогулку въ гимназію, по его же словамъ, «на собственныхъ рысакахъ», то-есть попросту пѣшкомъ.

— Всѣ уроки выучилъ? — освѣдомляется у Счастливчика Ваня.—Небось, съ репетиторомъ?—помолчавъ секунду, прибавляетъ онъ лукаво.

Счастливчикъ киваетъ и краснѣетъ. Если бы не Микъ-Микъ, разумѣется, онъ не зналъ бы ни одного урока.

Мальчики вбѣгаютъ на лѣстницу, прыгая черезъ двѣ ступеньки.

— Здорово, братцы!—слышится за ними.

Это Янко. Веселый, радостный, какъ всегда, онъ весь такъ и сіяетъ улыбкой.

— Ариѳметику не кончилъ. Задачи не понимаю.

Дай списать, Помидорушка, у тебя, — проситъ онъ умильно Ваню.

Помидоръ Ивановичъ упрямо крутитъ головою.

— Списать ни-ни... Это обманъ. А вотъ объясню тебѣ съ удовольствіемъ.

Три мальчика входятъ въ классъ. Еще рано. До молитвы остается еще цѣлыхъ четверть часа. Но въ классѣ, противъ обыкновенія, уже набралось много народа. Въ углу класса за доской движутся чьи-то ноги. На доскѣ написано крупными буквами:

Фокусникъ и чревовѣщатель. Пріемъ отъ $8^1/_2$ *до* $8^3/_4$ *утра.*

Весь классъ собрался у доски, хохотъ, возня, возгласы удивленія.

— Это еще что за выдумки?

Изъ-за доски вылѣзаетъ Бурьяновъ. Лицо торжественное, какъ передъ учителемъ во время отвѣта. Надъ губою наведены углемъ усы, на щекахъ намазаны баки. Глаза выпучены, точно у рака. На головѣ колпакъ съ кисточкой изъ бумаги. На колпакѣ съ неподражаемымъ мастерствомъ нарисованы чертики. Калмыкъ мотаетъ головой, такъ что кисточка трясется и танцуетъ. Онъ отдуваетъ вымачканныя щеки, еще сильнѣе таращитъ глаза и выкрикиваетъ густымъ басомъ:

— Честь имѣю представиться: фокусникъ и чревовѣщатель. Кто хочетъ видѣть, какъ изъ одного перышка можно сдѣлать двадцать?

Мальчики хохочутъ, сдвигаются въ кучку, окружаютъ Бурьянова. Всѣмъ хочется видѣть, какъ изъ одного пера выходитъ двадцать.

— Покажи! Покажи!—пристаютъ они къ Калмыку.

У Калмыка на ладони лежитъ стальное перо. Всѣ смотрятъ на него съ замѣтнымъ любопытствомъ.

— Давай другое, братцы, это не годится!—командуетъ Бурьяновъ и протягиваетъ руку впередъ.

И вмигъ въ его рукѣ очутилось другое перышко. Кто-то кладетъ третье, четвертое. Бурьяновъ сосредоточенно смотритъ, считаетъ и мотаетъ головою:

— Не то, не то... Надо острѣе... Еще острѣе... Чуточку только, — мычитъ онъ своимъ дѣланнымъ басомъ.

Мальчики разгораются любопытствомъ. Дѣйствительно, презабавная штука, изъ одного пера можно сдѣлать двадцать!

Когда маленькій Голубинъ кладетъ на ладонь Калмыка свое самое хорошенькое желтое, точно золотое, перышко, по счету двадцатое, Бурьяновъ неожиданно срываетъ съ головы свой бумажный колпакъ, насмѣшливо раскланивается передъ огорошенными зрителями и писклявымъ голосомъ визжитъ:

— Вотъ какимъ образомъ изъ одного пера можно сдѣлать двадцать! Вотъ какимъ образомъ одинъ умный человѣкъ можетъ провести тридцать наивныхъ!.. А теперь честь имѣю кланяться, господа! До пріятнаго свиданія!

И зажавъ въ ладонь полученныя двадцать перьевъ, Бурьяновъ скрывается за доской.

Мальчики хохочутъ.

— Ай, да Калмыкъ!

Дѣйствительно, Калмыкъ сумѣлъ провести ихъ

всѣхъ — и презанятно. Въ другой разъ они не будутъ простофилями и не дадутъ себя дурачить такимъ образомъ, а пока...

Звонокъ къ молитвѣ... На порогѣ класса стоитъ «дѣдушка», вѣрнѣе Корнилъ Демьяновичъ Вершиковъ, воспитатель.

— На молитву, дѣти, на молитву! — кричитъ онъ, хлопая въ ладоши, и вдругъ, замѣтивъ необычайное оживленіе у доски, проходитъ туда.

Какъ ни близорукъ и ни подслѣповатъ Корнилъ Демьяновичъ, однако онъ замѣчаетъ все, что ему надо.

— Чьи это ноги? — строго обращается онъ къ гимназистамъ.

Подавляя смѣхъ, Подгуринъ отвѣчаетъ безпечнымъ тономъ:

— Это не ноги, а сапоги.

— Сапоги безъ ногъ, — вдохновенно прибавляетъ Янко.

— Сейчасъ подать мнѣ эти сапоги!—сердится воспитатель.—Я знаю, кто тамъ спрятанъ!

— Тамъ фокусникъ, — снова отзывается длинный Верста замогильнымъ басомъ.

— И чревовѣщатель,—подпискиваетъ чей-то голосъ сзади.

— А вотъ посмотримъ.

«Дѣдушка» не безъ труда пролѣзаетъ за доску и вытаскиваетъ оттуда смущеннаго и краснаго, какъ кумачъ, Калмыка. Колпакъ онъ успѣлъ сбросить въ уголъ, щеки вытереть носовымъ платкомъ, но усы

остались, придавая ему уморительный и глупый до чрезвычайности видъ.

— Ха, ха, ха, ха!—не могутъ удержаться отъ смѣха мальчики при видѣ этихъ усовъ и этого глупаго вида.

— Очень хорошъ! Безобразникъ этакій!—сердится «дѣдушка». — На часъ въ гимназіи останешься послѣ уроковъ, а теперь ступай впереди класса на молитву съ этимъ самымъ украшеніемъ на лицѣ.

Калмыкъ испуганъ. На молитвѣ его увидитъ вся гимназія, инспекторъ, можетъ быть директоръ... Ужасъ! Ужасъ!.. Мальчики тоже не смѣются, притихли...

Быть грозѣ!

Молча становятся въ пары. Идутъ тихо въ залъ. Калмыкъ впереди, красный, смущенный, съ потупленными глазами, съ черными огромными усищами, нарисованными надъ верхней губой.

— У «мелочи», глядите, братцы, церемоніймейстеръ!—кричитъ кто-то изъ старшихъ въ коридорѣ и всѣ указываютъ пальцами на Калмыка.

Инспектора въ залѣ нѣтъ. Слава Богу! Гроза миновала. Но зато сколько насмѣшливыхъ взглядовъ и замѣчаній приходится вынести Калмыку!

О, онъ не проститъ этого «дѣдушкѣ»!.. Никогда не проститъ, отплатитъ ему, припомнитъ...

Сердце Калмыка исходитъ отъ злости. Въ головѣ роятся безпокойныя мысли, какъ бы отомстить...

Молитва кончена. Звонокъ, и мальчики расходятся по классамъ.

ГЛАВА XVII.

Въ первомъ младшемъ классѣ, у «мелочи», идетъ урокъ географіи. Географію преподаетъ классный наставникъ, болѣзненный, раздражительный, худенькій человѣчекъ съ козлиной бородкой. Зовутъ его Петръ Петровичъ Пыльминъ; гимназистики прозвали его Пѣтухомъ. Пѣтухъ терпѣть не можетъ лѣности и щедро сыплетъ на своемъ урокѣ единицы и двойки. Учиться у него претрудно: все наизусть, все наизусть. Рѣки наизусть, горы наизусть, моря наизусть, страны наизусть, словомъ, весь міръ наизусть буквально, точно «Отче Нашъ» или «Богородицу». А чуть перевралъ что-нибудь—пара. Еще перевралъ—колъ. Еще—картошка. Такъ называются двойки, единицы и нули на языкѣ гимназистовъ.

Сегодня Пѣтухъ сердится больше обыкновеннаго. Голова-ли у него болитъ или зубы, Богъ знаетъ, но онъ поминутно хватается то за щеку, то за лобъ.

— Сегодня Пѣтухъ злой, — шепчетъ Калмыку его сосѣдъ Подгуринъ.

— Подгуринъ, молчать! — услыша этотъ шопотъ, замѣчаетъ строго классный наставникъ.—А впрочемъ, ступай сюда. Назови рѣки южной Америки. Онѣ заданы къ сегодняшнему дню? Дежурный!

Рыженькій Костя Гарцевъ, близорукій, съ золотушными подслѣповатыми глазками, только что разбиравшій на колѣняхъ подъ партой старыя марки и коночные билетики, встаетъ со своего мѣста.

— Да, Петръ Петровичъ, сегодня рѣки,—раздается его отвѣтъ, при чемъ и марки, и билетики сыплются на полъ дождемъ.

— Подгуринъ, отвѣчай! — не замѣчая безпорядка, приказываетъ классный наставникъ.

Верста нехотя поднимается со скамейки, таращитъ глаза, дѣлаетъ глупое лицо и молчитъ. Урока онъ не выучилъ, а что зналъ, то успѣлъ позабыть съ прошлаго года.

Петръ Петровичъ сердится.

— Ну, что-жъ ты нѣмъ, какъ рыба! Отвѣчай!

Верста молчитъ.

— Что-жъ ты молчишь?

По лицу Подгурина проползаетъ лукавая улыбка.

— Какъ же мнѣ отвѣчать, когда вы молчать велѣли, Петръ Петровичъ!—тянетъ онъ плаксиво, какъ будто собираясь ревѣть.

— Ты глупъ!—сердито замѣчаетъ учитель.—Какая главная рѣка Южной Америки?

Подгуринъ хмурится, собираетъ свой, и безъ того маленькій, лобъ въ морщины, при чемъ дѣлается ужасно похожимъ на плачущую обезьяну, и... молчитъ,

стараясь припомнить всѣми силами, какая главная рѣка Южной Америки.

— Амазонка! Амазонка! — усредно подсказываетъ съ первой скамейки Малининъ.

— Амазонка! — шипитъ и Янко съ послѣдней парты. Другіе мальчики тоже усиленно подсказываютъ Подгурину.

Но Подгуринъ тугъ на оба уха. Онъ сталъ плохо слышать послѣ скарлатины въ прошломъ году.

«Онка... Онка... Гонка... Конка»... — едва, едва разбираетъ онъ и вдругъ широко улыбается... Услышалъ!

— Картонка!—увѣренно сообщаетъ учителю Подгуринъ.—Главная рѣка Южной Америки—Картонка.

Классъ фыркаетъ и заливается смѣхомъ.

Учитель краснѣетъ, сердится.

— Самъ ты картонка! — бросаетъ онъ гнѣвно.— Второй годъ въ классѣ сидишь, а Америки не знаешь. Стыдись!

И онъ ставитъ Подгурину единицу.

— Съ колышкомъ вашу милость поздравить позвольте! — смѣется Янко, который не терпитъ Подгурина.

Верста показываетъ Янко исподтишка кулакъ и съ угрюмымъ видомъ садится на мѣсто.

— Раевъ! Назови мнѣ рѣки Южной Америки,— слышитъ Счастливчикъ голосъ учителя.

Кира встаетъ, беретъ линейку и выходитъ на середину класса къ географической картѣ, которая виситъ на доскѣ.

Счастливчикъ знаетъ урокъ, отвѣчаетъ бойко. Вчера онъ всѣ рѣки Америки прошелъ съ Микъ-Микомъ.

Лицо Пыльмина проясняется.

— Хорошо!—говоритъ онъ съ довольной улыбкой, отпуская Киру на мѣсто.

— Бурьяновъ!—вызываетъ онъ Калмыка.

Калмыкъ, посвятившій все утро на устройство «фокусовъ и чревовѣщанія», не успѣлъ повторить урока. Рѣки выскочили у него изъ головы, и онъ начинаетъ бормотать себѣ что-то подъ носъ.

Учитель сердится снова.

— Лѣнтяй!.. лѣнтяй!..—ворчитъ онъ съ каѳедры.

Съ послѣдней скамейки приподнимается кто-то и протягиваетъ руку, не особенно чистую, въ чернильныхъ пятнахъ. Это Янко. Онъ тоже не знаетъ изъ заданнаго урока ни полслова и, боясь, что его сейчасъ вызовутъ, рѣшается на хитрость.

— Господинъ классный наставникъ! У Янко животъ болитъ. Можно ему пойти въ пріемный покой къ доктору?—говоритъ самъ Янко, пряча за головами товарищей свое смѣющееся лицо и стараясь подражать голосомъ и произношеніемъ Подгурину.

Но Петра Петровича обмануть трудно. Онъ отлично понимаетъ и кричитъ:

— Янко! Въ уголъ къ печкѣ ступай. А за неумѣнье держать себя въ классѣ ставлю тебѣ единицу по поведенію.

Пристыженный Янко шествуетъ съ сконфуженнымъ видомъ къ печкѣ

Чья-то предательская нога выставляется въ проходъ между партами. Янко не видитъ ноги, не чувствуетъ хитраго умысла сдѣлать ему «подножку», цѣпляется за ногу и стремительно летитъ на полъ.

— А чтобъ васъ,—красный отъ неожиданности бормочетъ Янко,—и дойти-то какъ слѣдуетъ парубку до печки не дадутъ. Эхъ-ма!

Это выходитъ такъ неожиданно смѣшно и забавно, что всѣ хохочутъ. Даже строгій учитель не можетъ удержаться отъ улыбки. У Ивася Янко, маленькаго хохла, есть драгоцѣнная способность привлекать къ себѣ всѣ сердца добродушіемъ и заразительной веселостью.

— Ну-съ, ступай на мѣсто и не шали больше, — уже милостиво говоритъ учитель.

— Вотъ спасибо!—радуется Янко.—И животъ прошелъ, не болитъ нисколько,—тихонько добавляетъ онъ, оборачиваясь лицомъ къ товарищамъ и строя уморительную гримасу.

Звонокъ. Урокъ оконченъ. Классный наставникъ расписывается въ журналѣ, сходитъ съ каѳедры и читаетъ отмѣтки.

У Подгурина единица, у Янко единица, у Малинина три, у Раева пять.

— Берите примѣръ съ него,—заканчиваетъ Петръ Петровичъ, закрывая журналъ.—Самый маленькій среди васъ, но учится лучше всѣхъ.

— Пять! Пять! — радуется Счастливчикъ. — Бабушка-то обрадуется. Ахъ, хорошо!

За каждую пятерку Кира получаетъ отъ бабушки

рубль. За каждую четверку—полтинникъ. Такой обычай бабушка завела съ перваго дня поступленія Счастливчика въ гимназію, не обращая вниманія на слова Микъ-Мика, который старался доказать, что выдавать деньги за хорошія отмѣтки неумѣстно.

Рублей и полтинниковъ уже много набралось въ копилкѣ Киры. Когда ихъ будетъ еще больше, онъ купитъ себѣ часы, настоящіе, золотые, закрытые часы, какъ у взрослаго. Это уже рѣшено давнымъ-давно у нихъ съ Микъ-Микомъ. И больше никто, ни одна душа не знаетъ объ этомъ.

ГЛАВА XVIII.

БОЛЬШАЯ перемѣна. Мальчики завтракаютъ. Обычныхъ шутокъ и шалостей не слышно. Челюсти, зубы и губы ушли въ работу. Кира стоитъ у окна. Съ нимъ Помидоръ Ивановичъ. Немного поодаль Аля Голубинъ. Аля не завтракаетъ. У него грустное личико и печальный видъ. Онъ усиленно занятъ оттачиваніемъ карандаша и весь, какъ кажется, ушелъ въ свою работу. Но это только кажется, а на самомъ дѣлѣ не то. Голубые глазенки Али то и дѣло скользятъ по окружающимъ его мальчикамъ, которые съ такимъ усердіемъ уничтожаютъ свои бутерброды. Подъ ложечкой у Али сосетъ. Онъ голоденъ. Ему хочется кушать. Ахъ, если бы хоть кусочекъ булки съ колбасой! Но увы—у него нѣтъ ничего.

Мать Али бѣдная, очень бѣдная вдова. Она бывшая учительница музыки. Но сейчасъ у нея совсѣмъ нѣтъ заработка. Она отморозила какъ-то себѣ руки, бѣгая по урокамъ, и съ тѣхъ поръ ея пальцы потеряли необходимую для игры гибкость и быстроту. Съ

тѣхъ поръ она живетъ съ сыномъ исключительно на пятнадцать рублей пенсіи. Это очень-очень трудно. Тутъ и комната, и обѣдъ, и чай, и стирка. Однимъ словомъ все. Разумѣется, давать на завтраки сыну не изъ чего, и бѣдная мать со стѣсненнымъ сердцемъ отпускаетъ своего Алюшку впроголодь въ гимназію. О, какъ болитъ и томится ея душа при этомъ! Вѣдь онъ такой худенькій, слабенькій, ея Аля, такой малокровный. Легко-ли ему пробыть натощакъ съ самаго утра до трехъ часовъ дня, пока онъ не возвратится изъ гимназіи къ ихъ скромному обѣду? Но что будешь дѣлать... Изъ пятнадцати рублей восемь идутъ на уплату за комнату, семь на все остальное. Едва-едва возможно жить впроголодь на эту сумму... До завтраковъ-ли тутъ еще! Маленькій Голубинъ отлично понимаетъ это. И все-таки ему страшно хочется ѣсть. И зависть беретъ глядѣть на мальчиковъ, которые съ такимъ аппетитомъ уничтожаютъ свои бутерброды.

Счастливчикъ тоже завтракаетъ съ большимъ удовольствіемъ. Микъ-Мику удалось, наконецъ, убѣдить бабушку не снаряжать, какъ въ дальній путь, для мальчика цѣлую корзину съ провизіей. Ему даютъ вмѣсто нея французскую булку, разрѣзанную вдоль, намазанную масломъ, съ начинкой изъ ветчины или рябчика, или куска телятины, или отбивной котлеты.

И отъ пилюль Микъ-Микъ избавилъ Счастливчика.

— Помилуйте,—говорилъ онъ бабушкѣ, — да его съ вашими пилюлями засмѣютъ мальчики.

И пилюли отмѣнили. Но зато...

Зато вмѣсто пилюль въ ранецъ Счастливчика няня

каждое утро умудряется всовывать тщательно закупоренную и обвязанную въ вату бутылку съ горячимъ какао и маленькій эмалированный стаканъ. Съ этимъ еще туда-сюда можно примириться, тѣмъ болѣе что къ какао прилагаются всегда и очень вкусные сладкіе бисквиты.

Каждый разъ, изъ боязни, что Счастливчикъ не выпьетъ какао, няня передъ отъѣздомъ въ гимназію спрашиваетъ:

— Кирушка, мой батюшка, а ты самъ-ли пьешь то какао?

— Самъ, нянечка, самъ!

— Мальчикамъ не даешь-ли?

— Не даю, няня.

— То-то, мой батюшка, кушай на здоровье, мальчишкамъ не раздавай. Имъ што? Они рады у маленькаго отнять—обидѣть ребенка.

— Да никто не обижаетъ меня, няня, что ты! — увѣряетъ няню Счастливчикъ.

Итакъ Счастливчикъ, стоя у окна, съ большимъ аппетитомъ уписываетъ свой завтракъ и запиваетъ его какао. Дома Счастливчикъ такъ не ѣстъ. Дома его насилу уговариваютъ съѣсть за обѣдомъ котлетку или крылышко цыпленка, а здѣсь, при видѣ завтракающихъ съ такимъ удовольствіемъ мальчугановъ, Кира и самъ чувствуетъ особенный аппетитъ и желаніе основательно покушать. Около него стоитъ Помидоръ Ивановичъ. У Вани Курнышова въ рукахъ вмѣсто бутерброда огромная краюха чернаго хлѣба, густо посыпанная солью.

Ваня, красный, довольный, съ полнымъ удовольствіемъ уписываетъ за обѣ щеки.

Его родители пріучили своего мальчика съ самаго ранняго дѣтства къ такимъ простымъ завтракамъ, и они кажутся ему, Ванѣ, лучше всякихъ разносоловъ.

— Не хочешь-ли половину моей булки? — предлагаетъ Счастливчикъ товарищу, съ которымъ онъ успѣлъ очень сойтись за послѣднее время.

— А тамъ что у тебя за птица?—освѣдомляется Ваня,—небось, котлетка—маленькая, точно конфетка, соусъ труляля, готовилъ поваръ, а ѣсть нечего, потому что воздухъ одинъ, мальчикъ-съ-пальчикъ, а не котлетка, съ мизинецъ ростомъ.

— Ха-ха-ха! — заливается на замѣчаніе Вани Счастливчикъ.

— Кушайте сами, а мы и своей краюхой премного сыты и довольны,—дурачится Помидоръ Ивановичъ и такъ хруститъ бѣлыми, какъ миндалины, зубами, разжевывая поджаренную корку хлѣба, что любо и слушать, и смотрѣть.

Однако не доѣсть Ванѣ своей краюшки, какъ и Счастливчику не доѣсть своей булки. Оба положили оставшіеся куски на подоконникъ и отошли отъ окошка. Аля Голубинъ видѣлъ, какъ отошли Счастливчикъ и Ваня, видѣлъ и лежавшіе на окнѣ куски.

Подъ ложечкой у Али засосало сильнѣе. Глаза невольно такъ и косятся на злополучное окошечко, на краюшку хлѣба, на бутербродъ.

— Господи! Господи! Хоть-бы одинъ кусочекъ! Хоть-бы крошечку попробовать только, — томится

Аля. — Только-бы попробовать, только-бы заморить немножко червячка.

Желаніе ѣсть, голодъ, сильнѣе мальчика... Попросить товарищей? О нѣтъ, онъ не попроситъ никогда! Онъ, Аля, не нищій и милостыни ему не надо. Его мама говоритъ такъ часто своему мальчику: «Бѣднякъ долженъ быть гордъ, Аля: бѣдняка обидѣть легче всего».

О, онъ отлично понимаетъ это! О, онъ гордый! Онъ никогда ничего ни у кого не проситъ, какъ и его мама. Никто и не знаетъ, какъ онъ бываетъ голоденъ ежедневно. Никто и не подозрѣваетъ, что онъ приходитъ каждый день безъ завтрака въ гимназію.

Когда всѣ мальчики закусываютъ въ классѣ, онъ уходитъ. Уходитъ въ коридоръ, на лѣстницу, въ залу. А сейчасъ онъ остался. Голодъ сильнѣе чѣмъ когда-либо, мучитъ его сегодня. Его такъ и тянетъ посмотрѣть, только посмотрѣть, какъ кушаютъ другіе... И вотъ этотъ кусочекъ хлѣба на окнѣ и четвертушка французской булки съ масломъ и котлеткой!.. Ахъ, Господи, да развѣ это дурно взять ихъ себѣ?.. Вѣдь никому больше не принадлежитъ это. Все равно сторожъ выкинетъ эти остатки завтрака въ грязное ведро... Аля живо окидываетъ глазами классъ. Никто не смотритъ, никто не видитъ. Одинъ Раевъ, Кира, Лилли-путикъ, стоитъ поблизости, но и онъ не видитъ его, задумался и смотритъ въ окно своими черными глазами. Аля дѣлаетъ шагъ... другой... третій. Протягиваетъ руку... Хватаетъ куски хлѣба и булки, подноситъ ихъ

ко рту... и ѣстъ... Ѣстъ быстро и жадно, какъ маленькій проголодавшійся звѣрекъ.

Бѣдный Аля! Бѣдный Голубинъ!

Когда злополучные куски съѣдены и отъ нихъ остались однѣ только крошки, Аля, какъ воръ, бочкомъ пробирается на свое мѣсто. Тамъ на скамейкѣ уже сидитъ его сосѣдъ, Счастливчикъ. Лицо у Счастливчика грустное, разстроенное. Глаза смотрятъ печально и смущенно.

Онъ вскидываетъ на Алю взглядомъ, полнымъ такой жалости и ласки, что у маленькаго Голубина сердце екаетъ въ груди.

— Видѣлъ! Онъ все видѣлъ! — трепещетъ напуганная душа Али, и онъ бросаетъ, въ свою очередь, молящій взглядъ на Счастливчика.

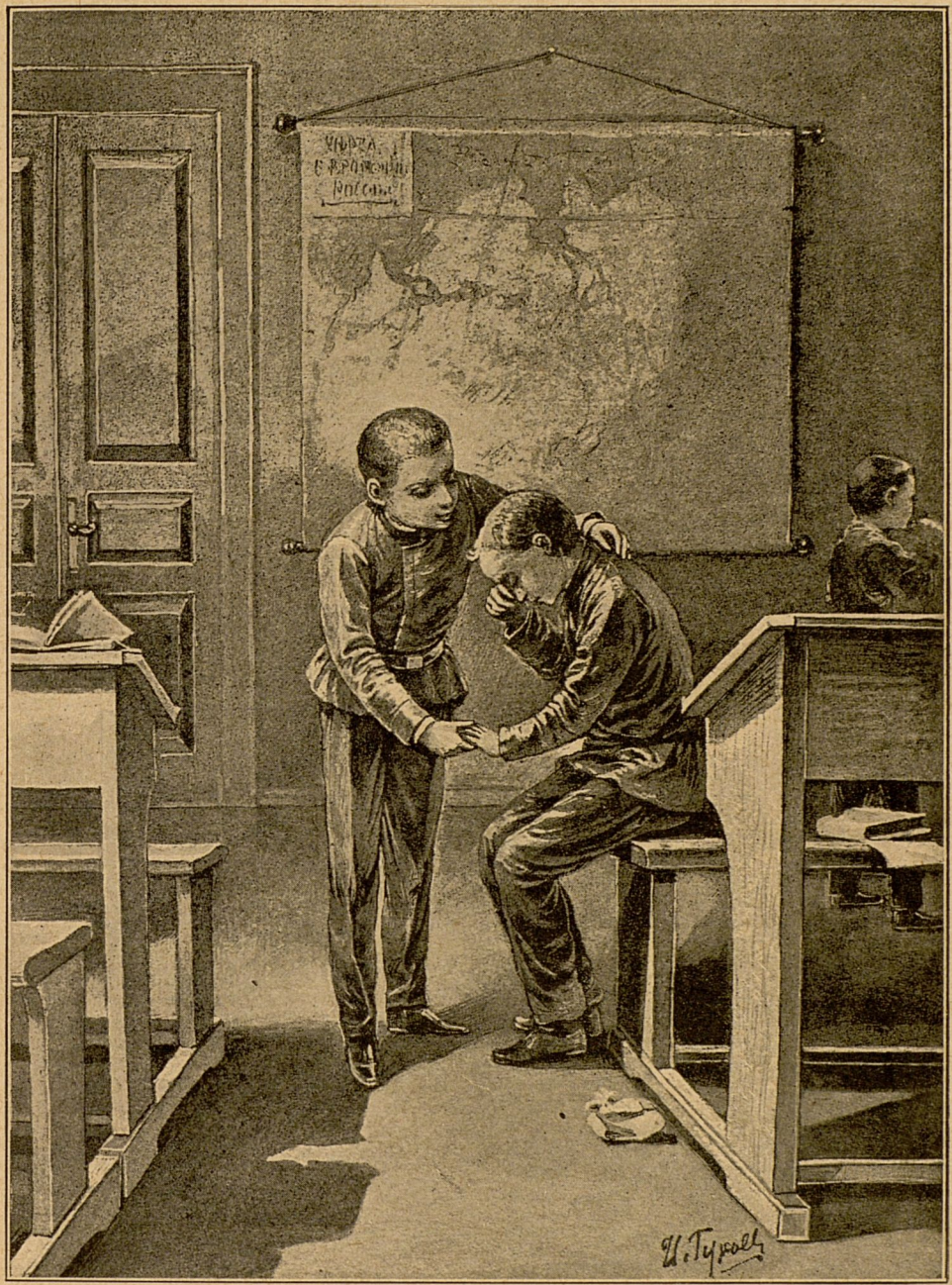
— Не выдавай меня! Не выдавай меня, ради Бога, Счастливчикъ!—малиновый отъ стыда, испуганно шепчетъ несчастный Аля.

Сердце Счастливчика буквально рвется отъ жалости и любви... Онъ хочетъ произнести слово и не можетъ. Слезы щекотятъ ему горло. Онѣ готовы брызнуть изъ глазъ.

А Аля все шепчетъ, шепчетъ:

— Молчи, молчи, Счастливчикъ... ради Бога... Никому не говори... Мнѣ хотѣлось кушать... Я не могъ сдержаться... У меня мамочка бѣдная... Денегъ нѣтъ... завтраковъ нѣтъ... Мы и то кушаемъ только разъ въ сутки...

Счастливчикъ молчитъ. Только горло его сжимается отъ желанія заплакать, зарыдать громко, не-



— Не выдавай меня, ради Бога, Счастливчикъ!—испуганно шепчетъ Аля...

удержимо... Такъ жаль этого милаго блѣдненькаго голоднаго Алю, такъ мучительно жаль!..

Но надо успокоить Алю, надо во что бы то ни стало... Въ ушахъ Счастливчика вдругъ раздается знакомая фраза Микъ-Мика:

«Старайтесь быть маленькимъ мужчиной, Кира!»

Да, да, онъ имъ будетъ! Онъ долженъ быть маленькимъ мужчиной. И дѣлая невѣроятное усиліе надъ собою, Счастливчикъ беретъ за руку Алю и говоритъ тихо, но твердо, голосомъ, не допускающимъ возраженій:

— Мы съ тобой товарищи и сосѣди. И со мной ты не долженъ стѣсняться... Я былъ гадкій, потому что не замѣчалъ того, что дѣлается у меня подъ самымъ носомъ. Не замѣчалъ того, что ты никогда не приносишь завтраковъ съ собою... Прости, милый, и если ты простилъ и не сердишься на меня, то мы... мы... мы съ тобой будемъ каждый день кушать мой завтракъ. Понялъ? Мнѣ одному даютъ слишкомъ много, не съѣсть даже, а ты... а ты...

Тутъ Счастливчикъ замолкъ, заерзалъ по скамейкѣ и заморгалъ своими огромными черными глазами. Лицо у него получилось самое смущенное, самое просительное, точно не онъ дѣлалъ одолженіе другому, а самъ просилъ о милости и одолженіи. И взглянувъ на это милое, смущенное личико, Аля схватилъ Счастливчика за руку, мотнулъ головою и, проглотивъ скатившуюся по щекѣ слезинку, шепнулъ чуть слышно:

— Спасибо тебѣ, спасибо, ты добрый, о, какой ты добрый, Лиллипутикъ!

И мальчики обнялись, какъ братья.

ГЛАВА XIX

— ДАЙ мнѣ это старое перышко, тебѣ не надо?

— Ахъ, сколько у тебя грязныхъ марокъ, подѣлись со мной!

— Слушай, эта ломанная ручка — твоя? Подари мнѣ ее! И трамвайные билеты заодно подари. Зачѣмъ тебѣ сохранять трамвайные билеты?

Костя Гарцевъ кочуетъ, какъ цыганъ, по классу и выклянчиваетъ всякую ненужную дрянь у того или другого товарища.

У него оба кармана набиты доверху самыми разнообразными вещами: тутъ и старыя поломанныя перья, и испорченный ножикъ, и грязныя марки, и засаленныя картинки, и обгрызки карандашей.

Костя, какъ скупецъ, прячетъ и бережетъ свои сокровища. Если открыть ящикъ его стола, тамъ можно съ успѣхомъ увидѣть всякую ненужную ветошь, начиная съ цѣлой коллекціи старыхъ вставочекъ и кончая всевозможными коробочками и даже... стоптаннымъ каблукомъ.

Товарищи не любятъ за это Костю и называютъ его «скопидомомъ». Но Костѣ мало дѣла до этого. Лишь бы не отказывались давать все то, что можетъ получить отъ нихъ онъ—Костя. И онъ озабоченно протискивается между партами, рыженькій, сгорбленный, подслѣповатый, и лепечетъ тихонько:

— Дай то, подари другое, пожалуйста, подари.

— Цыганъ! Скопидомъ! Попрошайка! — ворчатъ мальчики.—И не стыдно тебѣ канючить!

— Не стыдно,—отвѣчаетъ Костя и усиленно моргаетъ своими подслѣповатыми глазами.—Когда я наберу цѣлый возъ всякаго старья, то отошлю въ Китай и мнѣ пришлютъ оттуда живого мальчика-китайца! Да, живого маленькаго китайца!

Эффектъ вышелъ неожиданный на этотъ разъ. Поразительный эффектъ! Маленькій живой китаецъ! Съ этимъ, какъ-никакъ, а надо считаться! А Костя продолжаетъ, замѣтивъ произведенное его словами впечатлѣніе:

— И онъ будетъ носить каждый день мой ранецъ и провожать меня въ гимназію!—говоритъ Костя и тутъ же вдохновенно прибавляетъ съ разгорѣвшимися глазами:—Онъ будетъ одѣтъ въ длинный шелковый костюмъ, и у него будетъ коса до пятокъ, длиннѣйшая. Интересно—страсть! Всѣ смотрѣть будутъ.

Дѣйствительно интересно! Живой китаецъ! Вотъ такъ штука!

И живо заинтересованный «штукой», весь классъ теперь рѣшаетъ помогать Костѣ копить его сокровища. Каждому лестно имѣть въ своемъ кругу това-

рища, у котораго есть настоящій живой маленькій китаецъ, съ косою до пятъ, да еще въ шелковомъ платьѣ.

И всѣ тащатъ въ ящикъ Гарцева кто что можетъ: перья, карандаши, коробки, марки, трамвайные билеты, бумагу, камни, картинки, мелкіе обломки всякихъ вещей и игрушекъ.

Ивась Янко превзошелъ всѣхъ, рѣшительно всѣхъ. Придя какъ-то утромъ первымъ въ гимназію, онъ притащилъ съ собою коробку отъ сардинокъ, не вполнѣ вымытую вдобавокъ, и цѣлый остовъ съѣденнаго жаренаго гуся и то, и другое положилъ въ ящикъ Костѣ. И отъ гуся, и отъ коробки получился такой ароматъ, что дѣдушка, Корнилъ Демьяновичъ, вошедшій въ классъ за мальчиками, чтобы вести ихъ на молитву, повелъ носомъ и съ гримасой отвращенія на лицѣ спросилъ:

— Что это, крыса что ли мертвая гніетъ подъ поломъ, что такъ пахнетъ?

И тутъ же пошелъ наводить справки, что бы это могло быть. У парты Кости Гарцева рѣзкій запахъ точно по носу ударилъ воспитателя.

— Какой ужасъ!—произнесъ Корнилъ Демьяновичъ и приподнялъ крышку.

Остатки гуся, начавшіе уже портиться (гуся жарили въ домѣ Янко дней пять тому назадъ), и жестянка изъ-подъ сардинокъ издавали самый ужасный запахъ.

Сконфуженный, красный до корней волосъ, Костя смущенно заявляетъ дѣдушкѣ, что все это—и гусь, и жестянка, и самый запахъ—ничего особеннаго изъ себя

не представляетъ. Надо только потерпѣть ихъ немножко, потому что иначе ни за что не получить живого мальчика изъ Китая.

— Что такое? Какой живой мальчикъ? Что за глупости!—окончательно выходитъ изъ себя дѣдушка послѣ словъ Кости.—Что за чушь? Какой тамъ китаецъ? Не китаецъ, а шалости у тебя на умѣ.

Тогда выступаютъ Янко и Калмыкъ, чтобы поддержать смущеннаго Костю. Янко заявляетъ, что гуся или, вѣрнѣе, скелетъ гуся и жестянку подарилъ Костѣ онъ самъ и что виноватъ поэтому онъ одинъ, только одинъ Янко. А Калмыкъ прибавляетъ, въ свою очередь, что вѣроятно Корнилъ Демьяновичъ не знаетъ, что дѣлается на свѣтѣ, если онъ никогда не слышалъ, какъ китайцы разсылаютъ за подобныя собранныя для нихъ рѣдкія штучки своихъ собственныхъ дѣтей.

Калмыкъ говоритъ дерзко, какъ не подобаетъ говорить маленькому гимназисту съ его воспитателемъ. Калмыкъ никакъ не можетъ забыть, какъ недѣлю тому назадъ онъ шествовалъ въ видѣ церемоніймейстера, благодаря Корнилу Демьяновичу, на молитву впереди класса, и всячески старается досадить за это старику.

Но дѣдушка сегодня какой-то особенно разсѣянный и блѣдный... Онъ точно не замѣчаетъ выходки Калмыка и усталымъ голосомъ приказываетъ выбросить въ помойное ведро и гуся, и коробку. Потомъ въ трехъ словахъ наскоро поясняетъ дѣтямъ, что никакихъ китайскихъ дѣтей не мѣняютъ ихъ родители на всякій мусоръ и не высылаютъ ихъ въ Россію, какъ товаръ, и спѣшитъ съ мальчиками въ залъ на молитву.

ГЛАВА XX.

ФРАНТИКЪ не придетъ. Исторіи не будетъ.

— Далъ инспектору телеграмму: «упалъ, молъ, въ ровъ—лежу нездоровъ».

— Нѣтъ, просто улетѣлъ въ небо на воздушномъ шарѣ и оттуда прислалъ записку съ посыльнымъ:— «Мысленно ставлю Янко, Подгурину и Бурьянову по картошкѣ, ибо чувствую изъ своего прекраснаго далека, что названные оболтусы ни въ зубъ толкнуть сегодняшняго урока».

Самые отъявленные шалуны, Янко, Подгуринъ и Калмыкъ, знаютъ, чѣмъ разсмѣшить классъ, острятъ немилосердно.

Мальчики хохочутъ, прыгаютъ, бѣсятся, шалятъ, кто во что гораздъ, какъ говорится.

Послѣдняя фраза Янко заставляетъ всѣхъ хохотать до упаду.

Сегодня весело. Сегодня счастливый день. Во-первыхъ, учитель исторіи, строгій и требовательный съ учениками, прозванный Франтикомъ за свой новешень-

кій костюмъ, пестрые галстуки и бѣлый жилетъ, не пришелъ на урокъ; во-вторыхъ,—Корнилъ Демьяновичъ, озабоченный чѣмъ-то, сидитъ на каѳедрѣ въ глубокой задумчивости, низко опустивъ голову къ столу, и либо дремлетъ, либо задумается такъ глубоко, что точно не видитъ и не слышитъ всего того, что дѣлается кругомъ.

Что съ нимъ сегодня? Онъ такой сонный, усталый на видъ, точно не спалъ всю ночь напролетъ или боленъ. Да что съ нимъ?

Калмыкъ, усѣвшійся на первой скамейкѣ на мѣстѣ Счастливчика, который играетъ въ перышки съ Янко «въ раю», то-есть на послѣдней партѣ въ углу, не сводитъ глазъ съ дѣдушки.

«Вотъ бы продѣлать съ нимъ штучку, разыграть бы на славу нашего Корнюшу»,—мечтаетъ Калмыкъ, и его, безъ того маленькіе, монгольскіе глазки суживаются еще больше и превращаются въ едва видимыя щелочки, которыя такъ и блестятъ лукавствомъ и задоромъ.

Съ минуту Калмыкъ подробно разглядываетъ дѣдушку. Старикъ, какъ кажется, борется съ дремотой. Его сѣдая голова склоняется къ столу все ниже и ниже, длинный тонкій носъ, со съѣхавшими на кончикъ его очками, почти касается клеенчатой доски стола...

Еще минута и дѣдушка уснетъ на виду у всего класса.

Быстрая, какъ молнія, шаловливая мысль мелькаетъ въ изобрѣтательной головѣ Миши Бурьянова. Миша встаетъ, машетъ классу руками, чтобы маль-

чики стихли и, когда желанная тишина воцаряется въ комнатѣ, отчаянно шепчетъ:

— Глядите, братцы, въ оба! То-то будетъ потѣха.

Глаза Калмыка, маленькіе, быстрые, горятъ, какъ два уголька, въ своихъ щелкахъ. Скуластое лицо пляшетъ отъ смѣха. Онъ быстро хватаетъ бутылку съ чернилами, находящуюся на чьемъ-то столѣ, и крадется безшумно и ловко къ каѳедрѣ.

Дѣдушка теперь уже не дремлетъ, а спитъ. Длинный носъ со съѣхавшими очками и сѣдая голова его склоняются все ниже и ниже...

Въ классѣ тишина. Всѣ мальчики до единаго впиваются глазами въ Мишу. Калмыкъ на цыпочкахъ подкрадывается къ каѳедрѣ, вынимаетъ пробку изъ бутылки и... безшумно, но быстро и ловко выливаетъ изъ нея все содержимое на обитый клеенкой столъ каѳедры, какъ разъ на то мѣсто, куда направленъ кончикъ носа уснувшаго воспитателя.

Потомъ съ тою же безшумной поспѣшностью возвращается на мѣсто и, подавивъ въ себѣ приступъ бѣшенаго смѣха, ждетъ что будетъ. Мальчики фыркаютъ сдержанно и тихо то въ этомъ, то въ томъ концѣ класса.

Хотя «дѣдушка» и добрый, и милый старикъ, но кто же откажется отъ удовольствія посмотрѣть такую забавную продѣлку?

А продѣлка презабавная—въ этомъ и усумниться даже нельзя. Голова дѣдушки все ниже и ниже склоняется къ столу, къ злополучной чернильной лужѣ. И вотъ кончикъ длиннаго тонкаго воспитательскаго носа

безмятежно купается въ ней... Получается такое впечатлѣніе, точно носъ дѣдушки пьетъ чернила.

Это такъ нелѣпо и смѣшно, что мальчики не выдерживаютъ и прыскаютъ на весь классъ.

— Ха, ха, ха!—несется по классу бѣшеный хохотъ.

— А, что? Гдѣ я? А? — какъ встрепанный вскакиваетъ со стула воспитатель, сразу пришедшій въ себя отъ этого смѣха.

Но прежде, нежели вскочить съ просонокъ, онъ все еще попадаетъ носомъ и подбородкомъ въ чернильную лужу и...

Боже, что за лицо!

Клякса на носу, клякса на бородѣ, двѣ кляксы на щекахъ и одна надъ глазами. Видъ самый необычайный и, нужно правду сказать, пресмѣшной.

Калмыкъ визжитъ отъ восторга и валится на скамейку. Янко не смѣется, а просто-напросто ржетъ, какъ молодой разыгравшійся жеребенокъ. Подгуринъ рыдаетъ отъ смѣха. Даже Ваня Курнышовъ, благоразумный Помидоръ Ивановичъ, и тотъ сдержанно смѣется. У Счастливчика глаза такъ и прыгаютъ, а губы пляшутъ. По блѣдному кроткому личику Голубина и то проскользаетъ застѣнчивая улыбка. Всѣмъ смѣшно.

Корнилъ Демьяновичъ не можетъ никакъ понять въ первую минуту, почему смѣются мальчики, почему такъ шумно въ классѣ. Его высоко приподнятыя брови и удивленный видъ, въ соединеніи со всѣми этими кляксами на лицѣ, вызываютъ новый изступленный взрывъ смѣха.

Тогда старый воспитатель бросаетъ взглядъ на каѳедру и замѣчаетъ лужу. Теперь ему все понятно, все! Лицо его багровѣетъ, жилы вздуваются на лбу, губы трясутся.

— Это нечестно смѣяться надъ старостью,—говоритъ онъ голосомъ, заставляющимъ сразу смолкнуть весь этотъ хохотъ,—нечестно и грѣшно! Я виноватъ, что уснулъ, задремалъ въ классѣ. Но если бы вы знали, что пять ночей я, не смыкая глазъ, дежурилъ у больного внука, вамъ бы и въ голову не пришла эта нелѣпая мысль такъ подшутить надъ уставшимъ, измученнымъ старикомъ. У меня нѣтъ прислуги, нѣтъ никого, кто бы мнѣ помогъ ухаживать за ребенкомъ! И вотъ день я маюсь здѣсь съ вами, чтобы по возвращеніи изъ гимназіи весь вечеръ и всю ночь до утра ходить за больнымъ мальчикомъ. Стыдитесь, я знаю, кто сдѣлалъ это...

Корнилъ Демьяновичъ хотѣлъ прибавить что-то, но тутъ взглядъ его упалъ внезапно на растворившуюся дверь класса, и онъ смущенно замолкъ на полусловѣ.

На порогѣ класса стоялъ инспекторъ.

ГЛАВА XXI.

— ЧТО такое, что съ вами?

Голосъ инспектора, Павла Дмитріевича Огнева, тревоженъ и неспокоенъ. Онъ съ испугомъ и недоумѣніемъ взглядывается въ это, все въ красныхъ и черныхъ пятнахъ, взволнованное старческое лицо Корнила Демьяновича.

— Ничего... ничего... Это случайность... Внукъ боленъ... въ тифу... пять ночей не спалъ у его постельки и вотъ вздремнулъ сейчасъ... забылся настолько, что толкнулъ чернильницу, разлилъ и вотъ...—смущенно лепечетъ дѣдушка, стараясь наугадъ стереть черныя пятна съ лица носовымъ платкомъ, вынутымъ изъ кармана.

Мальчики, блѣдные, перепуганные на-смерть, облегченно вздыхаютъ...

— Не выдалъ! Не наябедничалъ! О, милый, добрый, великодушный дѣдушка! О, чуткій, сердечный, чудный Корнилъ Демьяновичъ!

Жгучій стыдъ охватываетъ мгновенно всѣ эти

смущенныя, взволнованныя маленькія сердца... Ахъ, зачѣмъ они были всѣ такіе злые! У него боленъ внукъ! Онъ не спалъ ночи, а они смѣялись!.. Смѣялись надъ его несчастіемъ!..

Инспекторъ тоже смущенъ не меньше. Ему безконечно жаль этого добраго старика, который, какъ солдатъ на своемъ посту, не оставляетъ долга службы даже въ такія трудныя минуты жизни... И въ запятнанномъ чернилами лицѣ Корнила Демьяновича инспекторъ не находитъ ничего смѣшного.

— Ступайте домой, другъ мой, ступайте къ больному внуку скорѣе,—говоритъ онъ, съ тѣмъ же озабоченнымъ видомъ пожимая руку воспитателя,—а мы здѣсь, я и классный наставникъ, какъ-нибудь справимся безъ васъ!

Корнилъ Демьяновичъ колеблется съ минуту, потомъ рѣшительно встряхиваетъ своей сѣдой, какъ лунь, головою и смущенно лепечетъ:

— Да, да... благодарю васъ... Мой Коля одинъ... одинъ на рукахъ квартирной хозяйки... Какъ она за нимъ смотритъ—Богъ знаетъ... Ужъ я, значитъ, пойду... Спасибо... Спасибо...

И крѣпко пожавъ руку инспектора, дѣдушка вышелъ изъ класса, не удостоивъ растерянныхъ и смущенныхъ мальчиковъ ни единымъ взглядомъ.

* *
*

— Господи Ты Боже мой, какіе мы поросята!

— Нѣтъ, хуже поросятъ! Мы злые, гадкіе, скверные людишки!

— Безсовѣстные мы!

— Конечно, безсовѣстные! Смѣялись надъ бѣднымъ дѣдушкой, у котораго лежитъ въ тифу любимый внучекъ-сирота!

— И за которымъ вдобавокъ цѣлыя ночи напролетъ приходится ухаживать ему самому.

— А все Калмыкъ! Все онъ и его штучки!

— Неправда! Всѣ мы хороши тоже! Ржали на весь классъ и никому въ голову не пришло остановить Бурьянова!—послышался голосъ Янко, и маленькій соколъ пулей взлетѣлъ на каѳедру.

— Братцы! Слушайте!—закричалъ онъ громко.— Мы, дѣйствительно, изрядные поросята. Сдѣлали непростительную гадость дѣдушкѣ, а онъ... онъ чѣмъ намъ отплатилъ? Что онъ—пошелъ «ябедничать», что-ли? Что онъ—инспектору сказалъ? Слышали? Нѣтъ, это не такой человѣкъ! Онъ ангелъ, а не человѣкъ, а съ этого дня я предлагаю вести себя у него такъ, чтобы ни одного замѣчанія, ни-ни... И слушаться дѣдушку по первому слову, вотъ что я предлагаю, господа!

Горячіе синіе глаза Янко сверкали, какъ звѣзды, а милое личико мальчика пылало жаркимъ румянцемъ.

— Да, да!—подхватили всѣ остальные, окружая каѳедру и во всѣ глаза глядя на красавчика Янко.— Ивась правъ... Мы должны искупить нашу вину передъ дѣдушкой во что бы то ни стало! Искупить! Конечно!

— А я еще предложу вамъ кое-что, братцы!

И съ этими словами сильная коренастая фигура маленькаго богатыря, Вани Курнышова, не безъ уси-

лій протискивается сквозь толпу и водворяется на каѳедрѣ.

— Я вамъ еще кое-что предложу, братцы...—слышится его громкій, звучный голосокъ.

Если у Янко красныя щеки въ эту минуту, то у Помидора Ивановича онѣ багровыя отъ волненія, а глаза такъ и искрятся, такъ и горятъ на его малиновомъ лицѣ.

— Я предлагаю слѣдующее, — вопитъ Помидоръ Ивановичъ, обводя весь классъ своими сверкающими глазами.—Урока пѣнія не будетъ. Нашъ Соловей (такъ прозвали гимназисты учителя пѣнія) сегодня не придетъ. Я это узналъ случайно отъ старшеклассниковъ. Стало быть уроки кончатся часомъ раньше. Времени терять нечего—катимъ, братцы, къ дѣдушкѣ на домъ въ пустой урокъ. Принесемъ наше чистосердечное раскаяніе: «такъ молъ и такъ, простите великодушно, Корнилъ Демьяновичъ; чѣмъ мы виноваты, что уродились такіе поросята». Это всѣмъ классомъ! Гуртомъ вѣдь дешевле... А потомъ... потомъ желающіе могутъ остаться у дѣдушки и помогать ему ухаживать за его Колей. Пускай смѣняются, какъ на дежурствѣ, а дѣдушка въ это время выспится и отдохнетъ... Ну, а теперь пусть тотъ, кто находитъ, что я сказалъ чушь и глупость, пусть попотчуетъ меня «безъ права дать сдачу»! — неожиданно заключилъ свою рѣчь веселой шуткой милый мальчикъ.

Но ни у кого не поднялась рука даже и шутя «попотчевать» находчиваго Ваню. Напротивъ—двадцать девять паръ глазъ смотрѣли теперь съ нескры-

ваемымъ восторгомъ прямо въ ротъ общему любимцу. Двадцать девять паръ ушей жадно ловили каждое его слово.

И едва онъ кончилъ, какъ веселый гомонъ пронесся по классу:

— Браво! Ловко придумалъ!—кричали мальчики и хлопали въ ладоши.—Молодчинище Курнышовъ, башковатый парень! Ай да Ванюша! Ай да Помидоръ Ивановичъ! Ура! Ура!

И десятки рукъ потянулись къ нему.

ГЛАВА XXII.

ВНИЗУ у швейцара, въ гимназической раздѣвальнѣ, записаны адреса гимназистовъ, воспитателей, классныхъ наставниковъ и учителей.

Дѣдушка Корнилъ Демьяновичъ Веришковъ живетъ очень далеко—въ Галерной Гавани. Отъ Невскаго до Галерной Гавани далеко и пѣшкомъ едва-ли дойти. Туда ходитъ трамвай. Но на трамвай у нихъ, мальчугановъ, нѣтъ денегъ. Нельзя же тридцати мальчикамъ ѣхать на двадцать копеекъ, которыя нашлись въ карманѣ Счастливчика, да и то случайно. Отъ Невскаго до Гавани надо за каждаго по гривеннику заплатить... Сумма не малая, а всего со всѣхъ вмѣстѣ приходится значитъ 3 рубля, ни больше, ни меньше. А три рубля—это цѣлое богатство. Три рубля на полу не поднимаешь, и вотъ почему послѣ долгаго разсужденія Янко предлагаетъ отправиться «по образу пѣшаго хожденія» въ Галерную Гавань на «собственныхъ рысакахъ». Помидоръ Ивановичъ съ неунывающимъ видомъ поддерживаетъ его.—Валяй, братцы,

каждый на своей парѣ!—кричитъ онъ весело.—Надежные кони, что и говорить!..

— Стройся, братцы, въ пары и маршъ маршемъ впередъ, какъ солдаты, разъ, два, разъ, два!—перекрикиваетъ его длинный Подгуринъ. Итакъ, рѣшено... И къ чему трамвай, когда собственныя ноги служатъ отлично.

Съ шумомъ и смѣхомъ мальчики выстраиваются въ пары. Теперь уже окончательно рѣшено идти въ Галерную Гавань пѣшкомъ.

— Часъ туда, часъ обратно, да часъ для извиненія, всего три часа! Засвѣтло успѣемъ вернуться, кромѣ тѣхъ, кого оставитъ себѣ на помощь Корнилъ Демьяновичъ,—соображаетъ Ося Подгуринъ съ озабоченнымъ дѣловитымъ лицомъ.

— Я останусь,—рѣшительно заявляетъ Калмыкъ,—я споросятничалъ, я и расхлебывать стану, всю ноченьку продежурю у больного. Всю до утра. Это ужъ рѣшено.

— И я!

— И я!

— И я!

— И я!—отзываются взволнованные безпокойные голоса его товарищей.

Сердце Счастливчика екаетъ. Мальчикъ смущенъ. Черезъ часъ пріѣдетъ за нимъ въ гимназію monsieur Diro и не найдетъ тамъ своего Киру.

Часъ пройдетъ—его нѣтъ, два—тоже нѣтъ. Только черезъ три часа явится домой Счастливчикъ. Что подумаютъ бабушка, Ляля, няня, Ами, всѣ въ домѣ? Под-

нимется переполохъ... Но не идти нельзя. Отстать отъ товарищей—развѣ можно! И потомъ, развѣ онъ, Счастливчикъ, не чувствуетъ себя виновнымъ передъ дѣдушкой, какъ и другіе? Развѣ онъ не смѣялся со всѣми надъ его вымазаннымъ въ чернила лицомъ? Ну, конечно смѣялся. Значитъ надо идти. Къ тому же, это такъ весело идти всѣмъ классомъ, выстроившись въ двѣ шеренги, растянувшись лентой по тротуару.

Помидоръ Ивановичъ за старшаго идетъ впереди и командуетъ: «Лѣвой—правой! Маршъ! Разъ, два, разъ, два!»

Ѣдетъ какая-то дама съ дочерью въ санкахъ. Янко выбѣгаетъ изъ паръ, становится сбоку и, скосивъ на даму съ дѣвочкой глаза, кричитъ задорно, поблескивая веселымъ взглядомъ:

— Гляди налѣво! Равняйся! Смирно!—и, сдѣлавъ паузу, вытягивается во фронтъ, выпучиваетъ глаза и, сдѣлавъ подъ козырекъ, выпаливаетъ какъ изъ пушки:

— Здравія желаю, ваше благородіе!

Это очень забавно и смѣшно. Дама съ дѣвочкой на извозчикѣ смѣются. Хохочутъ и мальчики. Ужъ этотъ Янко!

Какая-то маленькая сгорбленная старушка при видѣ столькихъ гимназистовъ останавливается, смотритъ на нихъ и спрашиваетъ съ любопытствомъ:

— Куда это васъ, маленькихъ, Богъ несетъ? Музей што-ли осматривать идете?

— На край свѣта, бабушка! На край свѣта!—въ тонъ старушкѣ отвѣчаетъ Верста.

— Туда, гдѣ небо сходится съ землею!—вторитъ ему Янко.

— Въ страну, гдѣ молочныя рѣки и кисельные берега!—заканчиваетъ Калмыкъ.

Старушка тоже смѣется.

— Ишь, какіе проказники!—говоритъ она.

— Ваша правда, сударыня! — самымъ искреннимъ тономъ соглашается Янко и расшаркивается передъ старушкой, точно заправскій кавалеръ на паркетѣ.

Незамѣтно между шутками и смѣхомъ проходитъ длинный путь. Но чѣмъ ближе къ Гавани, тѣмъ тише, смущеннѣе становятся дѣти... Шутокъ не слышится больше, смѣхъ смолкаетъ.

— Что-то скажетъ дѣдушка! А вдругъ выгонитъ, не захочетъ слушать!—тревожно выстукиваетъ каждое дѣтское сердечко...

ГЛАВА XXIII.

— КРИВАЯ улица, домъ № 4. Здѣсь. Стопъ, ребята. Полегонечку входи въ калитку.

Помидоръ Ивановичъ старается говорить твердо, но лицо у него неспокойное, встревоженное, однимъ словомъ, смущенное лицо.

За нимъ и у всѣхъ двадцати девяти мальчиковъ лица вытягиваются на четверть аршина. Глаза испуганно бѣгаютъ по сторонамъ.

Передъ гимназистами маленькій ветхій домикъ, окруженный садомъ, похожій на избушку, и покосившееся крылечко. Дверь чуть пріоткрыта въ сѣни. Въ окно, на половину замерзшее, глядитъ чье-то незнакомое женское лицо въ платочкѣ. Глядитъ съ минуту очень удивленно, потомъ скрывается и на порогѣ показывается пожилая женщина въ тепломъ платкѣ.

— Вамъ кого? И что это васъ такъ много?—спрашиваетъ женщина, подозрительно поглядывая на гимназистовъ.

— Намъ Корнила Демьяновича. На минутку. Будьте

любезны вызвать его къ намъ,—самымъ умильнымъ тономъ произноситъ Янко, выступая впередъ.

Этотъ умильный тонъ, васильковые глаза и все красивое личико Ивася дѣлаютъ свое дѣло. Старушка въ платкѣ киваетъ.

— Да вы не больного ли Коленьку навѣстить пришли?—смягчившись, спрашиваетъ она.

Тридцать голосовъ хоромъ подтверждаютъ ея предположеніе.

— Коленькѣ лучше сегодня! Въ первый разъ лучше за всю недѣлю. Я сейчасъ Корнила Демьяновича кликну,—поспѣшно говоритъ она и исчезаетъ за дверью.

Шестьдесятъ глазъ впиваются по направленію сѣней. Тридцать сердечекъ колотятся въ груди шибко, шибко... А что, если...

Но размышлять о томъ, что можетъ случиться, поздно.

На порогѣ сѣней стоитъ Корнилъ Демьяновичъ.

— Войдите въ сѣни, войдите, холодно на дворѣ. Въ комнату не зову. У Коли брюшной тифъ. Хоть не заразительно, какъ увѣрялъ докторъ, а все же... Здѣсь въ сѣняхъ печка, обогрѣетесь по крайней мѣрѣ,— говоритъ Корнилъ Демьяновичъ, ласково похлопывая стоявшихъ ближе къ нему мальчиковъ по плечу.

Что-то щекочетъ въ горлахъ маленькихъ гимназистиковъ. Что-то, непрошенное, влажное, набѣгаетъ на глаза.

— «Господи! какъ онъ можетъ говорить такъ съ нами, злыми, негодными! Какъ онъ могъ забыть такъ

скоро!»—тревожно то бьется, то замираетъ каждое взволнованное сердечко...

Вдругъ чье-то громкое рыданіе прорывается наружу. Маленькій блѣдный взволнованный Голубинъ бросается къ дѣдушкѣ и лепечетъ, всхлипывая и прижимаясь къ его груди.

— Простите насъ всѣхъ... всѣхъ простите... Мы пришли... всѣ пришли... просить... простить... забыть... пожалуйста... глупые мы всѣ... дурные... смѣялись... а вы добрый... добрый...

— Ангелъ вы! — высокими нотками помимо его собственной воли вырывается изъ груди Калмыка, и Миша Бурьяновъ въ свою очередь бросается къ старику.—Вы ангелъ,—кричитъ онъ нервно съ рвущимися въ голосѣ слезами,—а я поросенокъ! Да, поросенокъ, потому что это вѣдь я! нарочно... я... Прибить меня мало за это! Ахъ, прибейте меня!

И, неожиданно выпаливъ эту фразу, Бурьяновъ съ залитымъ краской смущенія лицомъ приникаетъ губами къ рукѣ дѣдушки.

Старый воспитатель смущенъ, потрясенъ, взволнованъ не меньше мальчиковъ.

«О, эти мальчики! Золотыя у нихъ сердца! Взбалмошныя, шаловливыя, проказливыя головки, а сердечки—чистыя росы въ сердцевинкахъ цвѣтовъ»,—невольно думаетъ старый воспитатель и кладетъ на кудлатую головку Калмыка свою старчески-сморщенную руку.

Мальчики притихли. Въ сѣняхъ—тишина. Только дрова весело потрескиваютъ въ печкѣ.

И вотъ выступаетъ Помидоръ Ивановичъ и, срываясь отъ волненія на каждомъ словѣ, говоритъ:

— Мы пришли, во-первыхъ, за прощеньемъ, а потомъ... съ просьбою: оставьте двухъ, трехъ изъ насъ, хоть меня, Янко и Калмыка... Мы самые здоровые и крѣпкіе... Оставьте насъ у Коленьки вашего... дежурить на ночь... и сейчасъ вечеромъ... А вы отоспитесь... отдохните... и Ей Богу же мы рады послужить вамъ, Корнилъ Демьяновичъ...

Мальчикъ высказался и умолкъ. Молчали и другіе. И старый воспитатель молчалъ. По лицу его текли слезы. Слезы радости, счастія, гордости за дѣтей.

Такъ вотъ они зачѣмъ пришли, эти милые взбалмошные мальчуганы!

Сердце Корнила Демьяновича залила какая-то волна, теплая, нѣжная, мягкая, какъ бархатъ.

Глаза, полные слезъ, обѣгали всѣ эти милыя взволнованныя личики, обращенныя къ нему съ такимъ свѣтлымъ выраженіемъ раскаянія, преданности, ласки... И сердце дѣдушки таяло отъ нѣжности и любви.

— О,—шепчетъ дѣдушка, протягивая впередъ руки,— милые вы мои, хорошіе вы мои!.. Славные мальчуганы!..

Но услугъ «славныхъ мальчугановъ» Корнилъ Демьяновичъ все же не можетъ принять. Колѣ теперь лучше: дѣло идетъ на поправку. Опасность прошла. Къ тому же, инспекторъ позволилъ Корнилу Демьяновичу не являться на службу, пока боленъ мальчикъ. Значитъ днемъ, пока у маленькаго больного сидитъ хозяйка (женщина въ платкѣ, которой и принадлежитъ крошечный домикъ), онъ можетъ выспаться и отдохнуть на славу.

Теперь Корнилъ Демьяновичъ говоритъ бодро, весело. Старый воспитатель счастливъ. Его мальчики—его милыя дѣти обрадовали его, утѣшили. Онъ ихъ понялъ, понялъ ихъ золотыя сердца.

И онъ прощается трогательно, ласково съ дѣтьми. Ему надо къ Колѣ, который шевелится тамъ въ ихъ единственной комнаткѣ, за плотно запертой дверью.

Мальчики высказываютъ тысячу горячихъ пожеланій дѣдушкѣ и внуку. А затѣмъ притихшая ватага осторожно, стараясь не стучать и не безпокоить больного Колю, трогается въ обратный путь.

По дорогѣ—непредвидѣнный случай съ маленькимъ Голубинымъ. Аля Голубинъ такъ усталъ, что буквально едва волочитъ ноги. Рѣшено посадить Алю на трамвай, благо Счастливчикъ великодушно предлагаетъ свои двадцать копѣекъ.

Аля, блѣдный, несмотря на морозъ, измученный, слабенькій, послѣ долгихъ отнѣкиваній соглашается, садится на трамвай и уѣзжаетъ.

А всѣ остальные двадцать девять мальчиковъ, уже далеко не съ прежней веселостью, но съ удвоенной энергіей шагаютъ по пустыннымъ улицамъ...

ГЛАВА XXIV.

— ДЗИНЬ! Дзинь! Дзинь! Дзинь!

И еще разъ, но уже безостановочно однимъ сплошнымъ звукомъ поетъ колокольчикъ.

— Дзззззньньнь! Дзззззззыннннь!

— Батюшки мои! Да это нашъ маленькій баринъ!

— Господи! Царица Небесная! Кирушка вернулся!

— Счастливчикъ! Милый! Родной! Ненаглядный Счастливчикъ!

— Гдѣ онъ! Гдѣ онъ! Дайте мнѣ его сюда! Сюда!

Цѣлый градъ возгласовъ испуга, радости, восторга, недоумѣнія. Цѣлый градъ упрековъ и поцѣлуевъ сыплется на Киру: гдѣ онъ былъ, Счастливчикъ, отчего такъ поздно? Ѣздили въ гимназію—тамъ нѣтъ, бѣгали, искали по всему городу—тоже нѣтъ. Даже въ полицію заявлять хотѣли. Право, даже въ полицію. Гдѣ онъ былъ? Гдѣ онъ былъ до сихъ поръ? Бабушка, няня, monsieur Диро, Ляля, Симочка, Аврора Васильевна, Францъ—всѣ толпятся вокругъ Счастливчика, глядятъ на него огромными отъ радости и испуга глазами,

ощупываютъ его, точно сомнѣваясь, онъ ли это и желая убѣдиться, что это онъ самъ, собственной персоной, самъ маленькій Кира Раевъ, Счастливчикъ.

Да, это, внѣ всякаго сомнѣнія, онъ самъ!

У бабушки и Ляли лица—бѣлѣе мѣла, а вѣки красныя и слезы на глазахъ.

Онѣ должно быть плакали. И сейчасъ вотъ-вотъ заплачутъ обѣ.

Въ дверь изъ гостиной въ столовую виденъ накрытый къ обѣду столъ. Чистыя тарелки, нетронутыя салфетки. Какъ?! Неужели еще не обѣдали, но вѣдь уже скоро шесть.

Сердце Счастливчика тревожно бьется. Ему жаль бабушку и Лялю, жаль, что онѣ плакали, жаль, что всѣ голодные изъ-за него. И онъ тревожно и сбивчиво начинаетъ пояснять причину своего отсутствія: какъ они «разыграли» дѣдушку, какъ отправились въ Галерную Гавань, въ домикъ, гдѣ больной Коля въ тифу, и прочее, и прочее, словомъ — все, какъ было. На лицахъ окружающихъ ужасъ.

Слово «тифъ» производитъ неописуемое дѣйствіе.

— Ребенокъ въ тифу!.. Онъ былъ тамъ, гдѣ лежитъ больной тифозный ребенокъ!—вскрикиваетъ бабушка.—Боже мой! Онъ заразился! Онъ навѣрное заразился! Дитя мое! Какъ это не осторожно, милое дитя!.. Обтереть его всего одеколономъ, дать ему хины, вина, валерьяновыхъ капель, уложить въ постель, укутать хорошенько! Провѣтрить все платье маленькаго барина! И доктора надо, непремѣнно док-

тора надо позвать!—трепещущимъ голосомъ приказываетъ бабушка.

Нѣсколько секундъ длится пауза, точно тифъ уже здѣсь налицо, точно Счастливчикъ приговоренъ уже къ смерти, точно сейчасъ рѣшается вопросъ—жить ему или умереть.

И вдругъ нѣжный голосокъ Ляли звенитъ:

— Но какъ онъ попалъ домой изъ Галерной Гавани! Вѣдь это гдѣ-то чуть-ли не на краю свѣта, а денегъ у него не было съ собой!—тревожно вслухъ разсуждаетъ дѣвочка.

— Да, да! Какъ ты попалъ домой?—подхватываютъ испуганно бабушка, няня, Аврора Васильевна, Симочка и monsieur Диро.

Счастливчикъ точно мгновенно вырастаетъ на цѣлую голову. Онъ начинаетъ чувствовать себя въ положеніи маленькаго героя. Его хорошенькая головка приподнимается съ замѣтной гордостью, и онъ, тономъ настоящаго маленькаго мужчины, заявляетъ во всеуслышаніе:

— Пѣшкомъ! Я шелъ туда и обратно пѣшкомъ!

— Ахъ!—не то вздохъ, не то вопль отчаянія срывается съ устъ присутствующихъ.

Возможно-ли! Онъ, крошка, маленькій Счастливчикъ, человѣкъ-куколка, чуть-ли не десять верстъ сдѣлалъ пѣшкомъ!

Бабушкѣ положительно едва не дѣлается дурно, голова кружится, въ ушахъ звенитъ.

— И одинъ! Онъ пришелъ одинъ оттуда!—лепечетъ бабушка, и слезы градомъ льются изъ ея глазъ.

Счастливчикъ самъ готовъ разрыдаться, такъ ему жалко бабушку. Онъ бросается къ ней, хватаетъ ея руки, цѣлуетъ ихъ и шепчетъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, бабушка, не одинъ, милая, не плачь, не плачь!... Я со всѣмъ классомъ шелъ туда и обратно, а потомъ... потомъ до дому меня довелъ вотъ онъ, Помидоръ Ивановичъ,—и онъ указываетъ рукой на дальній уголъ прихожей.

Въ углу стоитъ мальчикъ, плотный, неуклюжій, съ румяными, толстыми щеками и открытымъ, смѣлымъ лицомъ.

— Это вы привели нашего Киру?—бросается къ нему, насколько ей только позволяютъ быстро ея костыли, Ляля.

— Да нѣшто онъ слѣпенькій, чтобы его водить? Скажете тоже! Самъ пришелъ!—отвѣчаетъ Ваня Курнышовъ, который по усиленнымъ просьбамъ Счастливчика зашелъ къ нему въ гости.

— Вы, вы привели! Знаю! Знаю! О, какой вы славный, хорошій мальчикъ!—шепчетъ Ляля и, внезапно наклонившись къ Помидору Ивановичу, звонко чмокаетъ его въ щеку.

Ваня Курнышовъ смущается едва-ли не въ первый разъ въ жизни. Онъ терпѣть не можетъ «лизаться», да еще вдобавокъ съ дѣвчонкой. «Дѣвчонки», по мнѣнію Вани, нѣчто среднее между куклой и магазиномъ модныхъ вещей. Терпѣть онъ, Ваня, не можетъ «дѣвчонокъ». Что отъ нихъ можно ожидать хорошаго?.. Ни побороться съ ними, ни въ лапту, ни въ городки поиграть... А между тѣмъ, печальные темные глаза,

умное, задумчивое личико и костыли (главное костыли) имѣютъ свое неожиданное дѣйствіе на Ваню.

— Бѣдная дѣвочка! Она калѣка! — выстукиваетъ съ болью сожалѣнія его доброе сердечко.—И онъ не обтираетъ свою щеку, какъ это продѣлывается имъ обыкновенно послѣ поцѣлуевъ его сестеръ, и бормочетъ смущенно:

— Что-жъ такого! Ну, пришли... Ну, десять верстъ отмахали... Ну, и на собственныхъ рысакахъ... Што-жъ тутъ худого, скажите!

Микъ-Микъ, неожиданно появившійся въ эту минуту изъ сосѣдней комнаты, откуда онъ наблюдалъ все происходившее въ прихожей, весело хохочетъ:

— Экая прелесть мальчуганъ!—говоритъ онъ тихонько бабушкѣ.—Оставьте его у себя обѣдать!

— Но... — заикается бабушка такимъ же шопотомъ,—я не знаю какой онъ семьи...

— О, увѣряю васъ, что онъ не самоѣдъ и не скушаетъ всѣхъ насъ вмѣсто жаркого,—замѣчаетъ смѣясь Микъ-Микъ,—и притомъ онъ вѣдь спасъ нашего Киру!

— Да, да онъ спасъ нашего Киру, — торопливо соглашается бабушка и Помидора Ивановича рѣшено оставить обѣдать.

ГЛАВА XXV.

РОВНО въ половинѣ седьмого садятся за столъ. Ваню Курнышова устраиваютъ между Счастливчикомъ и Микъ-Микомъ.

За столомъ Помидора Ивановича приводитъ въ неожиданное удивленіе все, рѣшительно все: серебряные ножи и вилки, красиво расписанныя тарелки изъ саксонскаго фарфора, золотыя крошечныя ложечки для соли, положенныя въ каждую солонку.

— Вотъ такъ убранство! — говоритъ Ваня, обращаясь къ Счастливчику.

На первое подали супъ потафю и пирожки съ мозгами. Щеголеватый Францъ подставляетъ блюдо съ пирожками Ванѣ. На блюдѣ лежитъ серебряный совокъ, чтобы при его помощи брать пирожки съ блюда. Совокъ такъ и поблескиваетъ при свѣтѣ электрической лампы.

Ваня беретъ совокъ въ руки, любуется имъ нѣсколько секундъ.

— Вотъ такъ штука!—шепчетъ онъ восхищенно,

потомъ кладетъ его обратно, протягиваетъ руку къ блюду и, взявъ пальцами нѣсколько пирожковъ, кладетъ ихъ на тарелку. — Пирожки больно жирные,— предупредительно поясняетъ онъ, какъ-бы извиняясь передъ всѣми сидящими за столомъ, — мнѣ жаль пачкать такую красивую штучку,—и онъ бросаетъ снова восхищенный взглядъ на серебряный совочекъ.

По лицамъ всѣхъ проползаетъ снисходительная улыбка. Только Микъ-Микъ смотритъ на Ваню такъ, точно онъ невѣсть какую умную вещь сказалъ. Симочка фыркаетъ. Ея смѣющееся личико старается всѣми силами скрыться за графиномъ съ краснымъ виномъ, загораживающимъ дѣвочку отъ всевидящаго ока Авроры Васильевны.

Пирожки Помидоръ Ивановичъ ѣстъ, посыпая солью и закусывая ихъ хлѣбомъ. Супъ онъ не ѣстъ, а «хлебаетъ» такъ громко, какъ будто въ столовой собранъ цѣлый оркестръ музыки, дающій въ честь обѣдающихъ концертъ. Морковь, брюссельскую капусту, стручки и прочую зелень, которую обыкновенно Счастливчикъ старательно выуживаетъ изъ супа и раскидываетъ по краямъ тарелки, Ваня Курнышовъ уничтожаетъ съ завиднымъ аппетитомъ. Его тарелка чиста. На днѣ не осталось ни капельки супа. Судомойкѣ на кухнѣ не будетъ слишкомъ много заботъ съ его тарелкой.

На второе подана дичь. Ваня беретъ рябчика въ руки и съ громкимъ присвистываніемъ и причмокиваніемъ обсасываетъ каждую косточку, при чемъ также не забываетъ обильно посыпать каждый кусокъ рябчика солью и заѣдать нѣсколькими кусками хлѣба.

— Нашъ папа говоритъ, что соленый огурецъ дольше держится, чѣмъ прѣсный,—смѣясь поясняетъ онъ, весело поблескивая глазами,—«ѣшь, говоритъ онъ, Ваня, хлѣбъ съ солью: безъ соли, безъ хлѣба худая бесѣда».

— На здоровье! На здоровье! Кушай, голубчикъ!—говоритъ Микъ-Микъ и смотритъ восхищенными глазами на маленькаго гостя. Францъ фыркаетъ у буфета. Глаза Симочки и все лицо ея пляшутъ отъ черезъ силу сдерживаемаго смѣха. У бабушки, Авроры Васильевны и monsieur Диро лица испуганныя на-смерть, у Счастливчика—смущенное. Только лицо Ляли всегда одинаково печально и сочувственно кротко ко всему міру. Однако Помидору Ивановичу повидимому нѣтъ никакого дѣла до того впечатлѣнія, которое онъ производитъ сейчасъ на своихъ новыхъ знакомыхъ. Онъ занятъ серьезнымъ дѣломъ. Онъ озабоченъ. На его тарелкѣ остается еще цѣлая лужица соуса. Соусъ изъ сметаны съ масломъ кажется такимъ вкуснымъ Ванѣ. Неужто оставлять такую прелесть?

И Помидоръ Ивановичъ безъ стѣсненія беретъ кусокъ хлѣба, макаетъ его въ соусъ и добросовѣстно отправляетъ себѣ въ ротъ. Еще кусокъ—и опять въ ротъ. Затѣмъ онъ кускомъ хлѣба «вытираетъ» остатки соуса до тѣхъ поръ, пока тарелка отъ жаркого принимаетъ такой же чистый видъ, какъ тарелка послѣ супа.

— Ухъ! Вкусно!—заявляетъ весело Ваня и сіяетъ глазами.

Съ Францемъ, почтительно стоящимъ у буфета въ

ожиданіи приказаній, едва-едва не дѣлается дурно отъ смѣха. Симочкино лицо собирается въ такую гримасу, точно Симочка и не дѣвочка вовсе, а маленькая обезьяна.

У Счастливчика, напротивъ того, грустное лицо. Ему очень непріятно, что его любимый товарищъ въ такомъ смѣшномъ видѣ!

Но вотъ на столъ подано новое кушанье—спаржа.

Бабушка, Аврора Васильевна и Ляля осторожно берутъ въ пальцы бѣлые круглые стебли, макаютъ ихъ въ сладкомъ соусѣ и сосутъ. Ваня во всѣ глаза смотритъ и на странное, еще никогда невиданное имъ, блюдо, и на способъ его ѣды. Его ротъ широко раскрытъ, глаза тоже.

— Ха, ха, ха, ха! Бѣлые червяки! Ну какъ есть черви!—внезапно разражается онъ веселымъ смѣхомъ.

Бабушка дѣлаетъ строгое лицо.—Не хотите ли попробовать, дитя мое?—стараясь быть любезной съ маленькимъ гостемъ, спрашиваетъ бабушка.

— Да што вы! Нѣшто я гусь, что червяковъ ѣсть буду!—испуганнымъ голосомъ кричитъ Ваня, да такъ громко, точно онъ не въ домѣ богатой и важной барыни, а гдѣ-нибудь въ огородѣ или на плацу.

Новое смущеніе, новые взгляды, новый испугъ. Только лицо Микъ-Мика съ минуты на минуту дѣлается все веселѣе и веселѣе, да глаза его, обращенные къ Ванѣ, горятъ восторгомъ.

— Славный мальчуганъ!—тихонько шепчетъ онъ бабушкѣ, и взглядъ его смѣется.

На третье подали бланманже.

Едва только блюдо съ нимъ очутилось передъ Ваней, какъ онъ спрашиваетъ тревожно:

— А это не крахмалъ? Больно на крахмалъ похоже! У насъ мама каждую стирку много наводитъ крахмалу. Такой же бѣлый и густой.

— Нѣтъ, нѣтъ, это не крахмалъ, а сладкое бланманже, кушайте безъ страху!—торопится успокоить Ваню съ улыбкой Ляля.

— Какъ? Блан-ман... Блан-ман... — тянетъ Помидоръ Ивановичъ со смѣхомъ.—Вотъ то чудное слово!

— Бланманже! Это по-французски! А вы умѣете говорить по-французски? — неожиданно вступаетъ въ разговоръ Симочка.

— Маленечко,—лукаво сощурившись, отвѣчаетъ Ваня и смѣясь добавляетъ быстро-быстро:

— Вотъ напримѣръ: Мадмазель-фрикадель де бараньи ножки, труляля тонъ бонжуръ, де маркизъ, абрикосъ, фу, фу, фу, ну, ну, ну, нонъ мерси погоди, пардонъ, ля гронде фортепьяно!

Всѣ смѣются. Даже бабушка на этотъ разъ улыбается.

Только monsieur Диро не до смѣху: его языкъ, его родной языкъ! Какъ можно такъ коверкать! А Ваня, какъ ни въ чемъ не бывало, съ аппетитомъ продолжаетъ уписывать бланманже и его тоже заѣдаетъ хлѣбомъ.

— Вы сыты? — спрашиваетъ бабушка Ваню передъ тѣмъ какъ встать изъ-за стола.

— Спасибо! Маленечко сытъ!—неожиданно откровенно отвѣчаетъ мальчикъ.

Брови бабушки поднимаются высоко.

— То-есть какъ же это? — изумленно протягиваетъ она.

— Очень просто. Я къ такимъ воздушнымъ кушаньямъ не привыкъ дома. У насъ щи да каша каждый день. И хлѣба сколько влѣзетъ... А вонъ у васъ хлѣбъ то ровно краденый: не понять—ломоть это, либо бумажка. Ужъ больно нарѣзанъ тонко!

— Францъ,—обращается бабушка съ обиженнымъ видомъ къ лакею, который продолжаетъ корчиться отъ смѣха,—принеси нашему гостю щи, кашу и ломать хлѣба съ солью.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Покамѣстъ не надо, спасибо. Пускай на ужинъ останется... А пока я заморилъ червячка. До вечера сытъ буду,—откровенно сознается Ваня и первый встаетъ изъ-за стола.

Всѣ крестятся на образъ, мимоходомъ, незамѣтно, точно хотятъ скрыть это другъ отъ друга. Помидоръ Ивановичъ—не то: Помидоръ Ивановичъ выходитъ на середину столовой, становится передъ самымъ образомъ, размашисто крестится широкимъ крестомъ и кланяется въ поясъ. Потомъ отыскиваетъ глазами бабушку, кланяется, протягиваетъ ей руку и громко говоритъ:

— Спасибо за угощенье! Премного вами доволенъ.

Симочка неистово взвизгиваетъ и, давясь отъ смѣха, пулей вылетаетъ изъ столовой.

ГЛАВА XXVI.

— Это еще что за чучело?

Глаза Курнышова полны изумленія. Передъ нимъ нарядная клѣтка, въ клѣткѣ попугай. Попугай смотритъ на Ваню, Ваня на попугая, Симочка и Счастливчикъ то на того, то на другого.

— Это Коко,—предупредительно говоритъ Счастливчикъ, — онъ ученый, говорящій попугай. Спроси его что-нибудь, онъ тебѣ отвѣтитъ.

У Вани глаза чуть-ли не выкатываются на лобъ отъ изумленія.

— Да ну-у-у?—тянетъ онъ, заинтересованный въ высшей степени ученымъ попугаемъ, и, обращаясь къ послѣднему, говоритъ громко: — Здравствуй, ощипанный хвостъ!

Хвостъ у Коко дѣйствительно нѣсколько ощипанъ. Коко линяетъ. Но это не мѣшаетъ Коко считать себя, по всей вѣроятности, самой красивой птицей въ мірѣ, и замѣчаніе Вани должно быть не особенно-то лестнымъ кажется ему.

— Фю-фю-фю-фю!—сердито свиститъ Коко, который терпѣть не можетъ, когда торчатъ чужіе около его клѣтки.

Ваня еще разъ кричитъ:—Здравствуй, ощипанный хвостъ!

Громкимъ голосомъ отвѣчаетъ Коко изъ клѣтки:—Здравствуй, миленькій!

— Ха-ха-ха! Вотъ такъ молодецъ!—веселымъ смѣхомъ заливается Ваня.—Ха-ха-ха-ха!

— Ха-ха-ха!—неожиданно повторяетъ попугай,—ха-ха-ха-ха!

— Вотъ видите, онъ не сердится больше! Онъ смѣется? Суньте ему палецъ, онъ почешетъ объ него головку!—говоритъ Симочка самымъ невиннымъ тономъ.

Симочка — коварное существо. Симочка любитъ иногда подвести другихъ. Симочка — проказница и шалунья.

Не предвидя злого умысла со стороны Симочки, Помидоръ Ивановичъ просовываетъ палецъ въ клѣтку, прежде нежели Счастливчикъ успѣваетъ остановить его.

— Ай-ай-ай!—неистово вскрикиваетъ Ваня,—что за скверная птица!

— Скверная!—Меня зовутъ Коко! невозмутимымъ голосомъ заявляетъ попугай.

Палецъ Вани въ крови. Коко умѣетъ быть злымъ и клюется не на шутку.

Симочка хохочетъ, нѣсколько смущенно, правда, но все-таки хохочетъ.

— Какъ тебѣ не стыдно!—говоритъ Симочкѣ Счастливчикъ и бросаетъ на дѣвочку уничтожающій взглядъ.

Изъ пальца Вани кровь льется какъ изъ фонтана. Симочкѣ не до смѣха сейчасъ. Ей совѣстно и страшно. Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ она сдѣлала это!

На порогѣ комнаты неожиданно появляются бабушка и Микъ-Микъ.

— Что такое? Кровь на полу? Ты раненъ, ты раненъ, Счастливчикъ?—испуганно бросается бабушка къ своему любимцу. Но внезапно бабушка замѣчаетъ прокушенный палецъ Вани и вмигъ соображаетъ въ чемъ дѣло и произноситъ громко:—Сейчасъ же воды сюда, пластырю, бинтовъ!

Симочка мчится, какъ на крыльяхъ, за домашней бабушкиной аптечкой.

Счастливчикъ очень взволнованъ. Онъ боится за Ваню, боится, что негодный Коко совсѣмъ откусилъ палецъ, его другу и труситъ за Симочку: неужели Ваня выдастъ Симочку и ее накажутъ?

— Какъ это случилось?—допытывается бабушка и хмуритъ тонкія брови.

— Очень просто, — предупредительно поясняетъ Помидоръ Ивановичъ,—я сунулъ палецъ въ клѣтку, а онъ меня хвать...

— А онъ меня хвать! точно передразнивая, подтверждаетъ изъ клѣтки Коко.

Это смѣшно. Всѣ смѣются, и Ваня тоже.

— Занятная птица!—говоритъ Ваня, протягивая палецъ бабушкѣ, которая, обмывъ его, забинтовываетъ укушенное мѣсто принесеннымъ Симочкой бинтомъ.

Ловкіе пальцы бабушки сдѣлали свое дѣло: кровь унялась, не идетъ больше.

— Ну, что, какъ вы чувствуете себя, мой другъ?— освѣдомляется тревожно бабушка.

— А что мнѣ дѣлается! — беззаботно, тряхнувъ своей стриженой головою, говоритъ Ваня. — Вотъ только жалко, что рука-то правая. Не больно-то попишешь ею въ гимназіи теперь да и работать-то дома не скоро придется...

— А вы что-же работаете дома?—живо заинтересовывается Валентина Павловна.

— Какъ что? Обыкновенно! Утромъ дрова колю, печку топлю, самоваръ ставлю... Изъ гимназіи когда приду, посуду мамѣ мыть пособляю. Вѣдь отецъ шьетъ сапоги. А у матери на рукахъ трое малышей. Вотъ и выходитъ, что времени-то у нихъ не больно-то много... А я самый старшій... Кому же и пособлять родителямъ, какъ не мнѣ!—безъ малѣйшей гордости заключаетъ Ваня.

Бабушка, Микъ-Микъ, Симочка и Счастливчикъ переглядываются между собою. Въ глазахъ бабушки мгновенно затепливается что-то неизъяснимо ласковое, доброе. Этотъ стриженый краснощекій мальчикъ точно вырастаетъ въ ея глазахъ на цѣлую голову: «Милый, милый краснощекій мальчикъ. Такъ вотъ онъ каковъ!»

Глаза бабушки улыбаются и ласкаютъ Ваню.

— А уроки-то! Уроки когда вы успѣваете выучить, голубчикъ? — спрашиваетъ она голосомъ, въ которомъ такъ и прорываются невольно мягкія, сочувственныя, ласкающія нотки.

— Уроки! А вечеръ на что? — и быстрымъ взма-

хомъ рѣсницъ Ваня вскидываетъ глаза на бабушку.— Вотъ, какъ вечеромъ уберемъ ужинъ, помогу мамѣ уложить ребятишекъ, тогда и сажусь за уроки. Времени мнѣ мало что-ли? Слава Тебѣ, Господи, до десяти часовъ много выучить можно.

— А другіе спятъ?—осторожно освѣдомляется бабушка.

— А то какъ же? Папа у насъ старенькій, день въ работѣ, съ пяти часовъ встаетъ. Когда-жъ ему и выспаться, какъ не ночью? А маму вовсе за день ребята одолѣютъ. Ей тоже покой нуженъ.

Ваня задумывается на минуту. Небольшіе бойкіе глазки его широко раскрываются и принимаютъ такое мягкое, свѣтлое выраженіе, какого еще у него не видѣлъ Счастливчикъ. Улыбкой озаряется милое, добродушное, полное лицо Вани, и онъ говоритъ тѣмъ захватывающимъ, грудным, глубоко-прочувствованнымъ голосомъ, который вливается прямо въ душу.

— Эхъ-ма, кабы гимназію окончить поскорѣе, ученымъ бы стать, папѣ помогать... Открою ему мастерскую, настоящую, большую, помощниковъ найму... Отдохнетъ тогда мой папочка, хорошій нашъ, отдохнетъ... И мама тоже...

Глаза Вани сіяютъ точно двѣ звѣздочки съ далекаго неба. А некрасивое обычно лицо теперь почти что прекрасно какой-то новой, необыденной, трогательной красотою. Бабушка и Микъ-Микъ долго смотрятъ на Ваню. Въ лицѣ бабушки умиленіе. Въ лицѣ Микъ-Мика восхищеніе, восторгъ. Этотъ милый, благородный мальчикъ совсѣмъ покорилъ сердца обоихъ.

Счастливчикъ въ восторгѣ. Вотъ у него какой товарищъ! Вотъ онъ каковъ, Курнышовъ, Ваня, его любимецъ!

Бабушка, точно проснувшись и спохватившись, говоритъ растроганнымъ голосомъ своему маленькому гостю:

— Славный вы мальчикъ! Я рада, что у нашего Киры такой товарищъ. Какъ должны быть счастливы ваши родители, что у нихъ такой сынъ!

Помидоръ Ивановичъ изумленъ. Эка невидаль такой сынъ! Что они нашли въ немъ такого? Что самоваръ-то умѣетъ поставить да печку истопить?—Невидаль тоже.

А Микъ-Микъ стоитъ передъ нимъ, протягиваетъ ему руку и говоритъ весело:

— Давай-ка твою лапку, мальчуганъ, и будемъ друзьями! — И обычно смѣющіеся глаза студента теперь серьезны и ласковы, какъ никогда.

Въ этотъ вечеръ Ваня ушелъ отъ Раевыхъ поздно. Вечеромъ его угостили на-славу щами съ кашей и опять всякими разносолами, пирожками, печеніями, тортами и чаемъ. Бабушка просила его заходить почаще. Больная Ляля смотрѣла на него ласковымъ взглядомъ старшей сестры. Микъ-Микъ жалъ ему руку, какъ взрослому, Счастливчикъ душилъ въ объятіяхъ. Въ послѣднюю минуту, бочкомъ, озираясь во всѣ стороны, незамѣтно прошмыгнула въ прихожую и Симочка проводить Ваню.

— Простите меня! Я была глупая! Я хотѣла подшутить надъ вами!—прошептала она смущенно, ко-

сясь на забинтованный палецъ Вани.—А за то, что не выдали меня, спасибо.

— Вотъ еще!—безшабашно тряхнулъ тотъ своей стриженой головкой. — Съ попкой познакомился... Заживетъ до свадьбы! — и, кивнувъ всѣмъ на прощанье, нахлобучилъ на плечи свое старенькое, заплатанное пальто и исчезъ изъ роскошной квартиры Раевыхъ, оставляя за собою самое свѣтлое, самое лучшее впечатлѣніе.

ГЛАВА XXVII.

Дни, недѣли, мѣсяцы...

Время бѣжитъ такъ скоро, точно гонится съ кѣмъ-то вперегонку. Счастливчикъ совсѣмъ не замѣчаетъ его.

Утромъ—гимназія, днемъ—гимназія, потомъ прогулка до обѣда съ monsieur Диро, обѣдъ; вечеромъ Микъ-Микъ и уроки. Нѣту времени поиграть и пошалить съ Симочкой. Въ девять чай и... «пожалуйте на боковую».

Счастливчикъ учится хорошо. Много рублей насчитывается у него въ копилкѣ, еще больше полтинниковъ. Если такъ будетъ продолжаться—къ масленой у Счастливчика появятся часы.

Вотъ подошло и Рождество. Въ первыя двѣ четверти у Счастливчика отмѣтки — одна прелесть. Поэтому Рождество Счастливчикъ проводитъ, какъ настоящій владѣтельный принцъ. Елка у нихъ до потолка и разукрашена, какъ сказочная царевна.

Ѣдутъ въ циркъ, а затѣмъ еще на дѣтскій балъ,

куда везутъ Киру и Симочку, одѣтыхъ такъ нарядно, чти «ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать», по выраженію няни. Потомъ ложа въ театрѣ на дѣтское представленіе и встрѣча Новаго Года въ кругу семьи.

Проходятъ праздники, проходитъ Крещеніе. Снова начинаются занятія. Снова пятерки и четверки сыплются въ классный дневникъ Счастливчика и снова прибавляются рубли и полтинники въ Киріной копилкѣ. Еще-еще немного такихъ рублей и полтинниковъ, и у Счастливчика будутъ часы, купленные на «свои деньги»...

Часы!

Золотые, настоящіе прекрасные, долгожданные! Часы!

Когда Счастливчикъ съ Микъ-Микомъ отправились покупать ихъ, Счастливчикъ торжественно несъ въ рукахъ свою серебряную копилку, въ которой при каждомъ шагѣ звенѣли рубли и полтинники. Кирѣ казалось, что всѣ смотрятъ на него съ такимъ выраженіемъ, какъ будто хотятъ сказать:

— «Вотъ идетъ мальчикъ, который пріобрѣтетъ сейчасъ золотые часы въ награду за прилежаніе».

Въ магазинѣ они съ Микъ-Микомъ учинили настоящее столпотвореніе Вавилонское, отыскивая такіе именно часы, какихъ даже не бываетъ на свѣтѣ, и какіе только развѣ снятся во снѣ вполнѣ благонравнымъ мальчикамъ.

Долго-долго разсматривали они на полкахъ футляры съ часами, перебрали около сотни коробокъ и фут-

ляровъ и, наконецъ, остановили свой выборъ. Микъ-Микъ похвалилъ часы, и этого было довольно, чтобы и Счастливчикъ загорѣлся къ нимъ самой искренней любовью.

— Вотъ эти! Вотъ эти!—кричитъ въ забывчивости Счастливчикъ и такъ громко, что и приказчики, и покупатели, и толстый кассиръ глядятъ на маленькаго потѣшнаго гимназистика и снисходительно улыбаются ему. Впрочемъ, толстому кассиру суждено не одинъ разъ улыбнуться, пока маленькій гимназистикъ и высокій студентъ находятся въ магазинѣ. Съ чекомъ въ одной рукѣ и съ копилкой въ другой, Счастливчикъ подходитъ къ кассѣ и безъ малѣйшаго смущенія высыпаетъ передъ лицомъ толстаго кассира все содержимое копилки.

Рубли и полтинники валятся со звономъ. Кассиръ удивленъ чрезвычайно.

Микъ-Микъ ему поясняетъ:

— Всѣ эти деньги собраны за прилежное ученье.

— А-а! — улыбается кассиръ, — очень пріятно, очень пріятно!

Наконецъ футляръ съ часами завернутъ въ бумагу и лежитъ въ карманѣ. Съ сильно бьющимся сердцемъ Счастливчикъ покидаетъ магазинъ.

Ему страшно хочется выскочить на середину улицы и прокричать «ура» въ честь своей покупки.

Но Счастливчикъ знаетъ, какъ это неприлично: надо умѣть сдерживать себя и стараться быть маленькимъ мужчиной.

И маленькій мужчина съ сіяющей рожицей шагаетъ подлѣ Микъ-Мика.

Дома часы вызываютъ цѣлую бурю восторга. Особенно восхищается няня, Симочка, Францъ.

Ляля неожиданно отводитъ Киру въ сторонку.

— Вотъ это тебѣ въ подарокъ отъ меня на память... Я сама на свои деньги купила... Копила тоже... и суетъ что-то блестящее маленькое золотое въ руку брата.

Ахъ! Это цѣпочка! Золотая цѣпочка къ часамъ! И такъ неожиданно, сюрпризомъ, чего даже и не подозрѣвалъ Счастливчикъ.

О, милая, милая Ляля!

Счастливчикъ сначала душитъ поцѣлуями сестру, у которой глаза такъ сіяютъ, какъ два маленькія солнца. Потомъ онъ прицѣпляетъ часы къ цѣпочкѣ и прыгаетъ отъ счастья.

Въ этотъ вечеръ Счастливчику не спится. Няня положила ему часы подъ подушку, потому что Кира заявилъ, что не ляжетъ въ постель безъ нихъ. Часы тикаютъ! Тикаетъ имъ въ тонъ и бьется сердце Киры. А завтра, завтра мальчики всѣмъ классомъ увидятъ новые часы Счастливчика. Что-то они скажутъ? Что скажутъ?

— Батюшки! А исторія-то? Онъ забылъ со своими часами, что надо выучить исторію на завтра. И не сказалъ объ этомъ Микъ-Мику. Мысли были въ часахъ съ цѣпочкой. Часы и цѣпочка помѣшали. Одна теперь надежда — Франтикъ не спроситъ.

Счастливчикъ высыпаетъ все содержимое копилки...

— Ну, конечно не спроситъ! Вызывалъ въ началѣ недѣли,—безшабашно рѣшаетъ Счастливчикъ и, вытащивъ изъ-подъ подушки часы, любуется ими въ сто первый разъ.

Потомъ снова прячетъ свое сокровище подъ подушку и медленно, точно нехотя, засыпаетъ.

Въ эту ночь странный сонъ снится Счастливчику. Ему снится урокъ исторіи, Франтикъ. Но у Франтика вмѣсто его обычнаго учительскаго лица — новые часы, а сзади, точно коса у китайца, болтается цѣпочка... Часы-голова сердятся на Счастливчика, потому что Счастливчикъ не знаетъ заданнаго урока. И голова-часы ставятъ Счастливчику единицу...

ГЛАВА XXVIII.

УЖЕ въ гимназической швейцарской, куда Счастливчикъ попалъ сегодня ровно за полчаса до молитвы, приходится показывать часы.

Всему классу было извѣстно еще за три недѣли по крайней мѣрѣ о предстоящей покупкѣ, и каждый вновь появляющійся въ раздѣвальнѣ первоклассникъ считаетъ своимъ долгомъ спросить:

— Ну что, купилъ?

И прибавляетъ тутъ же:

— Показывай, показывай скорѣе!

Счастливчика торжественно ведутъ на лѣстницу и заставляютъ его вынуть часы изъ кармана.

— И съ цѣпочкой! Братцы, у него и цѣпочка есть! Совсѣмъ важный баринъ! Фу-ты, ну-ты!

— Покажи! Покажи! Лиллипутикъ! Дай подержать, въ руки-то дай, не съѣдимъ!—звучатъ вокругъ Счастливчика дрожью любопытства дѣтскіе голоса.

Счастливчикъ показываетъ часы, снимаетъ ихъ, даетъ подержать то тому, то другому.

— Ахъ, прелесть! — искренно вырывается при видѣ красивой и изящной вещицы изъ устъ каждаго.

Одинъ Помидоръ Ивановичъ глубоко равнодушенъ къ часамъ. Взглянулъ мелькомъ, одобрилъ и черезъ минуту его веселый звонкій голосъ звучитъ откуда-то сверху.

— Эй, братцы, разступись! Спускъ къ центру земли совершаю!

Вы знаете, что такое спускъ къ центру земли? Нѣтъ, не знаете. И не мудрено: чтобы знать это, надо быть гимназистомъ и гимназистомъ преимущественно маленькимъ; старшіе никогда не совершаютъ ничего подобнаго, они слишкомъ серьезны для этого. Предпринимающій спускъ гимназистикъ садится верхомъ на перила лѣстницы и скользитъ по нимъ до самаго низа, при чемъ чѣмъ выше начинается спускъ, тѣмъ больше молодечества для спускающагося.

Сейчасъ Помидоръ Ивановичъ катитъ чуть-ли не съ самаго верха.

Это очень опасно. Лѣстница высокая. Можетъ закружиться голова. Можно потерять равновѣсіе, упасть на каменныя ступени и расшибиться до крови.

Поэтому всѣ сразу оставляютъ Счастливчиковы часы въ покоѣ, и общее вниманіе сосредоточивается на Ванѣ.

Ваня катитъ по периламъ. Лицо—краснѣе обыкновеннаго, глаза щурятся съ видомъ разлакомившагося котенка. Весь онъ такъ и сіяетъ.

Чѣмъ дальше спускъ, тѣмъ быстрѣе, стремительнѣе катитъ Ваня.

— Легче, легче на поворотахъ! Гляди въ оба, Помидоръ Ивановичъ!—кричатъ ему мальчики.

Но Ваня ничего не слышитъ. Летитъ стрѣлою, только глухо чикаетъ по временамъ.

— Готово! Теперь я у центра! — весело кричитъ онъ, докатившись до самаго низа и очутившись въ толпѣ друзей.

— Теперь я! Теперь я!—визжитъ Янко и чуть ли не черезъ пять ступеней взлетаетъ наверхъ.

Разъ! Два! Три! И синеглазый Ивась уже мчится стремительно внизъ, скользя по периламъ. Ротъ улыбается широко-широко, глаза горятъ.

— Духъ захватываетъ! Чудо, что такое!—объявляетъ онъ, спустившись, товарищамъ.—Ахъ, хорошо.

Счастливчикъ смотритъ съ завистью. А что, если ему спуститься разочекъ?..

Ахъ! Нѣтъ, нѣтъ!.. Вѣдь онъ не знаетъ урока исторіи. Совсѣмъ не знаетъ. Надо хоть разъ до молитвы прочесть исторію.

Два голоса спорятъ внутри Счастливчика: одинъ благоразумный, другой шальной.

Благоразумный говоритъ: «Повтори урокъ! Повтори! Вѣдь только десять минутъ осталось до молитвы». Шальной перекрикиваетъ: «Ну, вотъ глупости! Спускайся лучше. А урокъ во время молитвы прочтешь, да и не спроситъ тебя Франтикъ».

Счастливчикъ на минуту задумывается. Потомъ рѣшительно вынимаетъ изъ кармана часы и передаетъ ихъ Голубину.

— Подержи, голубчикъ!

— Ну, ты не больно-то форсись твоими часами,— замѣчаетъ Калмыкъ,—какой баринъ!

Но Счастливчикъ уже ничего не слышитъ. Стрѣлой взлетаетъ онъ на лѣстницу, на самый верхъ, перекидываетъ ногу черезъ перила и начинаетъ скользить. Сначала медленно, потомъ быстрѣе, еще быстрѣй, наконецъ вихремъ несется внизъ. Духъ захватываетъ... Сердце екаетъ... Ахъ, какая быстрота! И жутко, и пріятно!

— Вотъ бы бабушка увидала, Леля, Ами! — думаетъ Счастливчикъ. — Вотъ бы испугались-то!.. А Микъ-Микъ бы увидалъ, похвалилъ бы навѣрное! Ну, конечно похвалилъ бы! Сказалъ бы:—«Да вы настоящій маленькій мужчина, Кира! Смѣлый. Безстрашный». И Счастливчикъ мчится внизъ, едва-едва успѣвая взглядывать на товарищей.

Но что это? Веселыя лица дѣлаются испуганными. Голоса, подбадривающіе Счастливчика, смолкаютъ... И вся толпа перепуганныхъ мальчиковъ отшарахивается въ сторону. Въ самомъ центрѣ земли, то-есть въ самомъ низу лѣстницы у перилъ, стоитъ кто-то черный и высокій, съ чѣмъ-то бѣлымъ на груди. Счастливчику нѣтъ возможности разсмотрѣть кто это, нѣтъ возможности остановиться. Онъ скользитъ теперь внизъ съ головокружительною быстротою и со всего размаха ударяется въ чей-то животъ и кубаремъ валится на бокъ.

ГЛАВА XXIX.

СЧАСТЛИВЧИКЪ поднимается со ступеней, потираетъ ушибленный бокъ и колѣнку и смотритъ, смотритъ на-смерть перепуганными глазами. Передъ нимъ — учитель исторіи, тотъ самый, которому Счастливчикъ не выучилъ урока,—высокій, тонкій, со строгимъ молодымъ лицомъ, нахмуренный гнѣвно, въ новомъ съ иголочки вицъ-мундирѣ, съ бѣлой манишкой, весь свѣжій, чистенькій, опрысканный духами. Счастливчикъ ткнулся головой въ самый его животъ, смялъ манишку, едва не сшибъ съ ногъ.

— Это еще что за шалости? — сердито кричитъ Франтикъ.—Какъ можно такъ бѣситься? Самъ красный, глаза вытаращены! Богъ знаетъ, что за видъ! На кого вы похожи? — еще сердитѣе выкрикиваетъ учитель.

Счастливчикъ смущенъ. Учитель спросилъ—значитъ, надо отвѣчать. Но что отвѣтить? На кого же онъ, Счастливчикъ, похожъ?

Счастливчикъ съ секунду третъ лобъ, какъ бы

что-то соображая. Потомъ поднимаетъ ошалѣлые глаза на учителя и выпаливаетъ, какъ ракета:

— На бабушку и на Лялю.

— Что?!. — Глаза у учителя исторіи округляются отъ негодованія.—Что-съ? Что вы сказали?..

— Я сказалъ, что я похожъ на бабушку и на Лялю!—спокойно повторяетъ Счастливчикъ и вдругъ замѣчаетъ свою ошибку.—Простите меня, пожалуйста,—прибавляетъ онъ,—я васъ, кажется, ушибъ!

Франтикъ, т.-е. учитель исторіи, хочетъ разсердиться и не можетъ.

— Будьте впредь осторожнѣе,—говоритъ онъ сурово и спѣшитъ въ учительскую наверхъ.

Сконфуженный Счастливчикъ уныло плетется сзади. Урокъ исторіи окончательно позабытъ. Развѣ послѣ такой катастрофы есть возможность думать объ урокѣ?..

. . . . . .

— Подгуринъ, Казачковъ, Раевъ...

Голосъ Франтика звучитъ раздраженно. Толчокъ Счастливчиковой головы еще ощущается непріятнымъ воспоминаніемъ въ животѣ учителя. Подгуринъ и Казачковъ, лѣнивые ученики, встаютъ на этотъ разъ съ довольными лицами. Они успѣли выучить урокъ наканунѣ. Счастливчикъ поднимается со своего мѣста съ лицомъ бѣлѣе мѣла. Его осѣняетъ страшная мысль.

— Отвѣчайте!—сурово бросаетъ Франтикъ.

Счастливчикъ испуганно моргаетъ своими огромными глазами и молчитъ.

— Ну, что же вы?

Молчитъ.

— Урокъ выучили?

Счастливчикъ снова молчитъ.

Только глаза хлопаютъ, хлопаютъ, хлопаютъ.

— Можете идти, я ставлю вамъ единицу. Вотъ видите, шалости не доводятъ до добра!—совсѣмъ уже раздраженно говоритъ учитель и ставитъ Счастливчику въ журналъ тощую, узенькую, какъ паутинка, единицу.

— Ахъ, что скажетъ Микъ-Микъ?! Что скажетъ его добрый, милый репетиторъ?!

Счастливчикъ грустно бредетъ на мѣсто, устало садится на парту и опускаетъ голову на грудь.

Маленькій Голубинъ, зная, чѣмъ можно утѣшить Счастливчика, преисполненный жалостью къ своему другу, шепчетъ, наклоняя къ нему личико съ обворожительной улыбкой:

— У тебя есть часы, Счастливчикъ? Скажи, который часъ, я хочу знать, много-ли осталось времени до конца урока

Счастливчикъ лѣзетъ въ карманъ, вынимаетъ часы, бросаетъ на нихъ взглядъ безнадежнаго отчаянія и шепчетъ въ забывчивости, къ полному изумленію Али:

— Половина тринадцатаго...

ГЛАВА XXX.

— ВОЙНА! Господа, война! Объявлена война на дворѣ въ большую перемѣну!—раздается звонкій голосокъ Янко, разомъ наполнившій всѣ углы и закоулки огромнаго класса.

— Въ однѣхъ курткахъ можно пойти! На дворѣ сегодня совсѣмъ тепло. Солнышко свѣтитъ. Дѣдушка въ однѣхъ курткахъ позволилъ!—перекрикиваетъ его Калмыкъ и, какъ волчокъ, кружится на одномъ мѣстѣ.

Счастливчикъ и Голубинъ стоятъ и съ аппетитомъ завтракаютъ Счастливчиковой булкой съ начинкой. Сегодняшній печальный случай съ единицей еще свѣжъ въ душѣ Счастливчика. Но что же дѣлать? Нельзя же измѣнить дѣло, нельзя ожидать чуда, что бы колъ вдругъ превратился волею судьбы въ пятерку! Счастливчикъ достаточно грустенъ и даже какъ будто похудѣлъ и осунулся со времени злополучнаго урока.

Но вѣсть о предстоящей снѣжной войнѣ, по мано-

веню волшебной палочки, преображаетъ Счастливчика.

Послѣдняя война! Въ эту зиму, по крайней мѣрѣ. Скоро стаетъ снѣгъ и его рыхлые комки, которыми такъ легко и весело бросаться, исчезнутъ вовсе, и тогда нельзя будетъ уже играть въ веселую игру.

— Идемъ! — рѣшительно заявляетъ Счастливчикъ Голубину и хватаетъ его за руку.

— Я не пойду, — мнется съ минуту на мѣстѣ маленькій Аля,—у меня что-то горло болитъ...

— Пустяки, — говоритъ Счастливчикъ, — завтра принесу тебѣ конфеты отъ кашля, ихъ у бабушки много, а сейчасъ бѣжимъ на дворъ.

— Какъ?! въ однѣхъ курткахъ?—ужасается Аля.

— Нѣтъ, для тебя принесутъ одѣяло! — хохочетъ Янко, пробѣгавшій мимо и услышавшій эти слова.

— Вѣдь ты слышалъ? Дѣдушка позволилъ не надѣвать пальто,—уже нетерпѣливо роняетъ Кира, которому очень хочется быть, какъ и всѣ другіе мальчики, въ одной курткѣ.

— Вотъ бы наши узнали—была бы буря! — вихремъ проносится въ головѣ Счастливчика быстрая мысль.

— Ну, катимъ во дворъ, что-ли, братцы!—и, не ожидая отвѣта, Янко, со свойственною ему живостью, подхватываетъ на руки Голубина, сажаетъ его на плечо и тащитъ на лѣстницу.

Развеселившійся, оживленный, Счастливчикъ мчится за ними.

На дворѣ война уже въ самомъ разгарѣ. Комки

рыхлаго, липкаго снѣга такъ и носятся съ одного конца на другой. Бомбардировка идетъ по всѣмъ правиламъ военнаго искусства. Мальчики раздѣлились на два лагеря и дерутся, залѣпляя другъ другу снѣгомъ носы, уши, глаза...

— Къ намъ! Къ намъ, Лиллипутикъ! — неистово кричитъ Помидоръ Ивановичъ, хватая за руку Киру и втаскивая его въ свою толпу, которой онъ командуетъ, какъ настоящій предводитель.

Янко съ Голубинымъ очутились въ противоположномъ лагерѣ. Они сейчасъ Счастливчиковы враги.

— Ну, берегись!

Бѣлые снаряды летятъ теперь съ удвоенной быстротою. Визгъ, шумъ, хохотъ, крики!..

— Братцы, въ рукопашную,— кричитъ Янко,— и первый налетаетъ на Курнышова. Снѣжныя бомбы забыты.

По всей линіи идетъ настоящій бой.

— Господа! Плѣнниковъ въ дровяной сарай! — раздается надъ головами борющихся голосъ Курнышова. И Помидоръ Ивановичъ тащитъ куда-то въ уголъ двора высокаго упирающагося Версту, отчаянно отмахивающагося отъ него руками и ногами.

Но—бацъ! вывернулся Верста и налетаетъ на Подгурина... Новая схватка, и оба съ хохотомъ валятся въ сугробъ.

Счастливчикъ, какъ вихрь, носится по двору... Схватывается то съ тѣмъ, то съ другимъ, борется, хохочетъ... Пусть другіе больше, сильнѣе его... Онъ зато такой увертливый, быстрый, подвижной и лов-

кій... Ему весело и любо... Любо, какъ никогда... Глаза горятъ, щеки тоже. Жарко ему, точно въ печи... Ахъ, если бы можно было снять куртку!

— Плѣнниковъ въ сарай!—слышенъ снова чей-то веселый выкрикъ.

На минуту передъ Счастливчикомъ мелькаетъ худенькое, маленькое, но порозовѣвшее отъ возни личико. Это Голубинъ. Вотъ съ этимъ справиться легко. И, не разсуждая слишкомъ много, Счастливчикъ, не помня себя отъ охватившаго его веселья и задора, хватаетъ за руку Алю, протаскиваетъ его черезъ дворъ и силою вталкиваетъ въ открытую дверь пустого сарая, не обращая вниманія на испуганные крики Голубина, на его молящіе глаза.

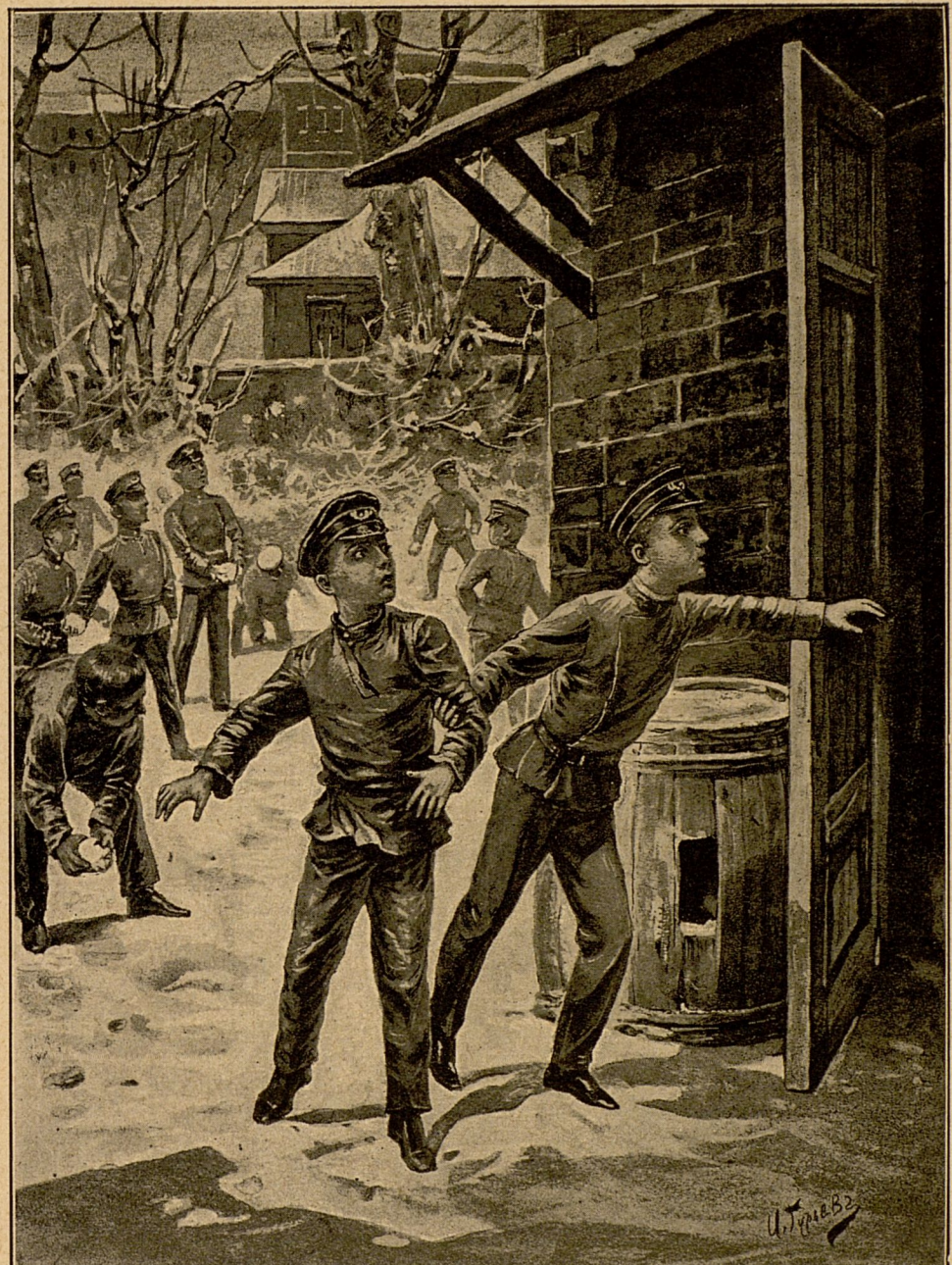
— Одинъ плѣнникъ у насъ есть! — кричитъ онъ, поворачивая свое оживленное личико къ товарищамъ, и, быстро захлопнувъ дверь сарая, запираетъ ее на задвижку.

— Ахъ, инспекторъ!

Дѣйствительно, инспекторъ. Его лицо показывается въ раскрытую форточку учительской. Онъ недовольнымъ голосомъ кричитъ:

— Назадъ, въ классъ! Не умѣете себя вести! Слишкомъ шалите на дворѣ!

И сконфуженные мальчики спѣшатъ въ классъ.



Счастливчикъ хватаетъ за руку Алю Голубина...

ГЛАВА XXXI.

Но не такъ-то легко удержать потокъ разъ нахлынувшаго веселья. И въ классѣ продолжается невѣроятная возня.

Теперь героемъ минуты является Янко.

Янко великолѣпно умѣетъ плясать свой малороссійскій гопакъ. И сейчасъ непреодолимое желаніе протанцовать его неожиданно охватываетъ Янко. Ивась вылетаетъ на середину класса, подбоченивается и искрящимся взглядомъ обводитъ товарищей.

— Кто хочетъ изображать оркестръ? — выкрикиваетъ онъ звонко.

О, желающихъ слишкомъ много!

Калмыкъ въ одну секунду извлекаетъ изъ кармана старую съ поломанными зубцами гребенку, прикрываетъ ее бумажкой и начинаетъ выводить на ней душу раздирающую мелодію.

— Это изъ оперы «Не тяни кота за хвостъ», — предупредительно поясняетъ онъ товарищамъ.

Всѣ хохочутъ. Подгуринъ беретъ жестяной пеналъ

и водитъ имъ по металлической линейкѣ. Получается рѣжущій звукъ, точно гдѣ-то пилятъ дрова.

— Скрипка — первый сортъ! — заявляетъ самодовольно Подгуринъ.

Счастливчику хочется тоже изображать музыканта. Онъ еще не можетъ отдѣлаться отъ охватившаго его веселья. Но гдѣ же взять инструментъ? Къ счастью, выручаетъ его Костя Гарцевъ. Въ учебномъ столѣ Скупидома, Богъ вѣсть откуда, оказалась между прочимъ мусоромъ какая-то старая труба, не то игрушечная подзорная, не то настоящая отъ маленькаго самовара. Не все-ли равно? Разъ есть инструментъ, кому какое дѣло до того, что онъ изъ себя представляетъ.

— Труби! — неожиданно вдохновляется Костя и передаетъ трубу Счастливчику.

Тотъ жадно приставляетъ ее ко рту...

Гребенка, визгъ линейки и труба—о, что за ужасная, потрясающая сердце музыка! Подъ эту музыку Ивась пляшетъ гопакъ, напѣвая во весь голосъ мотивъ его, помимо оригинальнаго оркестра.

Ивась пляшетъ прекрасно. Точно маленькій духъ носится онъ по серединѣ класса.

Его ноги отбиваютъ изумительно быстро мелкую дробь. Его щеки пылаютъ алымъ румянцемъ, его глаза вдохновенно горятъ. Кудри такъ и вьются вдоль разгорѣвшагося личика.

Ивась — настоящій красавецъ и такой ловкій, такой быстрый, такой граціозный. Мальчики аплодируютъ Ивасю.

— Браво! Браво, Ивась! Бисъ! Бисъ!

А гребенка звенитъ, линейка пищитъ и труба трубитъ на всю гимназію. И сердце Счастливчика трубитъ заодно съ трубою.

Что бы выкинуть еще такое особенное, чтобы и самому и другимъ весело стало! Ивась пускается вприсядку, откидывая ноги вправо и влѣво, припѣвая и пристукивая каблуками.

— Гопъ, мои гречаныки, гопъ, мои білы! — выкрикиваетъ Ивась.

Счастливчикъ не помнитъ себя отъ восторга и бросается вприсядку рядомъ съ Ивасемъ, не переставая однако трубить въ свою ужасную трубу. Теперь пляшутъ двое: Ивась и Счастливчикъ: Ивась—хорошо, искусно, красиво и ловко, Счастливчикъ — какъ рѣзвящійся лягушенокъ, смѣшно и потѣшно шлепаясь каждую минуту на полъ при дружномъ хохотѣ зрителей.

Неожиданно смолкаетъ гребенка, перестаютъ пилить линейка и пеналъ. Хохотъ тоже смолкаетъ вдругъ неожиданно, какъ по командѣ. На лицахъ мальчиковъ смущеніе и испугъ.

На порогѣ класса стоитъ Петръ Петровичъ и сердито кричитъ кому-то:

— Очень хорошо! Прекрасно! За исторію единица, а ему и горя мало! Что съ тобой сдѣлалось, а?

Счастливчикъ смотритъ на класснаго наставника такимъ взглядомъ, точно это не классный наставникъ, а бенгальскій тигръ, который вотъ-вотъ сейчасъ проглотитъ его. Отъ смущенія и испуга Счастливчикъ

продолжаетъ трубить. Ужасные звуки вылетаютъ точно сами собою изъ злополучной трубы, помимо всякаго желанія Счастливчика.

Ахъ, эта ужасная труба совсѣмъ не знаетъ приличій!

— Это еще что за дерзость!—кричитъ Петръ Петровичъ и, выхвативъ злополучную трубу, бросаетъ ее на полъ. — Оставайтесь на два часа послѣ уроковъ, Раевъ, Янко, Подгуринъ и Бурьяновъ! — строгимъ голосомъ говоритъ онъ.

Счастливчикъ совсѣмъ опѣшилъ.

Что же это такое! Что за несчастный день сегодня!

Ахъ ты, Господи! Противная труба!

ГЛАВА XXXII.

СЧАСТЛИВЧИКЪ наказанъ впервые въ жизни.

Подгуринъ, Бурьяновъ и Янко уже и счетъ потеряли тѣмъ разамъ, въ которые они оставались въ гимназіи послѣ уроковъ. Имъ какъ будто даже нисколько это не непріятно: порѣшили играть въ перышки, а то и выспаться подъ скамейкой.

Ровно въ половинѣ третьяго первый классъ расходится по домамъ.

— Гдѣ Голубинъ?—произноситъ тревожнымъ голосомъ дѣдушка, заглядывая въ лица своихъ воспитанниковъ.

— Голубина нѣтъ, онъ ушелъ домой!—отвѣчаетъ равнодушно чей-то голосъ.

— Нѣтъ, онъ не ушелъ. Его мать пришла за нимъ. Гдѣ же Голубинъ?

— Да, гдѣ же Голубинъ?

— Братцы, да мы его съ самой большой перемѣны не видѣли. Съ двѣнадцати часовъ. Гдѣ же онъ, правда?

Это говоритъ Помидоръ Ивановичъ, и голосъ его вздрагиваетъ отъ волненія.

— Да, не видѣли! Аля, Голубинъ, голубчикъ, гдѣ ты, откликнись!

Вдругъ Счастливчикъ, какъ встрепанный, вскакиваетъ со своего мѣста.

— Боже мой! Господи! Да вѣдь Голубинъ въ плѣну! Онъ запертъ въ сараѣ! Ахъ! Я заперъ его тогда еще, во время игры! — кричитъ онъ звенящимъ отъ волненія голосомъ.—Что я надѣлалъ?! Что я надѣлалъ?!.

И не слушая ни класснаго наставника, ни воспитателя, Кира выбѣгаетъ изъ класса и по коридору, лѣстницѣ, черезъ сѣни спѣшитъ на гимназическій дворъ. Сердце его стучитъ, какъ молотъ, такъ громко и сильно, что даже какъ будто слышно его біеніе. Внезапно передъ мысленнымъ взоромъ мальчика предстаетъ образъ худенькаго, слабенькаго Голубина, смотрѣвшаго на него испуганно-смущенными глазами, когда онъ тащилъ его въ сарай. И онъ все-таки втащилъ его туда, втащилъ, втолкнулъ и заперъ... Заперъ и забылъ выпустить... О, недобрый, нехорошій Счастливчикъ! О, злое маленькое сердце!

Забыть хрупкаго, болѣзненнаго мальчика въ холодномъ сыромъ сараѣ для дровъ, да еще въ одной курткѣ!.. Замирая отъ ужаса, взволнованный, потрясенный, Счастливчикъ бросается туда.

Что это? Сарай открытъ! Дверь его настежь!

— Гдѣ Аля? Гдѣ Голубинъ?—кричитъ въ отчаяніи Счастливчикъ, увидя дворника, подметающаго дворъ.

Молодой, глуповатый на видъ, парень улыбается.

— Товарища изволите искать, баринъ?—говоритъ онъ, широко ухмыляясь всѣмъ своимъ простодушнымъ лицомъ,—нѣтъ ихъ, тю-тю, пропали!

— Какъ пропали?—широко раскрываетъ испуганные глаза Счастливчикъ, и лицо его дѣлается бѣлымъ какъ полотно.

— Да такъ, — ухмыляется парень и добродушно смѣется.—Пропалъ, вотъ и все. Иду, этта, я полчаса назадъ въ сарай, вижу—барченокъ лежитъ, продрогшій у дровъ-то, скорчившись, весь посинѣлый и слезки на щекахъ. Видать, плакали... Лежитъ и спитъ...

— Посинѣлый... слезки... спитъ... — растерянно повторяетъ Счастливчикъ и весь дрожитъ, какъ въ лихорадкѣ.

— Я его будить... Онъ, сердешный, на головку жалится. Головка, вишь, у него заболѣла... Надо думать, заболитъ! Два часа дрыхнуть въ холодномъ сараѣ...

— Ахъ!—роняетъ Счастливчикъ, и зубы его стучатъ, и весь онъ трепещетъ, какъ былинка отъ бури.

— Господи! Куда же вы его дѣли?—стономъ срывается съ его похолодѣвшихъ губъ.

— Домой отправилъ. Взялъ и отвелъ домой. А мамаши его не было, значитъ; за нимъ чтобы идти, изъ дому вышли. И не знаютъ мамаша, что боленъ ихъ сынокъ.

— Боленъ?—глухо вскрикиваетъ Счастливчикъ, и точно невидимые когти разрываютъ его сердце на десятки кусковъ.

— Горячій... извѣстно боленъ! Какъ до постельки

добрался, такъ и повалился навзничь, а самъ-то синій, ровно мертвецъ,—предупредительно докладываетъ парень.

— Синій, ровно мертвецъ!—эхомъ отзывается въ груди Счастливчика, и, не помня себя, онъ кидается въ классъ.

Всѣ разошлись по домамъ. Гимназія опустѣла. Только трое изъ «мелочи» играютъ въ перышки на задней скамейкѣ.

— Ну, что, нашли Голубина?—освѣдомляется Янко, и тревожно поблескиваютъ его хохлацкіе глаза.

— Нашли... боленъ дома... изъ-за меня боленъ Голубинъ, — едва находитъ въ себѣ силы отвѣтить Счастливчикъ, падаетъ на скамейку и рыдаетъ на весь классъ.

ГЛАВА XXXIII.

Внизу въ швейцарской происходитъ другого рода исторія. Monsieur Диро, какъ ни въ чемъ не бывало, пріѣхалъ, ничего не подозрѣвая, за Счастливчикомъ, и вдругъ...

— Они наказаны. Ихъ не пускаютъ,—объявляетъ ему швейцаръ.

Счастливчикъ наказанъ? О, этого не можетъ быть! Это какое-то недоразумѣніе. Маленькій Счастливчикъ не можетъ быть наказанъ. Это какая-то чепуха!

Monsieur Диро говоритъ на своемъ французско-русскомъ, непонятномъ, какъ китайскій языкъ, нарѣчіи. Швейцаръ возражаетъ по-русски, и оба волнуются, не понимая другъ друга.

Къ счастью, въ швейцарскую входитъ классный наставникъ и, на вопросъ взволнованнаго гувернера, предупредительно поясняетъ, что ученикъ Раевъ получилъ единицу, плясалъ и трубилъ въ классѣ и за это оставленъ въ гимназіи на два лишніе часа. Monsieur Диро ужасно удивленъ.

— О,—лепечетъ онъ чуть внятно,—такій малютъ, такій хорошая мальчугашикъ и вдругъ единишка и трюба!.. Не понимай! О, какъ это шестокъ! Какъ шестокъ таково наказаль!

Но еще больше волнуются дома, когда въ обычное время возвращенія изъ гимназіи не видно знакомыхъ санокъ, запряженныхъ Разгуляемъ. Бабушка, всегда поджидающая у окна своего любимца, приходитъ въ невѣроятное волненіе.

— Няня! Няня! Поѣзжай въ гимназію узнать, что случилось съ Кирой и monsieur Диро... Да бери извозчика, няня, и скорѣе, скорѣе!

Няня охаетъ, ворчитъ, надѣваетъ свою допотопную, на лисьемъ мѣху, шубу и ѣдетъ.

Проходитъ еще полчаса томительнаго ожиданія. Ни няни, ни Счастливчика, ни monsieur Диро не видно на горизонтѣ.

Бабушка въ отчаяніи.

— Аврора Васильевна! Ради Бога, отправляйтесь туда узнать, въ чемъ дѣло, что случилось,—умоляетъ бабушка Лялину и Симочкину гувернантку.

Аврора Васильевна любезно соглашается исполнить бабушкино желаніе и уѣзжаетъ.

Еще полчаса. Никого нѣтъ. Напряженіе достигаетъ ужасныхъ размѣровъ.

Попадается на глаза Францъ. И Франца тоже командируютъ въ гимназію. Въ домѣ остаются только поваръ, горничная и судомойка на кухнѣ. Бабушка, Ляля и Симочка въ окнахъ. Всѣ трое прильнули къ стекламъ, всѣ трое, не отрываясь, смотрятъ на улицу.

Лица у всѣхъ напряженно блѣдныя, глаза затуманены. Въ мысляхъ цѣлый рой самыхъ невѣроятныхъ предположеній.

«Переходилъ черезъ улицу, попалъ подъ трамвай... Лежитъ въ больницѣ... А то въ гимназіи расшибли его на смерть, или... или...».

— Нѣтъ, силъ больше не хватаетъ у меня ждать такъ... Дѣвочки, поѣду и я!—неожиданно вырывается изъ груди бабушки, и она начинаетъ суетливо собираться въ гимназію.

— Везутъ! Везутъ! — въ ту же минуту радостно вскрикиваетъ Симочка и хлопаетъ въ ладоши.

Съ быстротою молоденькой дѣвочки, бабушка бросается на свой наблюдательный постъ у окна.

— Вотъ онъ! Вотъ онъ, наконецъ! Милый, милый Счастливчикъ!

Monsieur Диро и Аврора Васильевна сидятъ въ саняхъ. Между ними Кира. Лицо его мрачно, уныло, вѣки красны и вспухли отъ слезъ.

За Андрономъ ѣдетъ извозчикъ съ няней и Францемъ. Они точно Счастливчиковы тѣлохранители, точно почетная свита маленькаго принца.

Но маленькій принцъ на себя не похожъ сегодня. Счастливчикъ медленно поднимается по лѣстницѣ, съ убитымъ видомъ входитъ въ залу и замираетъ въ объятіяхъ бабушки.

Нѣсколько минутъ ничего не слышно, только рыданія, однѣ рыданія... Плачетъ бабушка, плачетъ Ляля, плачетъ няня, плачетъ Симочка.

Monsieur Диро и Аврора Васильевна разсказываютъ

все. Такимъ образомъ узнается и про единицу, и про гопакъ, и про трубу, и про наказаніе.

Единица!..

Бабушка смотритъ такъ огорченно, какъ будто единица получена ею самою. Ляля печально покачиваетъ черненькой головкой.

— Ахъ, Счастливчикъ! Какъ это могло случиться?

Счастливчикъ кажется очень смущеннымъ и угрюмымъ. Но не единица и не наказаніе его мучатъ, нѣтъ! Совсѣмъ, совсѣмъ другое! Тамъ, черезъ нѣсколько улицъ, лежитъ больной Голубинъ, маленькій Аля, заболѣвшій по его винѣ. Сердце Счастливчика сжимается больно-больно, и слезы застилаютъ мгновенно его огромные глаза.

— Бабушка! Аля Голубинъ боленъ. Пусти меня къ Алѣ,—шепчетъ Кира, пряча на груди Валентины Павловны свое заплаканное лицо.

— Что? Что такое? Голубинъ боленъ? Ты хочешь къ нему? Но, дитя мое, у него можетъ быть заразная болѣзнь: корь, скарлатина, свинка, дифтеритъ, — въ ужасѣ перечисляетъ бабушка.

— Крупъ, тифъ, рожа! — вторитъ ей съ неменьшимъ ужасомъ Ляля.

— Или еще хуже—холера!—заключаетъ няня.

И всѣ хоромъ, въ три голоса восклицаютъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, ты не пойдешь туда!

Что-то необъяснимое происходитъ въ ту же минуту со Счастливчикомъ. Добрый и кроткій по природѣ, онъ мгновенно дѣлается злымъ.

Тамъ боленъ, можетъ быть даже умираетъ, по его,

Счастливчика, винѣ, бѣдный маленькій Аля, а его не пускаютъ къ нему! О, этого не можетъ перенести Счастливчикъ. Недобрые огоньки зажигаются въ глазахъ Киры. Брови хмурятся, лицо дѣлается упрямымъ и капризнымъ. Совсѣмъ не узнать теперь его хорошенькаго милаго лица.

— А я все-таки пойду!—неожиданно выпаливаетъ Счастливчикъ.

На лицахъ присутствующихъ ужасъ.

Громъ небесный, неожиданно разражающійся въ облакахъ, не могъ бы произвести бо́льшаго переполоха.

Съ минуту всѣ молчатъ. У всѣхъ растерянныя лица.

Потомъ бабушка говоритъ первая. Въ ея голосѣ укоръ. Въ глазахъ слезы.

— Дитя мое! Счастливчикъ! Подумай только, что ты сказалъ!

— Кира, Кира,—лепечетъ перепуганная Ляля, — опомнись! Папа и мама все это видятъ съ небесъ.

— Батюшка мой!—стонетъ няня, разводя руками.

Все напрасно. Счастливчикъ остается при своемъ.

Его глаза блестятъ, щеки горятъ, губы дрожатъ, и онъ кричитъ такъ громко, точно вокругъ него стоятъ глухіе.

— А я все-таки пойду! Непремѣнно пойду! Аля боленъ! Голубинъ боленъ!.. Изъ-за меня, поймите, изъ-за меня!.. Пойду! Пойду! И... и если удерживать станете, никого не буду любить!

Послѣднія слова Счастливчикъ выкрикиваетъ на

всю квартиру и, схватившись за голову, мчится къ себѣ.

Черезъ минуту въ дѣтской слышно щелканье затворившейся задвижки.

Это Счастливчикъ заперъ свою дверь на крючокъ.

Что дѣлать? Что дѣлать? Точно подмѣнили мальчика!..—въ отчаяніи ломаетъ руки бабушка.

— Заперся!—шепчетъ Ляля.

— И обѣдать не спросилъ!—вторитъ Симочка.

— Пойти туда развѣ, къ нему?—предлагаетъ няня.

— Я пойду! — вызывается Ляля и, трепещущая, взволнованная, направляется къ дѣтской на своихъ костыляхъ.

ГЛАВА XXXIV.

— Тукъ! Тукъ!

Ни звука.

— Счастливчикъ! Отвори, миленькій! Ляля пришла.

И милый голосокъ Ляли звучитъ трогательной нѣжностью.

Молчаніе.

— Отвори, Счастливчикъ!

Никакого звука за дверью.

Только Коко безпокоится въ клѣткѣ и сердито свиститъ.

— Фю-фю-фю!

Ляля дѣлаетъ паузу.

— Счастливчикъ,—продолжаетъ она послѣ минутнаго раздумья, — не огорчай насъ всѣхъ... Пожалѣй бабушку... Выйди обѣдать, Счастливчикъ. Головка у тебя заболитъ, родной. Слышишь меня, Кирочка?

Кирочка слышитъ, но молчитъ. Ему безконечно жаль Лялю. По ея голосу онъ слышитъ, что она

плачетъ. Такъ бы и распахнулъ дверь и кинулся къ Лялѣ и расцѣловалъ ее. Но мгновенно выплываетъ передъ нимъ образъ больного Али... Счастливчикъ вздрагиваетъ, весь загорается негодованіемъ и шепчетъ, ударяя кулачкомъ по столу:

— Не пускаютъ къ нему, къ больному, не пускаютъ! Никого не люблю! Никого васъ не надо!

И прибавляетъ громкимъ голосомъ:

— Уйдите всѣ, никого не надо! Никого не хочу!

— Счастливчикъ! Счастливчикъ! — рыдаетъ у двери Ляля. Но Счастливчикъ ничего не слышитъ больше, затыкаетъ уши и бросается головой въ подушку... Его сердце, какъ пойманная птичка, такъ и бьется, такъ и бьется въ груди . . .

. . . . . .

Ночь. Лампада мирно озаряетъ маленькую, чистенькую бѣлую комнатку съ тюлевыми занавѣсками. Въ комнатѣ двѣ кровати. Одна большая—нянина, въ которой крѣпко съ полуоткрытымъ ртомъ храпитъ Степановна, утомившаяся за день. Въ другой, узенькой и бѣлой, лежитъ Симочка. Симочка не спитъ. Подъ подушкой у Симочки цѣлая кладовая. Тамъ лежатъ два яблока, плитка шоколада и четыре леденца. Пятый леденецъ во рту у Симочки. Симочка сосетъ леденецъ и думаетъ о Счастливчикѣ: «Что съ нимъ такое? Какой онъ сердитый былъ сегодня! Ахъ! Къ себѣ никого не пустилъ, обѣдъ ему носилъ Францъ въ дѣтскую и даже Лялю, милую, кроткую Лялю, заставилъ плакать!»

Симочка недоумѣваетъ и ѣстъ леденцы, потомъ

шоколадъ и яблоки, свою обычную порцію за день. Симочка — лакомка: она терпѣть не можетъ ѣсть на глазахъ у всѣхъ и понемножку. Куда лучше сдѣлать запасъ и уничтожить его вечеромъ на ночь, сразу, втихомолку наслаждаясь и смакуя каждый кусочекъ. Если бы только знала Аврора Васильевна, ахъ, попало бы Симочкѣ! Чу! Въ коридорѣ скрипятъ половицы. Не Аврора-ли Васильевна! Симочка суетъ свои сокровища подъ подушку, плотно жмуритъ глаза и дѣлаетъ невинное спящее лицо.

Дверь раскрывается... Это что такое?

На порогѣ Счастливчикъ.

— Счастливчикъ! — замирая отъ изумленія, тихо роняетъ Симочка.

— Тс! тс! Ради Бога, тише, разбудишь няню! — шепчетъ Счастливчикъ и на цыпочкахъ подходитъ къ Симочкиной кроваткѣ.

— Что такое! Что случилось, Счастливчикъ?

Яблоки, шоколадъ, леденцы — все забыто мигомъ. Симочка сидитъ на кровати и горящими любопытствомъ глазами впивается въ своего названаго брата.

Счастливчикъ опускается рядомъ. Онъ грустенъ и взволнованъ. Его личико блѣдно, глаза распухли отъ слезъ.

— Ты меня очень любишь, Симочка? — безъ всякихъ обиняковъ спрашиваетъ Счастливчикъ.

— Какъ передъ Богомъ, Счастливчикъ! — горячо срывается съ устъ Симочки.

Она говоритъ правду. Больше всего въ мірѣ она

любитъ Счастливчика, потомъ уже бабушку съ Лялей, няню, леденцы и шоколадъ.

Лицо Киры принимаетъ торжественное выраженіе.

— И ты принесешь мнѣ какую бы я ни попросилъ жертву?

— Ну, конечно, Счастливчикъ. А что?

Глаза Симочки съ жаднымъ вниманіемъ впиваются въ Киру. Кира приближаетъ губы къ Симочкиному лѣвому уху и шепчетъ:

— Аля боленъ... Ты понимаешь, боленъ... изъ-за меня... Была война... Онъ плѣнникъ, и я его взялъ въ плѣнъ и заперъ въ сарай отъ дровъ, холодный, пустой... Заперъ и забылъ... Онъ былъ въ одной курткѣ... А я про него забылъ... Три часа не вспомнилъ... Дворникъ его нашелъ... Аля былъ синій... холодный, понимаешь, какъ мертвецъ... А потомъ горячій и больной. Изъ-за меня больной, понимаешь? Я его долженъ видѣть, долженъ!.. И пойду... Пусть не пускаютъ, а я пойду... Я придумалъ, слушай: завтра не ѣхать въ гимназію нельзя и не навѣстить Алю тоже нельзя... Такъ вотъ что... Ты утромъ надѣнешь мой гимназическій костюмъ, т.-е. пальто и фуражку. Башлыкъ завяжи потуже. Я высоко его подвязываю, а ты завяжешь пониже, чтобы выглядѣть одного роста... Ты меня вѣдь выше... Выходи прямо укутанная изъ моей комнаты, садись въ сани рядомъ съ Ами и поѣзжай. До гимназіи доѣдешь, войди въ швейцарскую, а когда отъѣдетъ Андронъ, скорѣе выскакивай и домой, домой... А я тѣмъ временемъ успѣю въ твоей шубкѣ и капорѣ туда, туда, къ Алѣ... Понимаешь?

О, да, все это Симочка поняла сразу, потому что прослушала все отъ слова до слова съ захватывающимъ интересомъ. О, какъ все это забавно, весело, хорошо!.. Какъ хорошо!.. Настоящій подвигъ, какъ въ сказкѣ! И она, Симочка, героиня!

Да, да, она сдѣлаетъ все, все, что отъ нея требуется.

Все, все!

И все останется въ тайнѣ...

Тайна между нею и ея маленькимъ братомъ.

Ахъ, какъ интересно, какъ интересно!

И Симочка, охваченная бурнымъ восторгомъ, клянется Кирѣ, что исполнитъ его порученіе хоть сейчасъ... Она хотѣла бы еще многое-многое сказать этому милому Счастливчику, но няня начинаетъ безпокойно ворочаться на постели, и дѣти, стремительно поцѣловавшись на прощанье, разстаются до завтрашняго утра.

ГЛАВА XXXV.

— У него насморкъ!

— Нѣтъ, должно быть, онъ просто закутанъ!

— Ахъ, неужели же вы не понимаете, стыдно ему.

— Ну, конечно, послѣ всего происшедшаго вчера—стыдно.

— Когда онъ вернется изъ гимназіи, ни полслова о происшедшемъ! Какъ будто ничего и не произошло вчера!—строгимъ голосомъ говоритъ бабушка, и всѣ снова приникаютъ къ окнамъ.

Изъ оконъ хорошо видно, какъ выходитъ на крыльцо monsieur Диро и съ нимъ, съ лицомъ укутаннымъ въ башлыкъ, небольшая фигурка. Андронъ подаетъ сани. Monsieur Диро и фигурка садятся и ѣдутъ.

На дворѣ тепло. А Счастливчикъ, точно въ трескучій морозъ, укутался, какъ на-смѣхъ.

— Вы вспотѣете такъ, мой мальчикъ,— заботливо обращается по-французски къ своему спутнику monsieur Диро,—размотайте башлыкъ. Высуньте вашъ носикъ.

Но его маленькій сосѣдъ молчитъ, точно не слышитъ, и усиленно отворачиваетъ голову въ другую сторону.

— Вѣроятно, еще продолжается вчерашній капризъ,—соображаетъ monsieur Диро и оставляетъ своего сосѣда въ покоѣ.

Вотъ и гимназія. Лихо подкатываетъ къ ея подъѣзду Андронъ.

— Тпрууу! Пожалуйте, молодой баринъ!

«Молодой баринъ» быстро отстегиваетъ полость, предупреждая Андрона, и, выскочивъ изъ саней, врывается въ подъѣздъ.

— Ха, ха, ха, ха! — встрѣчаетъ его веселый хохотъ нѣсколькихъ голосовъ.—Что ты такъ закутанъ, Лиллипутикъ?—кричитъ громче всѣхъ Янко, схватывая воображаемаго Счастливчика за плечи.

— Онъ боится отморозить носъ! Ха-ха-ха-ха! — вторитъ ему Помидоръ Ивановичъ.

— Господа, онъ простуженъ! Ему нельзя раздѣваться. Ему надо сидѣть въ классѣ въ галошахъ, пальто и башлыкѣ, — смѣется Подгуринъ, и неожиданно его мысль принимаетъ самое лукавое направленіе.

— А ну, потащимъ его, братцы, во всемъ парадѣ въ классъ!

И не успѣваетъ закутанная фигурка что-либо сказать, какъ двѣ пары рукъ подхватываютъ ее подъ руки и втаскиваютъ на лѣстницу, въ коридоръ и оттуда наверхъ, въ отдѣленіе перваго класса.

— Ха, ха, ха, ха!—заливаются мальчики,—съ зимой честь имѣемъ поздравить, съ морозцемъ!.. Бррръ!

Холодно-то какъ, носъ отморозишь, ей Богу! Лилипутъ!

Такъ, прыгая и приплясывая вокругъ закутанной фигурки, шутятъ они.

— Братцы! Воспитатель катитъ по горизонту! — испуганно заявляетъ Помидоръ Ивановичъ, высунувшійся за дверь, и, въ два прыжка очутившись снова около фигурки, лепечетъ:

— Скорѣй, скорѣй! Сбрасывай всю эту хламиду, Счастливчикъ, а я стащу въ швейцарскую... Не то попадетъ!

И самъ онъ торопливо начинаетъ раздѣвать, смущенно съ поникшей головой стоящую посреди фигурку.

Долой башлыкъ, пальто, фуражку...

— Ахъ!

Помидоръ Ивановичъ вскрикиваетъ и отлетаетъ какъ мячикъ на три шага.

— Ахъ! — дружнымъ, не то испуганнымъ, не то изумленнымъ, возгласомъ вырывается изъ двадцати девяти дѣтскихъ грудей.

— Симочка! — снова вскрикиваетъ Помидоръ Ивановичъ.

— Дѣвчонка! Вотъ тебѣ разъ!—вторитъ ему классъ.

Посреди комнаты стоитъ теперь странная фигурка. Форма гимназистика, а голова съ косичкой... Длинныя растрепавшіяся пряди желтовато-бѣлокурыхъ двуцвѣтныхъ Симочкиныхъ волосъ падаютъ на лобъ, щеки, на глаза, на маленькій, пуговкою, носъ съ мелкими, какъ бисеръ, веснушками. Изъ-подъ спутанныхъ

на лбу прядей смотрятъ бойкіе синіе глаза, безъ малѣйшей тѣни испуга.

— Вотъ тебѣ разъ! — говоритъ растерянно Помидоръ Ивановичъ,—Симочка! Какъ же вы сюда попали?

Тогда раскрываются малиновыя губки, и Симочка быстро-быстро, захлебываясь и волнуясь, разсказываетъ все: про болѣзнь Али Голубина, про Счастливчика и про возложенное имъ на нее порученіе.

Едва только успѣваетъ она выложить суть дѣла, какъ кто-то сильно хлопаетъ ее по плечу.

— Ура! Ай да молодчинища-дѣвчонка, ей Богу точно нашъ братъ-мужчина! — кричитъ весело Янко, и глаза его загораются восторгомъ. — Ай да молодецъ! Вотъ это я понимаю!

— И я! И я тоже!—звучатъ другіе веселые голоса.

— А и здорово же, смѣлая вы, Симочка! Другая ни за что не пойдетъ на такой поступокъ, — снова подходя къ дѣвочкѣ, говоритъ Ваня Курнышовъ. — Давайте-ка вашу лапку... Я пожму ее отъ души, какъ товарищу-мужчинѣ!

И онъ такъ крѣпко встряхиваетъ тонкую Симочкину рученку, что у той искры сыплются изъ глазъ.

— Братцы, Пѣтухъ на порогѣ!

— Вотъ такъ штука!

— Скандалъ!

— Лѣзьте подъ скамейку!

— Нѣтъ, за доску лучше!

— Ахъ, какъ жаль, что полъ не ледъ и въ него нельзя провалиться!

Въ классѣ суета, суматоха... Кольцо мальчиковъ

стѣной окружаетъ Симочку и закрываетъ ее отъ глазъ вошедшаго Пыльмина.

Появившійся на порогѣ Петръ Петровичъ внимательно прищуривается и смотритъ удивленный черезъ толпу мальчиковъ, которые хотятъ скрыть отъ его глазъ что-то за своими фигурками. Но Пыльмина обмануть трудно.

— Что за базаръ?—строго повышаетъ онъ голосъ. И, быстро расчистивъ себѣ дорогу, останавливается, какъ вкопанный, передъ мальчикомъ съ косичкой.

Мальчикъ съ косичкой очень благовоспитанный мальчикъ. При видѣ незнакомаго человѣка въ вицъ-мундирѣ, Симочка потупляетъ глазки и отвѣшиваетъ низкій реверансъ.

Ахъ, этотъ реверансъ! Онъ погубилъ все дѣло. Если бы не этотъ реверансъ, можно было бы, пожалуй, увѣрить какъ-нибудь класснаго наставника, что это маленькій китаецъ съ косичкой, который поступилъ недавно въ сосѣднюю гимназію и, перепутавъ дорогу, попалъ въ здѣшнюю, сюда. Но даже китайцы не дѣлаютъ реверансовъ, какъ дѣвочки...

Дѣло испорчено въ конецъ.

Классный наставникъ краснѣетъ отъ гнѣва, высоко поднимаетъ брови и говоритъ зловѣщимъ голосомъ:

— Я сейчасъ иду за инспекторомъ! Что за глупая шутка! Вы всѣ будете наказаны!

И выходитъ, хлопнувъ дверью такъ, что пляшетъ шкапъ, оконныя рамы, каѳедра и столы.

— Теперь спасайтесь!—шепчетъ отчаяннымъ шо-

потомъ Ваня Курнышовъ ошеломленной, но отнюдь не испуганной Симочкѣ,—бѣгите внизъ, что есть мочи, и духомъ домой!

— Духомъ домой! Мы вамъ поможемъ одѣться! — эхомъ откликаются двадцать девять мальчиковъ, и десятокъ рукъ помогаетъ Симочкѣ одѣть злополучное пальто, фуражку и башлыкъ.

Мальчикъ съ косичкой преображается снова.

Теперь не только чужіе, но и домашніе, пожалуй, не узнаютъ, кто тамъ спрятанъ подъ башлыкомъ—гимназистъ или дѣвочка.

Симочка пулей вылетаетъ изъ класса.

— Прощайте, прощайте!—кричатъ ей сдержанно десятки голосовъ.

— Молодецъ—дѣвочка! Отчаянная! Вся въ нашу братію!—вторятъ другіе.

— Скорѣе! Скорѣе, Симочка!—посылаетъ дѣвочкѣ въ догонку Ваня Курнышовъ.

Но Симочка и безъ него знаетъ, что надо скорѣе. Она мчится по коридору, по лѣстницѣ, мимо изумленныхъ, попадающихся ей то и дѣло на пути, гимназистовъ, наставниковъ, учителей. Бомбой влетаетъ она въ швейцарскую, проскальзываетъ мимо онѣмѣвшаго швейцара и...

Слава Богу! Она по дорогѣ къ дому!

ГЛАВА XXXVI.

ВЕСЕЛОЕ свѣжее мартовское утро... Канунъ зарождающейся весны... Снѣгъ еще лежитъ на улицахъ, но небо синее, какъ огромный, чистый сапфиръ, улыбается и блещетъ своимъ огненнымъ солнцемъ...

Въ тепломъ салопѣ и капорѣ Симочки спѣшно шагаетъ по тротуару Счастливчикъ. Изъ-подъ салопа выглядываютъ ноги въ черныхъ брюкахъ и въ сапогахъ.

Ахъ, какъ трудно было уйти ему сегодня изъ дому!.. Пришлось высидѣть цѣлый часъ въ гардеробной, пока Симочка не уѣхала съ Ами, потомъ черезъ черный ходъ и кухню прокрасться мимо повара и судомойки спуститься по лѣстницѣ, въ сѣни, а затѣмъ на улицу. Но вотъ, наконецъ-то онъ на свободѣ. Счастливчикъ вздыхаетъ облегченно и прибавляетъ шагу. Скоро, теперь скоро. Онъ знаетъ адресъ Али, знаетъ дорогу. Сначала прямо, прямо, потомъ направо и налѣво чрезъ широкую улицу, затѣмъ чрезъ узенькій переулокъ...

Черезъ черный ходъ и кухню надо было прокрасться на улицу...

Ахъ, какъ жалко, что въ кошелькѣ не осталось ни одной монетки! Можно было бы нанять на нее извозчика. А то такъ трудно идти и къ тому же надо скорѣй, скорѣй...

Счастливчикъ все прибавляетъ и прибавляетъ шагу. Вотъ онъ наконецъ—грязный, узкій переулокъ. Вотъ и сѣрый, непривѣтливый трехъэтажный домъ.

Здѣсь отдаются дешевыя квартиры и комнаты для бѣднаго люда.

— Динь! Динь! Динь! — звонитъ Счастливчикъ у обитой клеенкой двери въ верхнемъ этажѣ.

— Здѣсь комната госпожи Голубиной?

— Пожалуйте, маленькая барышня, здѣсь, — и скромно одѣтая служанка его впускаетъ.

Она принимаетъ его за дѣвочку... Гмъ!.. Не все ли равно!

Салопъ прочь! Капоръ тоже! У служанки глаза дѣлаются круглыми отъ изумленія.

Вотъ такъ превращеніе: дѣвочка стала вдругъ мальчикомъ!

Какъ это такъ?

Но Счастливчику нѣтъ времени объяснять суть дѣла.

— Что, маленькій Аля Голубинъ здоровъ? — тревожно спрашиваетъ онъ.

— Очень больны!—отвѣчаетъ служанка.

— Очень боленъ!—помимо собственной воли, вторитъ ей убитымъ голосомъ Счастливчикъ, и что-то, какъ камень, больно и мучительно давитъ ему грудь.

— Можно къ нему пройти? — спрашиваетъ тихо Счастливчикъ.

— Что-жъ, пойдите,—отвѣчаетъ служанка.

Тихо, осторожно, на цыпочкахъ идетъ Счастливчикъ за дѣвушкой по темному коридору и входитъ въ какую-то дверь.

Маленькая, маленькая комнатка... Убогая обстановка... Кривой диванъ... Покосившійся столъ... Кровать въ углу. На кровати Аля... Или нѣтъ, не Аля даже, а какое-то безпокойно мечущееся, стонущее, худенькое, какъ кумачъ красное, маленькое существо.

— Аля! Аля! Дорогой, милый!—стономъ срывается съ губъ Счастливчика, и, не помня себя, онъ бросается къ больному, хватаетъ его крошечную, горячую, какъ огонь, ручку и подноситъ ее къ губамъ.

— Бѣдный Аля! Милый Аля! — шепчетъ онъ изступленно, вглядываясь въ багровое отъ жара лицо своего маленькаго друга.

Худенькая, блѣдная, какъ тѣнь, женщина съ большими голубыми, точь въ точь какъ у Али, глазами подходитъ къ Счастливчику.

— Вы его товарищъ? — говоритъ она тихимъ музыкальнымъ и какъ будто надтреснутымъ голосомъ.— Вы вѣрно Кира Раевъ? Счастливчикъ? Да? Онъ звалъ васъ всю ночь въ жару и бреду.

Счастливчикъ молча мотаетъ головой. Онъ не можетъ произнести ни слова въ отвѣтъ. Что-то огромное и тяжелое растетъ въ груди и душитъ его, душитъ...

Онъ, этотъ добрый, кроткій Голубинъ, вспоминалъ его,—его, дурного, злого, который такъ гадко, такъ жестоко съ нимъ поступилъ!

Худенькая женщина стоитъ рядомъ. Она взяла маленькую ручку Али, держитъ ее въ своихъ рукахъ и смотритъ, смотритъ въ багровое, горячечное лицо сына.

— Что говоритъ докторъ? — шепчетъ тревожный вопросъ Счастливчикъ, не смѣя поднять на нее глазъ.

— Докторъ? Да развѣ я могла позвать доктора?— говоритъ глухо Алина мама:—у меня нѣтъ ни копейки за душой... Какой тутъ можетъ быть докторъ!—убито заключаетъ она и роняетъ на грудь усталую голову.

Слезы градомъ катятся по ея лицу.

Точно молотъ ударяетъ по сердцу Счастливчика.

— Безъ доктора! Безъ лекарствъ! О, Господи!.. Онъ умретъ! Умретъ Аля! — изступленно шепчетъ съ отчаяніемъ въ груди Счастливчикъ. — Ахъ, зачѣмъ у меня нѣтъ денегъ?.. — съ тоскою мысленно прибавляетъ онъ.

Тихое-тихое тиканье доносится до его ушей.

«Что это?—удивляется Счастливчикъ.—Ахъ, да это мои часы!»

Какъ плохо, что онъ уже купилъ ихъ, истратилъ на нихъ всѣ деньги, онѣ бы такъ пригодились сейчасъ на леченіе Алѣ, на доктора, на лекарство больному, на все, на все!

Душа точно замираетъ въ Кирѣ... И вдругъ воскресаетъ быстрая-быстрая мысль: Да развѣ часы не деньги? Развѣ нельзя въ деньги обратить часы?

Ну, конечно, можно! Можно! Можно! Можно!

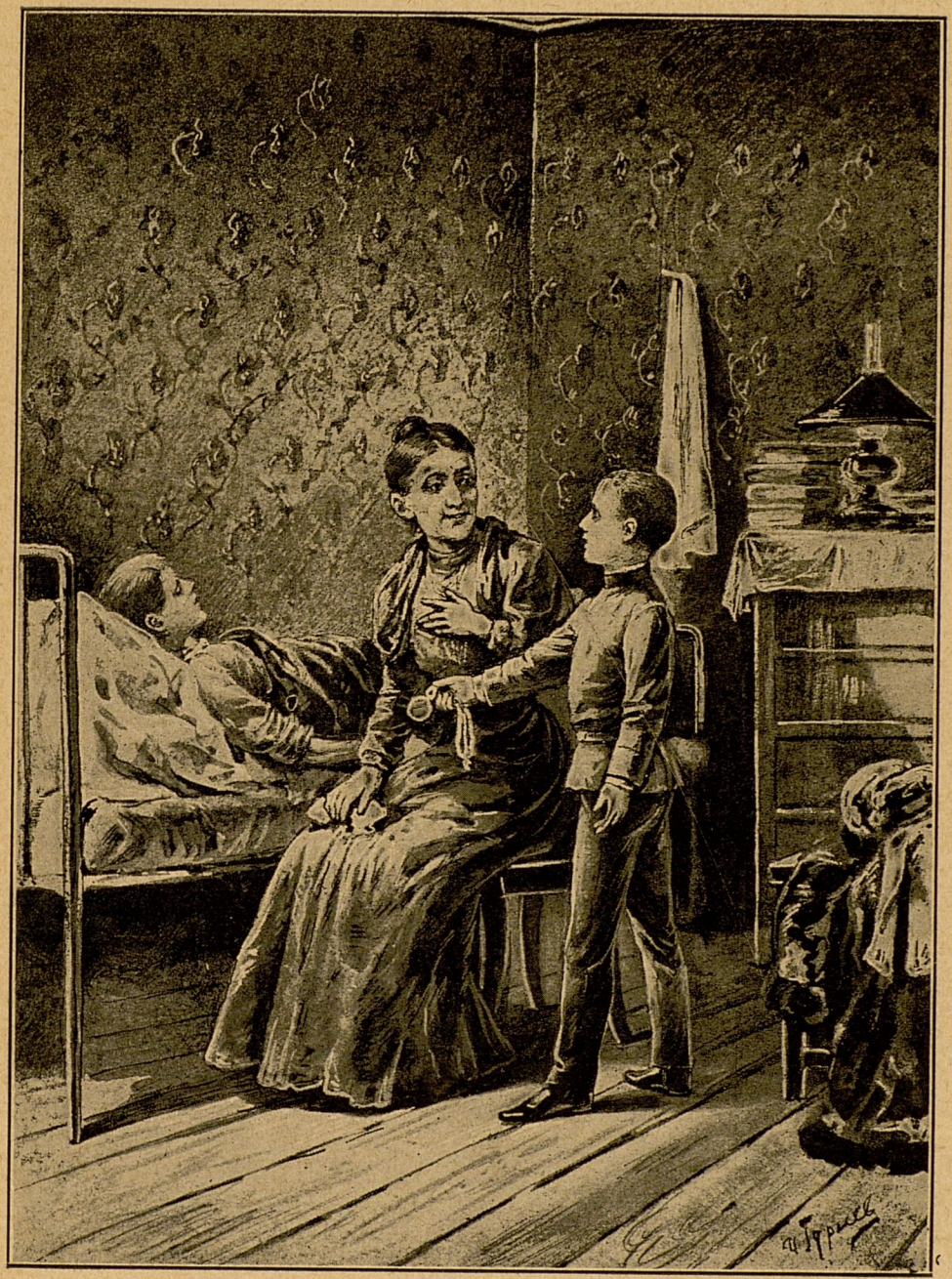
Не раздумывая ни минуты больше, онъ запускаетъ

руку въ карманъ, вынимаетъ часы съ цѣпочкой и передаетъ Алиной мамѣ.

— Вотъ, пожалуйста, — лепечетъ онъ, отводя въ сторону отъ нея измученные глаза, — пусть дѣвушка ваша съѣздитъ, продастъ. Мнѣ они не нужны... Совсѣмъ не нужны!.. А на вырученныя деньги позовите скорѣе доктора, купите лекарства, только бы выздоровѣлъ Аля...

— Вы великодушный, добрый ребенокъ, — отвѣчаетъ растерянная, до глубины души потрясенная, худенькая женщина,—вы Божій ангелъ, посланный съ неба для спасенія Али! О, благодарю, благодарю васъ! Ваши часы я не продамъ, нѣтъ, нѣтъ, я возьму ихъ на время, заложу... Потомъ выкуплю, верну вамъ... Это, можетъ быть, дурно, что я принимаю отъ васъ, маленькаго мальчика, такое одолженіе безъ вѣдома вашихъ родныхъ, но, но... вы видите сами, какъ плохъ мой Аля! А часы при первой же возможности къ вамъ вернутся снова...

И, рыдая навзрыдъ, Раиса Даниловна Голубина скрылась въ коридорѣ.



Счастливчикъ вынимаетъ часы и передаетъ ихъ Алиной мамѣ...

ГЛАВА XXXVII.

АХЪ, какое утро! Какое ужасное утро!..

Аля не приходитъ въ себя... Аля стонетъ, мечется и кричитъ временами въ своей постели... А то лежитъ безмолвный и затихшій, точно мертвецъ...

Скорѣе бы, скорѣе пріѣхалъ докторъ!

Раиса Даниловна и Кира, тѣсно прижавшись другъ къ другу, охваченные однимъ общимъ волненіемъ, съ замираніемъ сердца ждутъ съ минуты на минуту его пріѣзда... Какъ измучилась, какъ изстрадалась маленькая душа Счастливчика за это недолгое время. Сколько отчаянія и горя узналъ онъ за эти короткіе часы! Что-то не перестаетъ сжимать его сердце... Что-то тѣснитъ голову и грудь...

Страшный, настойчиво-властный голосъ твердитъ ему изъ глубины сердца:

— «Если маленькій Аля умретъ, ты довелъ его до этого своимъ безразсуднымъ поступкомъ, и ты виновникъ его смерти».

Какъ это ужасно! Какъ тяжело! Невыносимо тяжело!

На лицо Алиной мамы страшно смотрѣть. Глаза горятъ, какъ у безумной, щеки бѣлы, какъ бумага... Боже мой! Что будетъ съ нею, если умретъ ея сокровище, ея бѣдный, маленькій, всегда тихій, какъ мышка, кроткій голубокъ. А Аля, не багровый уже теперь, а блѣдный-блѣдный, какъ известь. Его трясетъ лихорадка. У него ознобъ. Его впалыя щеки сини. Зубы стучатъ. Глаза полуоткрыты, но онъ ими ничего не видитъ, рѣшительно ничего. Онъ въ забытьи.

Звонокъ въ передней.

— Это докторъ! — точно проснувшись, глухо говоритъ Раиса Даниловна.

Она не ошиблась—это былъ докторъ.

Входитъ докторъ, высокій, худой, въ очкахъ, киваетъ головой, внимательно оглядываетъ комнату. Потомъ подходитъ къ постели, беретъ ручку больного, слушаетъ пульсъ. Долго-долго выслушиваетъ и выстукиваетъ Алю...

О, какъ безконечно долго длится его осмотръ!

Наконецъ, онъ оставляетъ маленькаго больного, подходитъ къ Раисѣ Даниловнѣ и говоритъ:

— У мальчика очень тяжелая болѣзнь, но не надо отчаиваться... Заразнаго у него ничего нѣтъ... Надѣюсь, поправится. Надо только сейчасъ принять мѣры, и, пока ему не станетъ легче, я не уѣду отсюда... Будьте покойны, сударыня! Я приложу всѣ силы, чтобы спасти его.

Онъ написалъ что-то быстро на клочкѣ бумажки и велѣлъ подошедшей служанкѣ нести въ аптеку. Потомъ потребовалъ теплыхъ одѣялъ, теплаго верхняго

платья, подушекъ, словомъ—всего такого, чѣмъ можно было бы хорошенько укутать и согрѣть больного.

— Надо какъ можно скорѣе и лучше вызвать у больного испарину — пояснилъ докторъ, — и если это удастся, мальчикъ спасенъ. А теперь горячаго чаю сюда, хорошо бы съ лимономъ или коньякомъ.

Когда все требуемое было передано врачу, вмѣстѣ съ чаемъ и лекарствомъ, доставленнымъ изъ аптеки, докторъ собственноручно влилъ нѣсколько ложекъ горячаго чая въ посинѣвшій ротикъ Али. Вслѣдъ за этимъ онъ сталъ каждыя четверть часа поить его микстурой, предварительно укутавъ мальчика всѣми теплыми вещами, которыя нашлись въ убогомъ жилищѣ.

Въ промежуткѣ между подачею лекарства, врачъ обратился къ Алиной мамѣ:

— Отчего вы раньше не позвали меня? Надо было возможно скорѣе захватить болѣзнь!

— А развѣ ужъ поздно? — съ ужасомъ въ обезумѣвшихъ отъ горя глазахъ, спросила Голубина.

— Все въ рукахъ Божіихъ!—отвѣтилъ докторъ.

Въ отвѣтъ на слова доктора, громкое судорожное рыданіе огласило комнату.

— Уведите ее, она потревожитъ больного,—тихо произнесъ, обращаясь къ Счастливчику, докторъ. И Счастливчикъ, у котораго маленькое сердце разрывалось отъ тоски и горя, какъ взрослый, повелъ Алину маму въ коридоръ, плотно затворивъ дверь за собою.

На порогѣ комнаты они успѣли услышать голосъ доктора:

— Не отчаивайтесь раньше времени. Если, повторяю, удастся вызвать испарину,—вашъ мальчикъ спасенъ.

ГЛАВА XXXVIII.

Въ маленькой, почти крошечной, комнаткѣ служанки, общей горничной для всѣхъ, снимающихъ скромныя комнатки, бѣдныхъ жильцовъ, Алина мама опускается на стулъ и горько-горько плачетъ.

— О, вы великодушный, добрый, чудный мальчикъ, — шепчетъ она, прижимая къ своей худенькой груди голову Киры, — если бы не вы, не ваша помощь...—и она вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ при одной мысли о томъ, что могло бы тогда случиться.

И градъ горячихъ, благодарныхъ поцѣлуевъ сыплется на Счастливчика.

Но еще тѣснѣе, еще болѣзненнѣе сжимается отъ нихъ его сердце. Точно невидимые когти раздираютъ его на тысячу кусковъ.

О, эта бѣдная, худенькая Алина мама не знаетъ очевидно, кто виновникъ болѣзни ея милаго мальчика... Какая мука! Какой ужасъ!

Счастливчикъ не въ силахъ выносить этого ужаса, этой муки.

Внѣ себя, падаетъ онъ на колѣни передъ доброй, ласковой, несчастной, рыдающей женщиной и разсказываетъ ей все, какъ было, все, все...

Это цѣлая исповѣдь... Ни капли въ ней лжи, ни утайки... Все, какъ было,—и про войну, и про плѣнъ, и про сарай для дровъ разсказываетъ Счастливчикъ, смѣшивая слезы со словами, слова съ рыданіями.

Когда все разсказано, все до капли, — онъ скрываетъ лицо, приткнувшись къ колѣнямъ Раисы Даниловны своей маленькой головкой, и лепечетъ, всхлипывая и дрожа всѣмъ тѣломъ:

— Ну, вотъ... вотъ видите, видите, что я вовсе не великодушный!.. Я виноватъ, очень виноватъ передъ Алей!.. Вѣдь это я причина его болѣзни!.. Да! Да! И вы не должны называть меня великодушнымъ... И не должны меня любить... Я не стою ни вашей ласки, ни любви бѣднаго Али! Не стою, не стою! Нѣтъ! Нѣтъ!

И замирая всѣмъ существомъ своимъ, онъ ждетъ, что вотъ-вотъ его оттолкнутъ, выгонятъ отсюда, и что градъ заслуженныхъ упрековъ и обвиненій посыплется на него...

Ахъ, ужъ скорѣе бы, скорѣе!

Но что это?

Двѣ нѣжныя руки обнимаютъ его голову, прижимаютъ къ себѣ... А добрые голубые глаза Алиной мамы смотрятъ ему прямо въ душу.

И добрый, кроткій, ласковый голосъ говоритъ такъ нѣжно и задушевно ему:

— Не мучь себя, мой мальчикъ... Не мучь себя...

Господь съ тобою!.. Не по злобѣ все это вышло, нечаянно, сгоряча... Я все знаю, все—и про завтраки твои знаю... Аля мой разсказывалъ мнѣ все, все...

И дрожащія, трепещущія губы крѣпко и нѣжно цѣлуютъ склоненную головку.

ГЛАВА XXXIX.

КАКЪ тянется время!

Какъ безконечно тянется оно!

Раиса Даниловна и Счастливчикъ не могутъ понять даже, сколько его прошло съ той минуты, какъ докторъ выслалъ ихъ изъ комнаты больного.

Можетъ быть—полчаса, а можетъ быть—и четыре часа. Въ Алиной комнатѣ такъ тихо-тихо, какъ въ могилѣ. Ничего не слышно. Ни звука не доносится оттуда. Какъ страшно! Какъ страшно! Что-то происходитъ тамъ?...

Часы тикаютъ на стѣнѣ въ коридорѣ. Потомъ бьютъ разъ, два, три!

Три часа!

Въ сосѣдней комнатѣ шорохъ... Кто-то отодвинулъ стулъ... Кто-то вздохнулъ тяжко и глубоко.

— Это онъ? Ему худо! Онъ умираетъ!

Слова рвутся съ трепещущихъ губъ Алиной мамы... Она вскакиваетъ съ мѣста и вся дрожитъ съ головы до ногъ.

И Счастливчикъ дрожитъ.

Словно въ вихрѣ мчатся его мысли.

— Сейчасъ, сейчасъ... вотъ, навѣрное, умеръ Голубинъ... Или... или...

Въ комнатку горничной входитъ докторъ. Лицо сосредоточенное, угрюмое, но глаза спокойны.

Два взгляда впиваются въ эти глаза съ нѣмымъ вопросомъ:

— Умеръ?

— Живъ, — говоритъ докторъ и улыбается широко.—Живъ, ступайте къ нему, теперь онъ внѣ всякой опасности, вашъ мальчикъ!

Счастливчику кажется вдругъ, что солнце упало съ неба и разомъ заполнило собою всю крошечную комнатку прислуги. Такъ хорошо, такъ легко, такъ свѣтло становится у него на душѣ!

И, потрясенный, счастливый, сіяющій, онъ спѣшитъ за Алиной мамой туда, къ дорогому маленькому больному.

. . . . . .

Аля лежитъ, обложенный подушками, укрытый до подбородка разнымъ теплымъ хламомъ, мокрый, какъ утенокъ, только что вышедшій изъ воды, и слабо улыбается исхудавшимъ за сутки до неузнаваемости личикомъ.

— Мамочка! Счастливчикъ! Счастливчикъ у меня!— лепечетъ его нѣжный, слабенькій голосъ,—ахъ, какъ я радъ тебѣ, Счастливчикъ!

Радъ?.. Аля радъ?..

Что это? Или онъ ослышался, Счастливчикъ? Это

за все причиненное ему зло, онъ ему радъ, онъ—Аля ему—Кирѣ радъ?

Теплая волна заливаетъ сердце Счастливчика. Что-то сжимаетъ горло, приливаетъ волной къ глазамъ. Горячее, сладкое и мучительное счастье охватываетъ все его существо.

Аля живъ!.. Аля простилъ!.. Аля его любитъ! Радъ ему! О, милый, добрый маленькій Аля!

Два прыжка, и Счастливчикъ уже около его постели, около Раисы Даниловны, покрывающей безумными поцѣлуями худенькое, все въ поту, личико сына.

Онъ обвиваетъ рукой мокрую укутанную теплымъ платкомъ головку больного и, наклонившись къ его уху, шепчетъ:

— Прости меня! Прости, Аля! Пожалуйста, прости, я не нарочно!

Голубые глазки поднимаются на Киру съ неизъяснимымъ чувствомъ любви и ласки. О, какъ хороши эти дѣтскіе глазки! Какое ангельское выраженіе запечатлѣно сейчасъ на дѣтскомъ личикѣ Али.

— Я люблю тебя, Счастливчикъ! Я такъ люблю тебя! Какъ брата люблю! У меня нѣтъ ни брата, ни сестры, хочешь, мы будемъ братьями съ тобою?— чуть слышно шепчутъ ссохшіяся отъ недавняго жара губки.

Хочетъ ли онъ?

И Аля еще можетъ спрашивать его объ этомъ? Конечно, онъ хочетъ, хочетъ!

Кромѣ Ляли и Симочки, у него, у Счастливчика,

еще будетъ братъ! Милый, добрый братъ, милый, славненькій Аля!

О, онъ счастливъ! счастливъ!

— Спать! Сейчасъ же спать! — шутливо приказываетъ больному докторъ и, сдѣлавъ знакъ Алиной мамѣ и Счастливчику выйти, снова одинъ остается въ комнатѣ больного.

. . . . . .

— Счастливчикъ!

Кира, какъ сквозь сонъ, слышитъ голосъ бабушки, видитъ ея лицо... Лицо Али тоже... Ловитъ чей-то тихій шопотъ... и не можетъ раскрыть глазъ отъ охватившей его дремоты.

Безсонная ночь, страхъ за жизнь Али, пережитыя за день волненія теперь даютъ себя знать. Онъ лежитъ на жесткой постели все въ той же убогой комнаткѣ въ чужомъ домѣ и никакъ не можетъ придти въ себя.

А крошечная комнатка полна народу: гутъ и бабушка, и Раиса Даниловна, и Ами, и Францъ.

Зачѣмъ Францъ—этого Счастливчикъ понять не можетъ. Не можетъ разобрать и того, что говоритъ бабушкѣ Раиса Даниловна, говоритъ горячо, пылко, то и дѣло обращая восхищенный взглядъ на него, Киру.

— «Это такой чудный, такой добрый, такой великодушный мальчикъ!»—слышится Кирѣ точно сквозь сонъ.

Потомъ его поднимаютъ и несутъ куда то...

Надѣваютъ на него что-то тяжелое, теплое и опять несутъ.

Онъ приходитъ въ себя только въ каретѣ. Тревожныя лица бабушки и monsieur Диро вглядываются въ него... И ни тѣни неудовольствія на обоихъ... А онъ-то еще вчера провинился передъ ними!.. И сегодня ушелъ потихоньку! О, какъ гадко, гадко все это! И сознавая вполнѣ свою вину передъ ними, Счастливчикъ тихонько беретъ руку бабушки и цѣлуетъ, цѣлуетъ безъ конца. Потомъ, внезапно, точно вспомнивъ, говоритъ какъ въ дремотѣ:

— Бабушка, милая, прости, я не хотѣлъ никого обидѣть... Спроси Симочку, она все знаетъ, до капельки все... И еще, бабушка, помоги Алиной мамѣ... Пригласи ее давать уроки намъ, — мнѣ, Лялѣ, Симочкѣ, — вмѣстѣ съ Авророй Васильевной. Вѣдь они такіе бѣдные!.. Имъ кушать нечего иногда бываетъ, бабушка... И... и... я не могу больше жить отдѣльно отъ Али... Вѣдь мы братья теперь, понимаешь, бабушка, братья... Родные братья! Ты понимаешь?

— Понимаю, понимаю, все будетъ сдѣлано, какъ ты хочешь, Счастливчикъ. Успокойся, мой голубчикъ! — спѣшитъ отвѣтить Валентина Павловна внуку, и ея встревоженное лицо озаряется любящей улыбкой.

ГЛАВА XL.

МАЙ. Сирень цвѣтетъ за окномъ. Ея пряный душистый ароматъ врывается въ гимназическую залу. Солнце заливаетъ ея стѣны, веселыми блестками ложась на нихъ и на паркетѣ, блестящемъ и гладкомъ, какъ стекло.

Въ гимназической залѣ торжество: раздача наградъ въ послѣдній день учебнаго года.

Учителя, начальство, родственники гимназистовъ—всѣ явились въ гимназію посмотрѣть торжественное событіе.

Посреди залы столъ, покрытый алымъ сукномъ; вокругъ стола помѣстилось гимназическое начальство. Вдоль стѣнъ шпалерами стоятъ ученики. Родственники и близкіе размѣщены тамъ дальше, на стульяхъ.

Пропѣли пѣвчіе торжественный гимнъ, и инспекторъ начинаетъ вызывать отличившихся учениковъ.

Начинаетъ съ младшаго класса.

— Иванъ Курнышовъ, за отличное прилежаніе первая награда! — слышится отчеканивающій на всю огромную комнату каждое слово голосъ инспектора.

Помидоръ Ивановичъ, краснѣе, чѣмъ когда-либо, смущенный и счастливый, идетъ къ столу.

Ему вручаютъ красивую большую книгу въ роскошномъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ.

— Молодецъ! Довольны тобою! Можешь сказать родителямъ, — говоритъ инспекторъ, кладя руку на круглую, какъ шаръ, стриженую головку мальчугана.

Чье-то сдержанное всхлипываніе слышится въ углу. Худенькая, изсохшая въ трудѣ мать Вани, со скромно повязанною темной косынкой головою, плачетъ отъ счастья.

— Голубчикъ ты мой! Господь пошли тебѣ счастья, сыночекъ!—и цѣлуетъ, цѣлуетъ своего краснаго, какъ маковъ цвѣтъ, сынишку.

— Иванъ Янко! — снова звучитъ начальническій голосъ.

Маленькій Хохолъ, успѣвшій уже подраться позади другихъ съ Верстою и ущипнуть мимоходомъ Калмыка, какъ встрепанный, вылетаетъ на середину залы.

Ахъ, эти шельмоватые синіе глаза, эта лукаво улыбающаяся красивая рожица, эти спутанные непокорныя кудри, — сколько во всемъ этомъ жизни и огня!

— Шалунъ,—говоритъ ему инспекторъ и сердито грозитъ пальцемъ,—если бы такъ же, какъ учишься, и велъ себя!

Ивась тоже получаетъ награду: нарядную, прекрасную книгу съ золотымъ обрѣзомъ.

— Ухъ, важно!—говоритъ онъ шопотомъ товарищамъ и за ихъ спинами выдѣлываетъ незамѣтно для глазъ начальства первое залихватское «па» родного гопака.

— Кириллъ Раевъ!

Глаза бабушки, Ляли, Симочки, Ами, Микъ-Мика, Авроры Васильевны, Раисы Даниловны (Алина мама уже два мѣсяца какъ вошла въ семью Раевыхъ и живетъ у нихъ въ качествѣ друга и учительницы музыки, а съ ней вмѣстѣ живетъ ея ненаглядный Аля), — всѣ прикованы сейчасъ къ Счастливчику.

Безъ тѣни смущенія, спокойный и увѣренный въ себѣ, какъ всегда, Кира подходитъ къ покрытому алымъ сукномъ столу. Вся зала смотритъ на хорошенькаго бѣлокураго мальчика съ такими огромными, умными и серьезными глазами.

— Третья награда! — говоритъ инспекторъ и не удерживается, что бы не погладить по плечу представшаго передъ нимъ серьезнаго маленькаго человѣчка.

Кира краснѣетъ и взволнованный, держа въ дрожащихъ рукахъ красивую книгу въ красномъ переплетѣ, направляется къ первому ряду стульевъ, гдѣ сидятъ его близкіе.

— Поздравляемъ, поздравляемъ! — шепчутъ радостно бабушка, Голубина, Аврора Васильевна и Ами.

— О, если бы мама съ папой были живы и видѣли это,—тихо, чуть слышно лепечетъ Ляля, покры-

вая безконечными поцѣлуями лицо своего маленькаго брата.—Вотъ-то они обрадовались бы, узнавъ, какъ хорошо учится Кирочка!

— Что-жъ тутъ хорошаго? — притворно сердится Микъ-Микъ.—Я думалъ, онъ первую получитъ, и Кира могъ ее легко получить, а между тѣмъ онъ... Эхъ-ма, подвели вы меня, Счастливчикъ!—дѣлая отчаянную гримасу, съ безнадежнымъ видомъ заключаетъ онъ.

— А вотъ мой Аля и ничего не получилъ!—съ легкимъ вздохомъ, словно утѣшая огорченнаго студента, говоритъ Раиса Даниловна.

— Вашъ Аля—маленькій ангелъ... Онъ самъ изъ себя представляетъ высшую награду, которую послалъ вамъ Господь, Раиса Даниловна.

И говоря это, бабушка въ то же время ласкаетъ отросшія за годъ кудри Киры.

Раиса Даниловна въ свою очередь прижимаетъ къ груди Алю.

Всѣ довольны, только Микъ-Микъ никакъ не можетъ успокоиться.

— Какъ хотите, Счастливчикъ, — говоритъ онъ ворчливо, скашивая какъ-то странно и смѣшно глаза, отчего Симочка въ забывчивости едва не фыркаетъ на всю залу, — какъ хотите, а въ будущемъ году не являться безъ первой награды, а то съѣмъ! Съѣмъ безъ сахара и безъ масла!

И онъ при этомъ лязгаетъ зубами, желая показать, какъ онъ, большой и высокій Микъ-Микъ, съѣстъ маленькаго хрупкаго Счастливчика. Всѣ смѣются. Смѣется и Счастливчикъ и, разумѣется, веселѣе всѣхъ.

— Въ будущемъ году!—говоритъ онъ, оживленно поблескивая своими красивыми глазенками. — О! въ будущемъ году я постараюсь и у меня не будетъ ни одного кола, ни одной пары. Ни троицы даже — все четверки и пятерки. Вотъ увидите! О, вы будете довольны! Увидите, милый Микъ-Микъ!

КОНЕЦЪ.

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

ЩЕЛЧОКЪ

ПОВѢСТЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Съ рисунками худ. И. Гурьева.

Представляя собою вполнѣ самостоятельную и законченную повѣсть, «Щелчокъ» является, вмѣстѣ съ тѣмъ, продолженіемъ «Счастливчика», такъ какъ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ этой повѣсти находятся почти всѣ дѣйствующія лица «Счастливчика»: тутъ и Кира Раевъ, и Микъ-Микъ, и Аля, и др. Главный герой повѣсти—цыганенокъ.

37.34.6.7.